ISSN 0042-8779

БОЛЬШЕ ВЕКА ОСВЕЩАЕМ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/ 1926–2026

9

100 ЛЕТ СО ДНЯ ВЫХОДА ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА 1926–2026

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9
2026

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

Содержание

Статьи

П.А. Искендеров. Исторический процесс: вопросов все еще больше, чем ответов 2

Хроника Великой Победы

М.Б. Щавелёва, Н.А. Кузнецова. Роль Горьковского городского комитета обороны по организации работы тыла в годы Великой Отечественной войны 28

Люди. События. Факты

И.М. Афонасенко. Титул, герб и генеалогия Бориса Васильевича Кене, создателя Государственного герба Российской империи..... 38

С.В. Аристов. Между «народным здоровьем» и корпоративным молчанием: немецкие врачи в 1933 – 1960-е гг..... 54

Сообщения

Ю.Б. Надточий. Владимир Григорьевич Шухов: портрет выдающейся личности и признанного инженера, изобретателя, ученого (дореволюционный период) 64

Историография

А.Д. Щеглов. Рецензия на книгу: АГИШЕВ С.Ю. Речь против епископов. Тексты. Перевод. Комментарии. Средневековая Норвегия между королевской властью и Церковью: трудный диалог. М.: МЦМНО, 2025. 272 с. 76

Из истории культуры

Д.Л. Чавчанидзе. О прозе в понимании мастеров поэзии (роман) 82

У зарубежных коллег

Т. Пай. Шотландское Просвещение и пересмотр современной истории..... 90

Э. Кэррол. Представления о тоннеле под Ла-Маншем во Франции после Первой мировой войны 120

Д. Ковач. Словацкая историография после 1989 г. в международном контексте: теоретико-методологические аспекты..... 142

ВЫХОДИТ С 1926 ГОДА

ООО «ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

МОСКВА

УДК 93/94
DOI: 10.31166/
VoprosyIstorii202609StatyiO2
Статья поступила в редакцию 13.07.2026
Статья принята в печать 07.08.2026

Исторический процесс: вопросов все еще больше, чем ответов

П.А. Искендеров

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики и единства всемирного исторического процесса. Основное внимание уделено европейской истории. В статье делается вывод о наличии во внешне единой ткани исторического процесса хронологических «белых пятен», «серых зон» и даже «черных дыр», не связанных с предыдущими и последующими эпохами ни наличием единого этноса, ни тем более преемственностью общей государственности.

Ключевые слова: всемирная история, исторический процесс, историческая география, территория, этнос, этничность, этногенез, государственность, Европа, Франция, Германия, Италия, Древняя Греция, Древний Рим, Балканы, античность, Средневековье, Индия, Китай.

Искендеров Пётр Ахмедович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории».
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5914-7662.
E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Historical process: there are still more questions than answers

P.A. Iskenderov

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specifics and unity of the world historical process. The author focuses on European history. The author concludes that there are chronological "caverns", "gray zones" and even "black holes" in the seemingly unified fabric of the historical process, which are not related to previous and subsequent epochs either by the presence of a single ethnic group or, moreover, by the continuity of a common statehood.

Key words: world history, historical process, historical geography, territory, ethnos, ethnicity, ethnogenesis, statehood, Europe, France, Germany, Italy, Ancient Greece, Ancient Rome, Balkans, antiquity, Middle Ages, India, China.

Iskenderov Petr A. – PhD (History), senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of "Voprosy Istorii" history journal.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5914-7662.
E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Опубликованная в № 4 за 2026 г. журнала «Вопросы истории» и вызвавшая живой интерес наших читателей статья американской исследовательницы К. Джадсон «Когда была «Ранняя Греция?» [1] поднимает очень важные вопросы понимания исторического процесса как в его непрерывности, так и с учетом несомненных сущностно-хронологических «разрывов».

Напомним исходные постулаты К. Джадсон.

«Эллинская терминология является частью укоренившейся практики “предписывающей периодизации” в древнем эгейском регионе. Использование “Ранней Греции” в качестве гибкого термина зависит от все еще широко распространенного представления (явного или неявного) о целостном образовании, которое мы можем назвать “Древней Грецией”, чаще всего визуализируемом как выходящее из бронзового века и достигающее вершины развития и достижений в классический период. Это коллективное воображение иллюстрирует утверждение Иэна Морриса о том, что “процесс периодизации тесно связан с организацией профессии исследователя классической литературы; любое серьезное переосмысление периодизации неизбежно приводит к вопросу о том, почему мы продолжаем уделять так много внимания Древней Греции и Риму и наоборот”. Таким образом, задавая вопрос о том, что является “греческим” в отношении времени (и места), обозначаемого как “Ранняя Греция”, мы все чаще приходим к следующему вопросу: какое значение мы, современные ученые, придаем “греческости” и ее истокам? В то время как термин “Ранняя Греция” остается общепринятым обозначением части или всего периода с XIV по VI в. до н.э., отсутствие критического обсуждения его параметров и функций увековечивает и укрепляет как эволюционные нарративы, так и структуры мышления в науке. Это отсутствие обсуждения также закрепило разрыв в хронологическом определении понятия “Ранняя Греция” между исследованиями, основанными на текстах и материалах, как мы показываем на примере библиографического исследования. Мы считаем, что эта несогласованность проистекает из различий в значимости, приписываемой различным типам свидетельств для общества в доклассический период, поскольку утверждения о греческом происхождении (в широком смысле, а не в каком-либо строгом “этническом” или “национальном”) в любой период, как правило, ставят во главу угла приоритет текстовых источников над материальной культурой. Далее мы исследуем этот сущностный дисбаланс и периферийность доклассического периода с помощью концепции протоистории с целью представить полный спектр предложений для будущих подходов к нашему коллективному пониманию “Ранней Греции”...» [2]

Сразу же следует оговориться, что поднимаемый в статье вопрос о необходимости пересмотра ряда существующих концепций исторического процесса и исторической терминологии не имеет ничего общего с вульгарной «фоменковщиной», адепты которой предлагают соотносить исторические эпохи с циклами солнечных затмений и на этом основании переписать всю всемирную историю человечества на основе «новой хронологии», отказывая в праве на существование целым историческим периодам (в основном относящимся к Средневековью). Вопрос в другом – в понимании непрерывности или, наоборот, прерывистости исторического процесса и преемственности различных периодов и эпох в истории конкретных народов и/или территорий, своеобразного «перетекания» исторического

наполнения одного периода в другой через годы, десятилетия и даже века «смут» и «темных времен». Речь отнюдь не идет о том, чтобы поставить под сомнение весь курс всемирной истории. Скажем, Смутное время в России в конце XVI – начале XVII в. отнюдь не прервало историческую традицию российской государственности, а лишь обозначило переход к новому этапу развития института верховной государственной власти.

Однако далеко не всем эпохам и народам исторически присуща подобная определенность.

Несколько вводных замечаний для того, чтобы была лучше понятна суть проблемы, носящей во многом методологический характер.

Прежде всего, во многих странах и целых регионах еще как минимум с конца XIX в. оказалась востребована как в научном, так и в общественно-политическом плане практика искусственного «удревления» национальной истории.

Возможно, наиболее ярко это проявляется на Балканах. В Македонии активно разрабатываются темы исторической преемственности державы Александра Македонского и современной Республики Северная Македония. В Болгарии проявляют особый интерес к истории Фракии, фактически ставя знак равенства между древними фракийцами и современными болгарами, которые, в свою очередь, превращаются (в зависимости от личности историка и наличия социального заказа) в потомков то славян, то протоболгар тюркского происхождения. В Сербии с тоской и вожделением вспоминают о «золотых временах» Стефана Душана до пришествия на Балканы Османской империи, когда сербские пределы простирались чуть ли не от моря до моря. При этом многие в Скопье, Софии и Белграде отнюдь не считают справедливо решенным и вопрос взаимного разграничения трех вышеупомянутых государств. Как отмечает отечественный балканист Н.С. Гусев, «македонский вопрос в Болгарии до сих пор сохраняет остроту», и «зеркальным отражением подобной ситуации является македонская историография, родившаяся еще в рамках СФРЮ и продолжающая свое существование уже после обретения Македонией государственной независимости в 1991 г.» [3]

Аналогичные «расширительные» и «углубляющие» концепции в ходу и в других балканских государствах – в Албании, Боснии и Герцеговине, Греции, Румынии, Хорватии, Черногории…

Причина подобных «изыскательских геологических работ» хорошо понятна. Балканы – это регион с тесным, многоуровневым переплетением национально-государственных и территориальных претензий, где границы, нарисованные на основе этнического принципа, не могут решить межэтнические проблемы, а лишь закладывают новые «мины замедленного действия». Ведь сами эти этнические границы очень часто носят условный характер, не учитывая этническую «чересполосицу», сложный процесс многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграничительными линиями. Если добавить сюда тяжелые «родовые травмы» всех без исключения балканских народов, вызванные в том числе потерей (иногда неоднократной) национальной государственности и независимости, периодическими «этническими чистками», ассимиляциями и кровавыми братоубийственными войнами,

то становится понятным стремление государственных и общественных деятелей, политиков и историков обосновать историческими аргументами прошлые и нынешние территориальные претензии или хотя бы повысить значимость собственных этносов и государств в мировой истории.

Впрочем, будем справедливы: пристальное внимание к многовековому историческому прошлому, археологическим памятникам и письменным преданиям можно встретить и далеко за пределами беспокойных Балкан – от Великобритании, Португалии и Испании на западе Евразии до Китая и Японии на ее восточных границах. Активными поисками «исторического Эльдорадо» активно занимаются в Африке и Латинской Америке (интерес современной Перуанской республики к экспедиции Тура Хейердала на «Кон-Тики», которая могла бы обосновать претензии Лимы на о. Пасхи – лишь один из примеров). Пожалуй, только один континент – Австралия – избежал соблазна углубить собственную историю по вполне понятным «каторжным» причинам.

Однако бурение хронологической «Кольской сверхглубокой» скважины сквозь века и тысячелетия – к истинной, мифологической или просто мнимой прародине той или иной страны, народа или региона – это лишь одна из проблемных точек понимания исторического процесса. Не менее важным представляется выстраивание иерархии его движущих сил, где также присутствуют различные, подчас противоречащие друг другу, подходы – от марксистско-ленинского догмата решающей роли классовой борьбы как движущей силы общества, разделенного на классы, до ключевого вклада исторических личностей и пассионариев в трактовке Л.Н. Гумилева, автора вызвавшей в свое время ожесточенные споры «пассионарной теории этногенеза», базирующейся на принципах географического детерминизма и периодически достигающих Земли потоков космической энергии и порождающих «пассионарные толчки». Как утверждал один из критиков концепции «пассионарности» российский этнолог В.А. Шнирельман, «чутко откликаясь на вызов времени, поставившего перед советскими учеными проблему соотношения социального и биологического в развитии человеческого общества, Гумилев смело смещал акцент на биологический фактор, включая этнос в окружающую природную среду в рамках концепции “этноценоза”» [4].

Но даже если абстрагироваться от расположившихся на крайних методологических флангах концепций смены общественно-экономических формаций (ОЭФ) и «пассионарных толчков», следует признать, что непрерывность истории как таковая (хронологическая стрела, летящая из прошлого в будущее) отнюдь не тождественна преемственности тех или иных событий, явлений и институтов. Точно так же, как подчеркивал один литературный герой, «после этого еще не значит “вследствие этого”» [5]. Не следует также недооценивать и разнообразие самого человеческого общества, напрямую влияющее на ход всемирного исторического процесса: «Человечество не едино, больше того – не может и не должно быть единым: его вариабельность – гарантия его выживания. На какие-то вопросы более удачный ответ находит европейская культура, а на какие-то – например, китайская или африканская» [6].

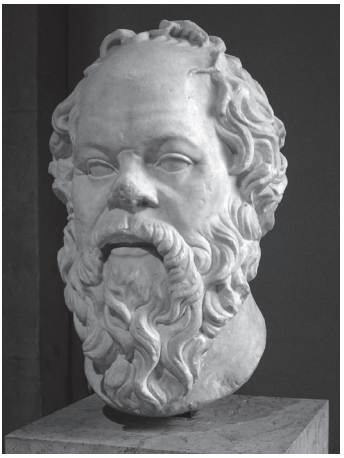
И теперь мы подходим, пожалуй, к наиболее сложной проблеме понимания непрерывности и целостности исторического процесса

как такового, которая неизбежно порождает неудобные для многих вопросы. Например, такие (речь идет уже о старушке-Европе): история Галлии – это часть истории современной Франции? Древнегреческие философы – какое они имеют отношение к современной Греции: прямое или косвенное?

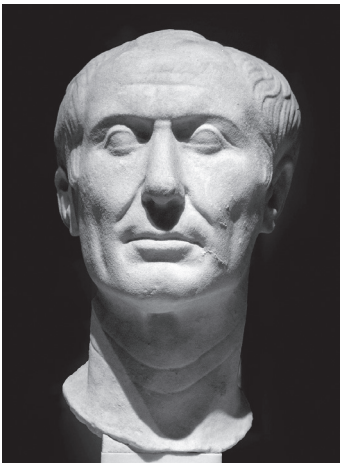
А Юлий Цезарь – это персонаж итальянской истории и историческое наследие Италии или все-таки военно-политический лидер государства, не имеющего ничего общего с современной Итальянской Республикой? Мы же говорим о «доколумбовой Америке», чтобы избежать слишком уж откровенных хронологических привязок и неувязок, но при этом не называем представителей той эпохи «американцами» и тем более «янки».

Если же мы по умолчанию встраиваем историю Древнего Рима и древней Галлии в непрерывную канву истории, соответственно, Италии и Франции, то можем сделать следующий шаг и объявить походы Цезаря в Галлию, столь подробно описанные им в его «Записках о Галльской войне», первой – и далеко не единственной в истории – итало-французской войной. А кровавые взаимоотношения древнегерманских и англосаксонских племен вообще выходят за рамки классической национально-государственной истории. И.В. Сталин однажды заявил, что Римская империя пала в результате «революции рабов», что, конечно же, является явным преувеличением. Но давайте зададимся вопросом: много ли мы с тех пор узнали и поняли о массовых перемещениях варварских племен на европейских пространствах, а самое главное – об их роли в формировании национальной государственности европейских народов? Полагаем, что этот вопрос – риторический.

Дополнительную путаницу вносит и не всегда последовательное и продуманное использование историками в своих исследованиях компаративного метода. Сам по себе он может быть продуктивным, и в этом отчасти можно согласиться с его убежденным поборником – российским историком И.А. Гобозовым. Он прямо подчеркивает: «Очень плодотворен компаративный метод, суть которого заключается в сравнении сходных социальных явлений и получении новых знаний. Если в распоряжении ученого оказывается недостаточное количество материалов по исследуемому историческому факту, то путем сопоставления со сходным фактом можно получить необходимые знания о данном факте. При этом допускается сравнение не вообще любых фактов, а близко расположенных во времени и пространстве событий и фактов. Так, медиевист, изучающий историю Франции средних веков,



Илл. 1. Сократ. Римская копия бюста работы Лисиппа. I в. н.э. Мрамор. Лувр, Париж. Источник: Copy of Lysippos (?). Eric Gaba (User:Sting), July 2005



Илл. 2. Гай Юлий Цезарь. Тускуланский портрет, считающийся единственным сохранившимся прижизненным скульптурным портретом Цезаря. 50–40 гг. до н.э. Мрамор. Музей древностей г. Турина. Источник: Ángel M. Felicísimo from Mérida, España. Retrato de Julio César

легко может применить компаративный метод, обратившись, например, к истории Великобритании, которая, как и Франция, переживала аналогичные процессы» [7].

Это, безусловно, так, и компаративный метод заслуживает уважения и применения. Однако все хорошо в меру, а чрезмерное увлечение сравнениями все-таки имеющих разное происхождение и природу фактов несет в себе угрозу подмены понятий и легковесных (хотя зачастую и внешне эффектных) выводов.

Чтобы подтвердить или, наоборот, опровергнуть те или иные считающиеся априори «железобетонными» или, наоборот, антиисторическими концепции, следует учитывать целый ряд обстоятельств, ключевыми из которых являются вопросы территориальной и этнической преемственности народов и государств. Как правило, с оценкой территориальных пределов особых проблем не возникает, и сегодняшняя столица Итальянской Республики г. Рим географически совпадает с центром Древнеримского государства.

Справедливости ради следует сказать, что и в данном вопросе имеются экстравагантные гипотезы, виртуально перемещающие государственные центры и объявляющие, в частности, древней Москвой созвучную сирийскую столицу Дамаск. Но не о них сейчас речь. Примем за аксиому, что в географическом плане Древний Рим = современный Рим футбольных клубов «Рома» и «Лацио», Афины Сократа = Афины Э. Венизелоса = Афины К. Мицотакиса, а могущественный Аттила действительно воевал с римлянами в V в. на пространстве Восточной Римской империи.

А вот в том, что касается этнической преемственности жителей этих городов (а также Древней Галлии и французской Пятой Республики), уже возникают методологические вопросы. Один из ведущих отечественных этнологов академик Ю.В. Бромлей был сторонником дуалистической теории этноса и подчеркивал внутреннее единство этнического и социального в рамках одной нации. Он указывал, что человечество, несмотря на свою целостность в биологическом отношении, развивается согласно общим социальным законам и распадается на множество исторически сложившихся общностей, среди которых особое место занимает этнос как особая разновидность человеческой интеграции [8].

Дуалистическая теория выделяет стабильное ядро этноса, сохраняющееся на всем протяжении истории; ему было дано наименование этникос. К этникосу Бромлей относил совокупность культурных элементов, а именно язык, материальную культуру, нормы поведения, психический склад и самосознание, выраженное в самоназвании (этнониме). Важнейшей характеристикой этникоса считалось этническое самосознание.

Этнос в более широком смысле понимался уже как «этносоциальный организм (ЭСО)» как этнос, существующий в пределах государства. То есть «ЭСО – та часть соответствующего этникоса, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет, таким образом, определенную социально-экономическую целостность» [9]. В то же время этническая общность шире этникоса, так как включает основные социальные группы, присущие обществу соответствующей формации (в рамках теории рассматривалась формационная периодизация общества в русле марксистской методологии).

Академик Бромлей, к слову, был оппонентом пассионарной теории Л.Н. Гумилева. Он писал: «Если исходить из того, что деклассированные элементы – результат генетически унаследованного свойства "меньше абсорбировать энергию", то неизбежно окажется, будто их социальный статус предопределен от рождения. Между тем подобное "натуралистское" обоснование классового неравенства уже давно исчезло из арсенала даже самых рьяных зарубежных поборников этого неравенства» [10].

Иными словами, условный грек, итальянец, француз, серб, хорват или албанец исторически формировался и как подданный конкретного государства, действующего в рамках общественно-экономической формации на определенной территории, и одновременно как результат сложных процессов этногенеза, кровосмешения, формирования и взаимообогащения языков, влияния конфессиональных факторов и т.д. И здесь уже возникает необходимость тщательного проблемно-хронологического анализа целой совокупности исторических явлений и процессов, позволяющего вычленить в ткани общего исторического процесса отдельные узлы, нарушающие его плавное течение, образующие лакуны, повороты и даже обратные движения исторических стежков. Если следовать концепции Ю.В. Бромлея, то итальянский этнос – это скорее этникос, но никак не ЭСО, поскольку Древний Рим и Итальянская Республика не могут считаться родственными государствами, в том числе и в социально-экономическом плане. Да и период итальянской раздробленности и существования итальянских городов-государств (Венеция, Генуя и т.д.) явно выбивается из прямолинейной траектории исторического процесса на Апеннинах.

Но еще более интересными представляются сведения о вышеупомянутом Аттиле.

Его роль как правителя гуннов, объединившего под своей властью тюркские, германские и иранские племена, не подвергается сомнению. Однако этногенез самих гуннов уже вызывает споры. Согласно наиболее распространенной теории, гунны сформировались во II–V вв. на степных пространствах Восточной Европы как потомки пришедших из Центральной Азии на начальном этапе Великого переселения народов хунну – ассимилировавших уже здесь угров и сарматов [11]. Однако это лишь одна из гипотез [12].

А еще более интересным представляется тот факт, что война Аттилы и его сподвижников с Восточной Римской империей началась на территории византийской провинции Иллирик (об этом термине мы еще поговорим ниже в связи с историей Албании) со сражения отрядов гуннов и римлян в районе современного сербского Белграда. Гунны также, как писал византийский дипломат, историк и писатель V в. Приск Панийский, почтили своим присутствием еще один крупный сербский город – Ниш, долину р. Моравы, а также современные болгарские земли [13].

Однако историки Болгарии и особенно Сербии уделяют этим событиям весьма скромное внимание, не используя их в качестве средства еще больше удревнить собственную национальную историю и стараясь (это наиболее заметно у сербов) не подвергать сомнению ее преимущественно славянские корни.

Да и само имя Аттила (внешне идентичное распространенному современному венгерскому мужскому имени) продолжает вызывать споры. Вот одна из концепций, принадлежащая известному

Илл. 3. Аттила. Фрагмент фрески Эжена Делакруа. Ок. 1840 г. Масло, воск, штукатурка. Библиотека Бурбонского дворца, Париж. Источник: Eugene Ferdinand Victor Delacroix Attila fragment.jpg

тюркологу И.Н. Шервашидзе и фактически отрицающая за Аттилой ни много ни мало право считаться… гунном: «Имя Аттила безупречно и без малейшего сомнения этимологизируется на готской почве и означает по-готски “батюшка”… Я считаю совершенно бесперспективным искать какую-то лежащую в основе “гуннскую” (или тюркскую) базисную форму» [14].

Таким образом, если попытаться обрисовать некую схему понимания исторического процесса, то мы неизбежно приходим к выводу, что он распадается минимум на три пересекающиеся,

но далеко не идентичные составляющие – историю территории, историю этноса (и связанные с ней лингвистические моменты) и историю государственности. Ключевым объединяющим началом здесь выступает внутреннее единство изучаемой территории, что, однако, не является эквивалентом ни истории государственности, ни истории проживающего на данной территории этноса, обладая более широким характером, который трудно свести к отдельным элементам.

Наблюдаемые в истории регионов своеобразные временные «лакуны», в рамках которых происходили события и процессы, не несущие, с нашей точки зрения, созидательного государствообразующего характера: походы и сражения варваров, распад государств, обезлюживание (если не сказать вырождение) огромных пространств. С точки зрения классической марксистской теории, это могло свидетельствовать о смене общественно-экономических формаций. Однако подобная формация – отнюдь не эквивалент государства, поскольку она в трактовке марксизма охватывала огромные территории со множеством этносов и государств. К тому же понятие ОЭФ может свидетельствовать лишь о преобладающем типе производства и общественных отношений, но никак не о национальной традиции и ее сохранении. Если взять все те же небольшие по площади Апеннины, то там последовательно сменялись первобытнообщинные общества, рабовладельческие структуры Древнего Рима, нашествие варваров, период феодальной раздробленности, деятельность титанов Возрождения, капиталистические отношения (производство, торговля), объединительный поход Гарибальди и многие другие события и процессы. И это мы еще не рассматриваем этрусков, о природе которых идут не меньшие споры, чем по поводу гуннов. Можно ли утверждать, что все это звенья одного процесса исторического появления и эволюции государственности на итальянской земле? И вообще – сколько Италий можно хронологически вычленить из общей канвы исторического процесса на Апеннинском полуострове?

Не забудем и о таком постоянно действующем в истории факторе, как трансграничные миграции, влияние которого в последние десятилетия явно усиливается. Вполне можно согласиться с тезисом, что миграция как «интенсивно описываемое, обсуждаемое и оцениваемое явление стало важнейшим феноменом мирового развития. Прогнозы на век XXI, сделанные как для всего мира, так и для его макрорегионов и отдельных стран, говорят о том, что в текущем столетии роль миграций и сопутствующих им процессов диаспоризации будет только возрастать» [15].

А вот еще один, более конкретный балканский пример. В разгар Первой балканской войны осенью 1912 г. территории Северной Албании вокруг портового города Дуррес (сербское наименование – Драч) перешли под военно-политический контроль Сербии и были включены в ее административно-государственную систему. Такая ситуация сохранялась вплоть до лета 1913 г., когда решением Международного совещания послов великих держав в Лондоне указанные области были окончательно присуждены Албании [16].

Вопрос: можно ли считать события конца 1912 – первой половины 1913 г. вокруг Дурреса и на прилегающих территориях Северной Албании частью национально-государственной истории Сербии?

Илл. 4. Дуррес. Источник: Benátská věž v Drači, Albánie. Автор: Musli Berisha

И если так, то какого именно ее измерения: социально-экономического, военно-политического или культурно-национального? Понятно, что на уровне «большой политики» говорить о том, что история Дурреса является частью истории Сербского государства, не представляется возможным, ибо подобные рассуждения сразу же могут быть истолкованы как посягательство на государственную независимость и территориальную целостность Республики Албания. Однако полностью игнорировать те события тоже нельзя.

В 1970–1980 гг. в тогдашней Сербии (входившей в состав федеративной Югославии) эту проблему постарались частично решить посредством написания многотомной «Истории сербского народа», который действительно проживал на обширных территориях Косово и Северной Албании, являющихся предметом исторических сербо-албанских споров. При этом основное внимание в данном труде уделялось все-таки военно-политическим и социально-экономическим событиям и процессам, нежели этногенезу и национальной принадлежности тех или иных территорий. В частности, по поводу политики Сербии в отношении Албании подчеркивалось, что «одной из главных целей политики сербского правительство являлся выход на Адриатическое море» [17].

Однако расширительное толкование истории Сербии как истории сербского народа, в свою очередь, повлекло за собой дискуссии относительно самой природы сербского и (в интересующем нас аспекте) албанского этносов: присутствует ли в этногенезе албанцев сербский элемент, и если да, то насколько важную роль он исторически играл в данном процессе?

Этнический аргумент сербского происхождения косовско-албанского этноса традиционно выступал для Белграда важным средством ведения дискуссий с представителями великих держав

относительно государственной принадлежности спорных территорий. В связи с этим следует напомнить, что исторической базой развития албанского национального движения являлись территории со смешанным населением, на которых имела место проходившая вплоть до конца XIX в. исламизация сербского населения. Особенно активно она протекала в тех районах, где сербский элемент был разрозненным, вследствие исхода славянского населения после поражений войск антитурецкой коалиции в 1690 и 1737 гг. Данная ситуация привела к тому, что сербы-потурченцы в дальнейшем составили значительную часть албанского этноса, заявившего о своих правах в конце XIX в. Подобная ситуация дала возможность сербскому историку и общественному деятелю начала XX в. Йовану Цвийичу скептически рассуждать об «относительной ценности» этнографического принципа в сравнении с «историческим и национальным самосознанием» [18].

С Цвийичем соглашались и ряд российских экспертов и дипломатов – его современников, в том числе консул во Влере и делегат России в Международной контрольной комиссии в Албании А.М. Петряев, который подчеркивал, что «албанцев Старой Сербии и Македонии… в громадном большинстве случаев надо рассматривать как потуреченных и албанизированных славян» [19]. О переходе косовских сербов в мусульманство сообщал в своих донесениях и один из ведущих российских специалистов по данному вопросу консул в Призрене И.С. Ястребов [20]. В его донесениях присутствуют такие примечательные этнические категории, как «поарнаутившиеся (то есть албанизировавшиеся. — *П.И.*) сербы и болгары» [21].

Впрочем, точка зрения о сербских корнях значительной части албанского этноса оспаривалась рядом российских дипломатов еще в начале XX в. – в частности, консулом в Митровице С.В. Тухолкой (к слову, блестяще владевшим албанским языком). Последний в своем обстоятельном донесении от 1915 г. указывал, что албанцы, по его мнению, «несомненно арийского происхождения. По-видимому, они издавна жили в горах на западной стороне Балканского полуострова» [22]. Однако и этот дипломат признавал процесс албанизации сербов, указывая, что католики с. Янево в Приштинской казе «по происхождению сербы и говорят только по-сербски, хотя католическое духовенство и старается их албанизировать с помощью церкви и школы» [23].

В связи с этим обоснованным представляется мнение одной из ведущих российских этнографов-балканистов Ю.В. Ивановой, указывавшей на объективную сложность проведения межэтнического размежевания в балканском регионе в силу уникальности его многовековой истории. «Ясного представления об этнической принадлежности той или иной группы жителей не было в ту эпоху, – пишет исследовательница. – В османское время, то есть на протяжении почти пяти веков, правовое положение индивида определялось его конфессиональной принадлежностью – “турками” называли всех мусульман, за этим названием стояло многое: право землевладения, службы в армии (другие должны были платить особый налог), занятия определенными видами ремесла и торговли, возможность исполнять некоторые должности в управленческом аппарате и многое другое. Многие представители балканских народов принимали ислам под давлением этих порядков, стремясь избежать особенно тягостных налогов и т.п.

Феодальные владетели сохраняли таким путем свои земельные владения и свои привилегии, вливаясь в слой османской верхушки» [24]. Ситуация осложнялась все возраставшим вмешательством в дела региона великих держав, которые «брали на себя решение судеб балканских жителей, исходя из своих интересов и своих видов на этнографическую карту того времени» [25].

Более образно аналогичную мысль не так давно выразил применительно к косовской проблеме авторитетный швейцарский публицист Жан-Арно Дерен. Он подчеркнул, что «за неточностью терминов "косовар", "албанец" или "албаноговорящий" стоят века неспокойной истории постоянного переустройства Балкан» [26]. «На Балканах государственные границы – старые и новые – никогда не совпадали с границами проживания разных народов, что привело к появлению значительных национальных меньшинств. В этой конфигурации Косово занимает особую позицию, потому что это крайне исторически нагруженная территория, где сталкиваются антагонистические национальные притязания», – указывает Дерен [27]. Именно поэтому, по его словам, «когда сербы говорят о своих монастырях в Косово, албанцы отвечают, что они были построены на руинах более древних албанских католических монастырей, но этот факт труднодоказуем и не имеет большого значения: по меньшей мере до XIII в. этот регион находился под влиянием то Византии, то Рима, а в Косово вместе живут различные народы, в том числе сербы и албанцы… Один из наиболее употребительных балканскими националистическими движениями аргументов – утверждение о древности и даже автохтонности своего народа» [28].

Главными оппонентами подхода к албанцам как к «сербам-отступникам» выступили еще более столетия назад сербские социал-демократы, считавшие подобный подход средством оправдания для национального подавления албанцев и их освободительного движения. Взгляды Сербской социал-демократической партии (ССДП) по албанским проблемам отчасти разделяют и некоторые современные сербские авторы.

Так, один из ведущих специалистов в этой области Д. Богданович ссылается на сложное переплетение исторических, этнорелигиозных и геополитических факторов вокруг Косово. По его словам, развитие албанского национализма после 1878 г., а особенно в первые годы XX в., вынуждает обратить внимание на то, что автономная Албания представляла собой в гораздо большей степени продукт европейской политики в решении Восточного вопроса в рамках планов собственного проникновения на Балканы, нежели результат политики балканских народов. Поэтому автономная Албания исторически рассматривалась сербскими государственными деятелями в качестве потенциальной опасности». Подобное обстоятельство, по мнению Богдановича, лежало в основе намерения властей Белграда «охватить албанский народ каким-либо сербским государством»: «История средних веков наводила на мысль, что албанский народ можно интегрировать в рамках сербского государства, а историко-этнографические исследования оправдывали это весьма спорными тезисами о совместном происхождении или даже сербском этногенезе североалбанских племен» [29]. Более категорично высказывался на тему сербо-албанских взаимоотношений и политики Сербии в албанском вопросе один из крупнейших югославских историков В. Чубрилович. Еще

в 1937 г. он писал, что «фундаментальной ошибкой» сербских правящих кругов конца XIX - начала XX в. стала попытка «решить все основные этнические проблемы на беспокойных и кровавых Балканах западными методами. Турция принесла на Балканы обычаи шариата, согласно которым, победа в войне и оккупация страны жаловали победителю право распоряжаться жизнями и имуществом своих новых подданных. Даже балканские христиане научились у турок, что не только государственная власть и господство, но также и дома и собственность можно выиграть и потерять ударом меча» [30].

Исламизация сербов как один из важнейших элементов этногенеза косовских албанцев напрямую связана с проблемой идентичности албанского этноса. Складывавшаяся на протяжении многих столетий картина расселения народов на Балканах дала пищу для ожесточенных дискуссий между сторонниками иллирийских и фракийских корней албанского языка, а в более широком плане – между апологетами теории иллирийского происхождения албанской нации и ее ожесточенными оппонентами. Споры эти подогревались тем обстоятельством, что, как справедливо отмечает Ю.В. Иванова, «определить соотношение элементов иллирийского и фракийского языков чрезвычайно трудно, главным образом из-за скудости документированных источников» [31].

Ведущие албанские историки не сомневаются в прямых и глубоких иллирийских корнях албанцев – что позволяет считать данный этнос древнейшим автохтонным народом на Балканах. В частности, Э. Чабей в своей работе «Языковые исследования» настаивает на совпадении ареала формирования албанского языка и территории современного расселения албанцев, а контакты населения побережья Южной Адриатики и римлян прослеживает еще до образования римской провинции Иллирик [32].

Оппоненты этой точки зрения – в частности, Г. Вейганд, В. Георгиев, Л.А. Гиндин, О.С. Широков, И. Попович и Х. Барич – на основании близости раннеалбанского языка фракийскому высказывают гипотезу, что предки албанцев проживали гораздо восточнее нынешнего албанского ареала. По мнению Широкова, ссылающегося на данные этимологии, фонетики и грамматики албанского языка, прародиной албанцев следует считать Карпаты, где их предки занимались отгонным скотоводством. Затем они вместе со славянами вышли к Дунаю (территориально восточнее Тисы), переправились через него, достигли Македонии и затем продвинулись далее на запад Балканского полуострова, где встретили местное романизованное население (в том числе на территории современной Далмации). Здесь уже произошло взаимообогащение их языков – и в результате мы сегодня имеем несомненную лексическую близость албанского и румынского языков. Кроме того, протоалбанцы обогатили свой язык через древние топонимы, присущие славянскому населению межгорных балканских котловин. В результате албанский язык, по мнению приверженцев данной теории, сформировался на основе румынских и народно-латинских диалектов, иллирийских наречий Далмации и древнеславянских языков [33].

Сторонником внутреннего, «горно-континентального», происхождения албанцев являлся один из ведущих германских ученых-этнографов Г. Штадтмюллер, считавший их предками «пастухов-кочевников», изолированно обитавших в горной области Мат

(современная Средняя Албания) и имевших лишь спорадические контакты с окружающим романизованным населением [34].

Вышеуказанные теории хорошо объясняют тот факт, что впервые в письменных источниках собственно албанцы упоминаются лишь в XI в. – в контексте расположенной опять-таки в гористой области в центральной части современной Албании местности под названием «Арбанон» [35].

Однако албанский исследователь А. Буда в сочинении «Исторические записки» объясняет данный факт тем, что «в документах времен Римской империи, а позже Византийской обычно упоминаются те народы, которые представляли опасность для политической власти». «Население бывшей Иллирии привлекло к себе внимание в XI в. в связи с его восстаниями и поэтому именно с той поры стало постоянно упоминаться в письменных документах. Но это не означает, что предки албанцев до того не жили на данной территории», подчеркивает ученый, ссылаясь, в частности, на невозможность ассимиляции местного населения и его городской культуры «кочевниками-скотоводами». Впрочем, в данном случае речь могла идти не о классической ассимиляции, а лишь о восприятии местным автохтонным населением языка пришельцев [36]. Один из ведущих современных косовских исследователей А. Якупи высказывается еще более определенно, относя к «историческим албанским землям» как собственно Албанию, так и почти все территории бывшей Югославии. Он подчеркивает, что «албанцы – это именно те, кто базирует свою независимость и коренное этническое происхождение на историографии, доказанной применительно к античности и ко всем последующим периодам» [37].

Не согласны с Широковым и его единомышленниками и ряд отечественных исследователей, в частности А.В. Десницкая, считающая иллирийское происхождение албанского языка «твердо доказанным». По ее мнению, в пользу этого говорит тот факт, что язык и культура Древнего Рима не оказали на население албанских приморских областей такого влияния, как на народы, населявшие другие районы Балкан. Что же касается «славянского слоя» в албанской лексике, то Десницкая объясняет его наличие длительным периодом последующего сосуществования древних албанцев и пришлых славян. Схожей точки зрения придерживается и Ю.В. Иванова, которая считает главными аргументами в пользу автохтонности албанцев археологические находки в местности Коман в долине р. Дрин. «Металлические украшения одежды очень похожи на те, которыми украшены современные традиционные костюмы албанцев. Они не идентичны ни римским, ни византийским формам. Отсюда напрашивается естественный вывод о преемственности, о переходе элементов иллирийской культуры непосредственно в культуру албанского этноса» [38].

Одна из ведущих современных британских исследовательниц истории Албании М. Виккерс высказывается более осторожно. Она признает «иллирийское» прошлое ряда земель, населенных в настоящее время албанцами, но не считает подтвержденной гипотезу о прямом «перетекании» их элементов в албанскую культуру. По ее словам, «в целом признается, что к седьмому веку до нашей эры отдельные племена, разделяющие общий иллирийский язык и культуру, проживали на территории, известной сейчас как Албания», однако нельзя с аналогичной достоверностью утверждать, «являются ли они предками современных албанцев» [39].

Более четко рисует историю этногенеза албанцев и карту их первоначального расселения Х. Рот, указывающий, что современные албанцы являются одновременно потомками иллирийского племени «албани», проживавшего в районе Арбанона, и соседних близких к ним племен фракийцев, дако-мезианцев, мезианцев, дарданов, романизированных иллиров, влахов и славян. Что же касается «прародины» современного албанского этноса, то Рот относит ее к горному району центральной Албании к западу от Охридского озера и г. Дебар в направлении прибрежной зоны вокруг Дурреса, ограниченному с севера р. Мат, а с юга – р. Шкумби [40].

Еще более определенно – но в прямо противоположном смысле – высказываются ведущие сербские исследователи. Они считают теорию иллирийских корней албанской нации не только не соответствующей истине, но и преследующей конкретную политическую цель – идеологически обосновать сначала албанский ирредентизм, а затем и сепаратизм в Косово. Говоря словами сербского ученого С. Джаковича, «ирредента с оглушительной силой и огромным упорством встроила историческое прошлое, происхождение и “аутентичную” культуру в непрерывную идейно-политическую пропаганду» [41].

В качестве своего главного аргумента противники теории об иллирийских корнях косовских албанцев ссылаются на отсутствие на территории современного Косово следов албанских памятников при одновременном изобилии сербских городов, церквей, монастырей и других исторических свидетельств материальной культуры, а также на отсутствие у албанцев вплоть до начала XX в. литературного языка. Все это, по их мнению, заставляют рассматривать представления об иллирийских корнях албанской нации культурной инициативой Австро-Венгрии. Один из ведущих современных сербских историков С. Терзич превратил эту теорию в имеющий весьма отдаленное отношение к науке политический лозунг, заявив, что иллирийская теория происхождения албанцев была создана в конце XIX в. «в кабинетах австрийских и германских ученых» и преобразована в более доходчивую форму для пропаганды среди албанцев. Албанцы были объявлены самым древним из современных народов Европы, сложившимся на основе дороманских иллирических элементов и племен пеласгов, имевших арийское происхождение. Именно древние корни албанцев, по мысли Вены и Берлина, давали им право ставить задачу объединения в одно государство всех земель, на которых они проживали до прихода на Балканы сербов и других славян, заявляет Терзич [42]. А целям окончательного оформления албанской языковой общности, по его мнению, послужил проведенный в ноябре 1908 г. в македонском городе Битоли всеалбанский конгресс, посвященный разработке и внедрению в Албании единого алфавита.

Впрочем, еще дальше в своих изысканиях пошла болгарская исследовательница Т. Толева, утверждающая, что проходившие в 1890-х гг. в Австро-Венгрии под эгидой главы внешнеполитического ведомства графа А. Голуховского секретные обсуждения албанского вопроса являлись ничем иным, как инструментом создания албанской нации из ничего. По ее словам, «тайные конференции демонстрируют, что албанской нации не существовало и что Вена, интерпретируя свои стратегические интересы сообразно конъюнктуре, была готова оказать поддержку албанцам в становлении их национального самосознания как чего-то не существовавшего до того времени, согласно наблюдениям и постоянным заявлениям австро-венгерских дипломатических представителей» [43]. Подобный подход служит наглядной

иллюстрацией той степени политизации исторических проблем, которая продолжает существовать в национальных историографиях европейских (да и не только европейских) государств. Российский историк Ар.А. Улунян весьма точно напоминает, что «нередко интерпретация многих исторических событий и фактов в национальных балканских историографиях имела сильные этноцентричные черты и выступала в роли "исторического" аргумента в давних этнотерриториальных спорах» [44]. В случае Терзича и Толевой можно говорить о «вплетении» собственного толкования «исторических» аргументов в канву чисто геополитического противостояния как по вопросу о судьбе и границах Македонии, Косово и других балканских областей, так и в целом применительно к отношениям между албанцами и славянами.

Существует в балканской историографии и своего рода «промежуточная» теория, признающая наличие у албанцев иллирийских корней, но в сильно опосредованном и частичном виде. Речь идет о том, что албанцы представляли собой новую этническую формацию, появившуюся в начале Средних веков в результате смешения различных элементов старых палеобалканских субстратов – иллирийских, дакийских (дарданских) и фракийских. Иными словами, они не являлись прямыми и непосредственными потомками иллиров или дарданов. Именно к этому времени, к слову, относится и активный процесс складывания сербской государственности, происходивший в том числе на территории современного Косово. Помимо Призрена и других ремесленно-торговых центров, ее «форпостами» выступали сербские православные монастыри. Не случайно в последнее время сербские ученые проявляют особый интерес к анализу относящихся к раннему Средневековью монастырских документов и захоронений, позволяющих, в частности, более точно оценить присутствие и роль сербского элемента в тех или иных районах Балкан [45].

Многие исследователи высказывают серьезные сомнения в правомерности существования глубоких исторических корней албанского этноса в том числе по причине позднего возникновения албанского национального движения вкупе с отсутствием вплоть до начала XX в. единой албанской письменности и литературного языка. Эксперты «Международной кризисной группы», уже в наши дни анализируя исторический процесс складывания албанского национального самосознания, отмечают, что «вплоть до конца девятнадцатого века среди албанцев не появилось широкого и в достаточной степени специфического чувства национальной идентичности», и какие-либо «ощущения "национального возрождения" среди албанцев явились относительно недавним историческим феноменом» [46].

В 1899 г. один из самых образованных и прогрессивно мысливших албанских деятелей своего времени Пашко Васа опубликовал в Софии поэму «О, Албания», пронизанную болью за судьбы своего народа, погрязшего во внутренних противоречиях и междоусобной борьбе:

Албанцы, вы убиваете своих братьев,
Вы разделены на сотни партий,
Некоторые говорят – «Я "христианин"»;
Другие – «Я "мусульманин"»;
Один говорит – «Я "турок"», другой – «я "латинянин"».
А другие – «Я "грек"», «я "славянин"» и так далее.
Но вы братья – все вы.
Пасторы и ходжи лишь вносят смуту в ваши ряды,
В ряды единых в своей вере;
Вера албанцев – албанизм [47].

Илл. 5. Пашко Васа. Главное управление архивов Албании, Тирана. Источник: PashkoVasa.jpg. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/15/Vaso_Pasha_%28portret%29.jpg?utm_source=en.wikipedia.org&utm_campaign=imageinfo&utm_content=original

Сербское руководство неизменно подчеркивало сербо-славянские корни ядра косовско-албанского этноса, видя в этом аргумент

в пользу включения этих территорий в состав Сербского королевства. Ведь обладание Старой Сербией исторически имело для Белграда не только морально-психологическое, но и важнейшее хозяйственное значение. По состоянию на 1910–1912 гг., то есть накануне Балканских войн, население крупнейшего косовского города Призрен составляло 60 тыс. чел. и уступало в будущих границах Сербского королевства лишь столице Белграду с его 100-тысячным населением. В число крупнейших городов региона входили тогда 20-тысячная Приштина, а также Митровица и Вранье – оба города с населением в 12 тыс. чел.

Мы столь подробно рассмотрели этнолингвистические аспекты сербо-албанских споров вокруг национально-государственной принадлежности тех или иных спорных территории, ибо аналогичные страсти кипят и в прочих «горячих точках» Европы и других континентов. В подобных спорах именно концепция непрерывности исторического процесса на спорных землях выступает классическим аргументом в пользу территориальных претензий той или иной стороны. И наоборот – аргументы в пользу наличия «разрывов» в ткани исторического процесса автоматически обнуляют существование национально-государственной традиции, уходящий вглубь веков и даже тысячелетий. Напрашиваются любопытные аналогии с принципами функционирования электрических цепей, где небольшой разрыв в системе последовательного соединения проводов и устройств сразу же «обнуляет» ток и делает электрическую (а в нашем случае – геополитическую) схему неработающей.

Именно политическая востребованность указанных гипотез и моделей является, пожалуй, ключевым фактором, мешающим осознанию наличия прерывистости во внешне единой ткани исторического процесса. Болгарский исследователь, профессор Софийского университета П. Митев справедливо подчеркивает, обращаясь к столь важной и деликатной для балканских народов теме Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг., что «ученые порой становятся заложниками политических пертурбаций, и, к сожалению, вряд ли в ближайшее время будет написано объективное исследование о войне 1877–1878 гг.». Он призывает коллег «отказаться от мифов, сформированных годами исследований, и, применяя подходы и инструментарий современной историографии, отойти от традиции “национального исторического рассказа”» [48]. Отечественный историк, многолетний директор Института истории СССР АН СССР С.С. Хромов в свое время обоснованно указывал на сложные взаимоотношения таких понятий, как интернационализм и патриотизм [49].

Рассматриваемые вопросы напрямую связаны с проблемой периодизации всемирной истории в целом и европейской в частности. Как напоминает британский исследователь Т. Пай, в связи с этим полезно вспомнить о дебатах вокруг феодальных истоках современной Европы. Он указывает, что в этих дебатах «мы опираемся на недавние исследования, которые показывают, в какой степени представления о политическом устройстве в мире Британской Атлантики XVII и XVIII вв. основывались на периодизации и концептуализации феодальной истории… В рамках этой историографии Шотландия XVIII в. рассматривается как колыбель космополитической политики, которая питала интеллектуальную культуру Британии XIX в. Теория стадиальности считается важнейшим фактором ее развития. Согласно теории “четырех стадий” развития цивилизации, все человеческие

общества начинались как объединения охотников-собирателей, а затем проходили через следующие стадии: скотоводство, земледелие, ремесло и торговля. Эта теория объединяла европейские и неевропейские общества в единую универсальную систему времени, делая различия между ними преодолимыми. Для одних ученых эта теория стала концептуальным инструментом, с помощью которого образованные британцы вплоть до 1880-х гг. отвергали представления о расовых и непреодолимых различиях между людьми. Для других ее космополитические обещания вскоре были нарушены либеральными империалистами, такими как Джон Стюарт Милль, для которых она стала расистским инструментом, позволяющим отказывать в самоуправлении коренным народам британских колоний. Однако шотландцы, о которых идет речь, использовали стадиальную теорию наряду с модернистскими историческими концепциями, возводившими барьеры между европейскими и неевропейскими народами. Раскрытие этого противоречия в историографии шотландского Просвещения помогает выйти за рамки общих рассуждений о его космополитичности и поднимает новые вопросы о его интеллектуальном наследии. Как показано в четвертом разделе, это также проливает свет на то, почему британские мыслители не видели противоречия в том, чтобы поддерживать экспансию британских колоний-поселений и в то же время осуждать деятельность Ост-Индской компании и имперское правление в Ост-Индии» [50].

Особую роль в этом контексте приобретает языковой фактор, зачастую плотно «встраиваемый» в систему приоритетов национальной политики и динамику развития тех или иных народов. Российский исследователь В.М. Алпатов не случайно прослеживает тесную связь процессов, протекающих в языке того или иного этноса, с ростом в его среде национального самосознания. Последний фактор, по его словам, «относится к субъективным, и его значение может меняться, но он может оказывать значительное влияние на развитие языковой ситуации» [51]. Как указывает Алпатов, неучет фактора национального самосознания «может привести к ошибочным прогнозам, которые могут давать и крупнейшие ученые и мыслители. Ф. Энгельс в 1851 г. писал про чехов, хорватов (далматинцев) и словенцев (каринтийцев): “Неизбежная участь этих умирающих наций состоит в том, чтобы дать завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями”, в том числе и в языке, поскольку у них “почти с незапамятных времен для всех надобностей цивилизации нет иного языка, кроме немецкого”. Такой вывод делали тогда многие. Например, Чехия в 1620–1918 гг. находилась под властью Австрии, и чешский язык активно вытеснялся немецким. Прекратилась литература, язык был исключен из официальной жизни, в городах чехи стали говорить по-немецки. Говорили по-чешски лишь в деревне, и казалось, что скоро перейдут на немецкий язык и там. Однако к середине XIX в. началось культурное возрождение. Деятели чешской культуры создали новые нормы литературного языка и нашли возможность использовать его “для всех надобностей цивилизации”, развилась литература. Затем было выдвинуто требование “культурно-национальной автономии” в составе Австрии (с 1867 г. – Австро-Венгрии), в которую должно было входить и расширение прав языков меньшинств. Далее, с 1918 г., – независимость. В течение всего XX века в нашей стране был популярен роман чешского писателя Я. Гашека “Похождения бравого

солдата Швейка", одна из главных тем которого – издевательство над снизившим престижность немецким языком. Аналогичные процессы происходили у словаков, словенцев, хорватов. Сыграли роль два фактора: сначала подъем национального самосознания, а затем изменение границ» [52].

Российская исследовательница С.А. Бурлак также подчеркивает сложность разграничения лингвистических процессов, непосредственно влияющих на процессы этногенеза в их широком понимании. Она сосредоточивает внимание на том, что «для определения языкового родства необходимо отличать языковые элементы, наследуемые от праязыка, от элементов, проникающих в язык в результате контактов» [53]. По ее словам, «общность элементов в разных языках может быть обусловлена – если отвлечься от случайных совпадений – как общим происхождением, так и языковыми контактами. Последствия языковых контактов могут быть самыми разнообразными – от проникновения незначительного количества заимствований до радикальнейшей грамматической перестройки и даже исчезновения одних языков и появления других» [54]. Не с такой ли «радикальнейшей перестройкой» – только уже в сферах этничности и истории национальной государственности – мы сталкиваемся, прослеживая канву исторического процесса в Европе и на других континентах?

Один из ведущих советских и российских балканистов В.Н. Виноградов во многом справедливо подчеркивает важность учета именно балканских моделей тесной взаимосвязи этнической и лингвистической составляющих балканской региональной истории, указывая при этом на особую роль религиозного фактора. По его словам, на Балканах «с переменой религии утрачивалось и осознание прежней этнической принадлежности. Отуреченные болгары (помаки) считают себя турками, и попытка режима Тодора Живкова "вернуть" их в лоно болгарской национальности, присвоив им славянские имена, и заставить их забыть ставший им родным язык обернулась тяжелейшим конфликтом. По иному варианту развивалась межэтническая история в Боснии и Герцеговине. Здесь часть сербского населения еще в средние века приняла ислам, но турками не стала; очевидно, отделенность от основной массы турецкого населения полосой славянских земель помешала воспринять турецкий язык. Но от славянских культурных корней боснийские мусульмане оторвались; произошло нечто совершенно уникальное: религиозная принадлежность стала этническим названием этой группы населения – мусульмане. Но сам этот факт свидетельствует о первенствующем значении религии в формировании менталитета народа» [55].

Таким образом, однозначно говорить о преемственности и тем более о непрерывности ткани исторического процесса можно только в отношении развития ситуации применительно к конкретно очерченной территории и четко ограниченному историческому периоду. В случае с упомянутой выше Сербией это, к примеру, доосманские державы Стефана Душана и Неманичей, а в случае с Албанией – эпоха, начавшаяся с деятельности Призренской лиги 1878–1881 гг. В том, что касается более продолжительной истории этноса и тем более государства, то подход, признающий преемственность, условно применим лишь с учетом целого ряда привходящих обстоятельств, зачастую делающих исторический процесс в большей или меньшей

степени дискретным, прерывистым. Процесс развития этноса непрерывно испытывает влияния факторов этногенеза, в свою очередь, зависящих как от внутренних, так и от внешних обстоятельств, в том числе территориального или государственного характера. Эволюция государственности имеет более широкий и комплексный характер и находится на вершине трехчленной пирамиды, включая как процессы развития этноса, так и динамику государственной принадлежности тех или иных территорий, процессы формирования, развития и разрушения национально-государственных институтов, а также социально-экономических моделей в случае вхождения территории в состав других государств. Применительно к тем же Балканам можно говорить о специфике исторического процесса в Сербии, Болгарии или Греции, принявших на себя сложное османское наследие.

Однако ни в коей не мере не следует считать прерывистость канвы исторического процесса прерогативой Балкан или даже целой Европы. Аналогичная ситуация присуща и другим мировым регионам, в том числе являющимся прародиной целых цивилизаций. Ведущий отечественный индолог академик Г.М. Бонгард-Левин справедливо предупреждал об опасности упрощенного подхода к богатейшей истории Индии. Он подчеркивал, что «древнеиндийская цивилизация, если судить по ведам – первым дошедшим до нас литературным памятникам, содержащим множество сведений о мифологии, космологии, социальных отношениях и быте, воспринимается как некое единое и целостное явление. В действительности такое представление не отражает подлинного характера этого сложного и своеобразного феномена. Генезис самого раннего этапа собственно индийской культуры связан не только с традицией ведийского общества и культуры, но и с достижениями Хараппской цивилизации, а также с реликтами иных доарийских культур, переживавших ко времени прихода индоариев разные этапы своей эволюции. Понять и объективно оценить древнеиндийскую цивилизацию, особенно первые стадии ее формирования, можно лишь при учете всего многообразия этнокультурных компонентов» [56].

Аналогичную оценку применительно к истории Китая неоднократно высказывал академик С.Л. Тихвинский, подчеркивавший важность ее понимания в диалектическом единстве противоположностей. По весьма точной оценке коллег, академик активно применял методики «глубокого проникновения в различные пласты исторического действия» [57]. В частности, как в советской, так и в зарубежной историографии в свое время господствовали односторонние подходы к изучению китайской истории, когда «в отечественной историографии по проблемам новейшей истории Китая казалось аксиомой, что только революционный взрыв может вывести страну из полуфеодального, полуколониального состояния. В трудах зарубежных авторов, напротив, делались попытки вообще отвергать революционный метод преобразования общества. С.Л. Тихвинскому удалось найти тот баланс между двумя подходами, который заключается в их диалектическом единстве» [58].

Хватает нестыковок и откровенных мифов и в истории изучения Японии. Как напоминают В.Д. Косарев и А.М. Соколов в своей монографии «Ама Японии и другие “народы моря”. От истоков до XXI века», «сегодня большинство ученых согласны в том, что до эпохи Хэйан централизованного, единого государства

на Японских о-вах не существовало. Но задолго до его появления составители первых официальных хроник, вдохновляемые и контролируемые "людьми из-за моря" *(торайдзин)*, создали пространный, полный противоречий и нелепостей миф о японцах и Японии, уходящий корнями в "Эпоху богов" и "первоимператора" Дзимму, воцарившегося якобы в 650 г. до н.э. Эта дата до не столь давнего времени считалась точкой отсчета "единой линии императоров" и самой "Великой Японии".

Ныне в большинстве своем компетентные авторы согласны, что Дзимму, если он и был, основал не государство, а догосударственный / предгосударственный межплеменной союз, архаическое вождество или княжество (которое российские японисты обычно называют царством) с общинно-родовым укладом, и произошло это не ранее IV в. н.э.» [59]

Ну и, конечно же, настоящим полигоном, на котором внутренние и внешние игроки активно разыгрывают исторические карты, окрашенные в этнические и религиозные цвета, остается Африка. Одна из ведущих российских специалистов по африканским проблемам Р.Н. Исмагилова применительно к местной тематике весьма точно замечает, что «далеко не всегда можно выяснить корни межэтнических и тем более внутриэтнических конфликтов. Иногда их причины лежат на поверхности. Но в сложных случаях, как правило, они многоплановые, и в них задействовано множество факторов» [60]. По ее мнению, «одним из ключевых факторов возникновения конфликтов является политизация этничности, когда она становится основой для политического соперничества, превращаясь в инструмент мобилизации различий, манипуляций этими различиями в интересах тех или иных групп, наконец, когда этнические проблемы игнорируются государственными органами» [61].

«Политизация этничности» – это именно то, что мы неизбежно наблюдаем во всех больших и малых межгосударственных конфликтах как минимум с эпохи Нового времени. Однако подобная политизация невозможна без максимального «удревления» того или иного этноса в целях обретения дополнительных исторических аргументов в пользу сохранения или – чаще – расширения ареала жизненного пространства. И модели непрерывности исторического процесса в искусственно заданных (а чаще всего максимально расширенных) территориальных или этнических границах приобретают дополнительное геополитическое звучание.

Однако беспристрастный анализ свидетельствует как раз об обратном – о наличии несомненной прерывистости исторического процесса в том числе в европейской истории и периодическом возникновении в его ткани на тех или иных территориях своеобразных хронологических лакун, «серых зон» и даже «черных дыр», не связанных с предыдущими и последующими эпохами ни наличием единого этноса, ни тем более преемственностью общей государственности. И все эти вопросы, несомненно, заслуживают того, чтобы стать предметом дальнейшего объективного анализа, максимально свободного от национальных пристрастий и геополитических расчетов. В конечном итоге само содержание исторического процесса в той его части, которая к настоящему времени уже завершилась, носит объективный характер и не зависит от методов и подходов к своему изучению – в отличие от своих интерпретаций посредством применения различных познавательных методов из репертуара того

или иного историка. Вряд ли можно спорить с тем, что, как указывает в своей методологической статье «Проблемы теоретического плюрализма» российский исследователь Н.И. Смоленский, «исторический процесс, то есть свершившаяся история, характеризуется инвариантностью в том смысле, что в нем скрыты своя логика и свой смысл, своя последовательность событий и своя уникальность и неповторимость. История как наука может быть лишь более или менее приблизительным отображением этой инвариантности и уникальности. Плюрализм конкурирующих интерпретаций, если речь идет о научном плюрализме, представляет собой как бы совокупность потоков, впадающих в одно общее русло, – движение познания к приблизительно верному в каждый данный момент отображению инвариантности истории» [62]. Можно также согласиться с мнением относительно существенных теоретических различий между «цивилизационным» и «стадиальным» в единой ткани исторического процесса: «В конечном счете каждая цивилизация представляет собой уникальный исторический феномен, обладающий невыразимым и необъяснимым до конца усилиями человеческого разума своеобразным “стилем”. Складывается же этот феномен под воздействием прежде всего внешних по отношению к данным социумам факторов – особенностей природно-климатической и социоисторической среды, в то время как стадиальное в обществе в большей мере есть результат развертывания внутренней логики его саморазвития. Вследствие этого цивилизационная ипостась консервативнее, менее подвержена изменениям под воздействием внутренних факторов» [63].

Хотелось бы еще раз подчеркнуть: «стадиальность» развития того или иного общества, допущение наличия хронологических разрывов и «серых зон» в истории территорий, народов и государств отнюдь не означает вычеркивания из исторического процесса тех или иных событий, явлений и эпох. Речь идет о необходимости более критического отношения к эволюции основ и принципов государственности или этничности на определенной территории, а также к представлениям о доминанте многовековой преемственности национально-государственных моделей просто потому, что они охватывали единую территорию. Неизменность территориальных границ отнюдь не тождественна преемственности проживающих на ней этносов и действующих государственных институтов.

Разумеется, всесторонний сравнительный анализ «сквозной» истории соседних территорий, этносов и государств требует привлечения дополнительных пластов источников, а также более активного применения новых методов исследований, в том числе междисциплинарного характера, а также построенных с использованием искусственного интеллекта. Однако лишь подобный беспристрастный анализ способен не только прояснить ситуацию в вопросах, остающихся предметом и научных, и (что гораздо опаснее) геополитических споров, но и с гораздо большей четкостью воссоздать совокупную ткань глобального исторического процесса в его единстве и многообразии.

Примечания

1. ДЖАДСОН К. Когда была «Ранняя Греция»? — Вопросы истории. 2026. № 4, с. 68–93. DOI: 10.1017/S0075426925100281. EDN: IBJTMS.
2. Там же, с. 70.
3. ГУСЕВ Н.С. Записки русских путешественников о Македонии 1878–1913 гг. в оценках отечественной и зарубежной историографии. В кн.: Балканы знакомые и незнакомые: события, личности, нарративы. XVIII–XXI вв. М. 2022, с. 289. DOI: 10.31168/7576-0477-0.3.3.
4. ШНИРЕЛЬМАН В.А. Лев Гумилёв: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур». — Политическая концептология: Журнал метадисциплинарных исследований. 2009. № 3, с. 207.
5. САВЧЕНКО В.И. Алгоритм успеха: Повести и рассказы. М. 1983, с. 156.
6. МОСИОНЖНИК Л. А. Выводы. В кн.: Технология исторического мифа. СПб. 2012, с. 384.
7. ГОБОЗОВ И.А. Плюралистичность интерпретаций в историческом познании. В кн.: Проблемы исторического познания: М-лы науч. конф. (г. Москва, 19–21 мая 1996 г.). М. 1999, с. 127.
8. ДОНДОКОВА Л.Ю. Краткий тематический словарь по этнологии. Улан-Удэ. 2006, с. 7–8.
9. БРОМЛЕЙ Ю.В. Очерки теории этноса / Послесл. Н.Я. Бромлей. 2-е доп. изд. М. 2008.
10. ЕГО ЖЕ. По поводу одного «автонекролога». — Знамя. 1988. № 12.
11. ИНОСТРАНЦЕВ К.А. Хунну и гунны: Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов. Л. 1926, с. 140.
12. ГАВРИТУХИН И.О. Гунны. В кн.: Большая российская энциклопедия. Т. 8. М. 2007, с. 160.
13. MULLER F.H.G. v.25f, Dindorf, Hist. Gr. Min., v.i, Priscus, p. 279.
14. ШЕРВАШИДЗЕ И.Н. Еще раз об этимологии имен Asina и Attila Авитохолъ. — Советская тюркология. 1989. № 3, с. 80.
15. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: Монография / Науч. ред. проф. В.И. Дятлов. Екатеринбург. 2009, с. 5.
16. ИСКЕНДЕРОВ П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. и новые региональные вызовы. — Вопросы истории. 2024. № 2, с. 4–25. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202402Statyi15. EDN: WDJVSM.
17. Историја српског народа. Шеста књига. Први том: Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд. 1983, с. 190.
18. ЦВИЈИЋ Ј. Географски и културни положај Србије. — Гласник Српскога географскога друштва. 1914. № 3. Св. 3–4, с. 12–13.
19. Цит. по: Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии: Док-ты. Т. 1: 1878–1997 гг. М. 2006, с. 57.
20. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Главный архив V-А2, оп.181, д. 675, л. 33.
21. Там же, д. 672, л. 11.
22. Цит. по: Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии…, с. 63.
23. Там же, с. 64.
24. ИВАНОВА Ю.В. Формирование идеи собственного государства в Албании. В кн.: Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб. 2006, с. 101–102.
25. Там же, с. 101.
26. Le Temps. 25.02.2008.
27. Ibidem.
28. Ibidem.
29. БОГДАНОВИЋ Д. Књига о Косову. Београд. 1990.
30. Iseljavanje Arnauta. Beograd. 7. март 1937 године. — Arhiv bivše Jugoslovenske Vojske, No. 2, ф. 4, кут. 69, л. 19.
31. Краткая история Албании. М. 1992, с. 29.
32. ÇABEJ E. Studime gjuhësore. Vëll. 1–3. Prishtinë. 1976.
33. ШИРОКОВ О.С. Введение в балканистику. М. 1990.
34. STUDTMULLER G. Forschungen zur albanische fruhgeschichte, zweite erweiterte auflage, Albanische Forschungen 2. Wiesbaden, 1966, S. 167.
35. Ibid., S. 173.
36. Краткая история Албании…, с. 31; BUDA A. Shkrime historike. Vëll. 1–2. Tiranë. 1986.

37. JAKUPI A. Two Albanian States and National Unification. Prishtina. 2004, p. 47.
38. Краткая история Албании..., с. 26.
39. VICKERS M. The Albanians: A Modern History. London—NY. 1995, p. 1.
40. ROTH H. Kosovo Origins. Belgrade. 1992.
41. ЂАКОВИЋ С. Сукоби на Косову. Београд. 1986, с. 13.
42. TERZIĆ S. Kosovo and Metohija in the Serbian History. Belgrade. 1999.
43. ТОЛЕВА Т. Австро-Венгрия и становление албанской нации. М. 2018, с. 16.
44. Там же, с. 13.
45. MIKIĆ Ž. Anthropological Traces of Slav Presence in Kosovo and Metochia. — BALCANICA. 2005. Vol. XXXVI, p. 39–51.
46. Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana—Brussels. 2004, p. 3.
47. Перевод автора. — ИСКЕНДЕРОВ П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб. 2024, с. 88–89.
48. ГУСЕВ Н.С., ДУБОВИК О.А. Конференция «Балканы и Европа во время Восточного кризиса (1875–1881)» (г. София, 2–4 марта 2018 г.). — Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 1–2, с. 207. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.6.01.
49. ХРОМОВ С.С., КАЛАШНИКОВ В.Л., ШИШОВ Н.И. Интернационализм и патриотизм: история и современность / Под ред. С.С. Хромова. М. 1977.
50. PYE T. The Scottish Enlightenment and the Remaking of Modern History. — The Historical Journal. 2023. Vol. 66, p. 751–752. DOI: 10.1017/S0018246X23000225.
51. АЛПАТОВ В.М. Факторы, способствующие исчезновению языков, и факторы, способствующие их сохранению. В кн.: Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2023. Т. 13, с. 209.
52. Там же, с. 209–210.
53. БУРЛАК С.А. Языковое родство и языковые контакты. В кн.: Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2023. Т. 13, с. 213.
54. Там же.
55. ВИНОГРАДОВ В.Н. Официальная Россия, балканские христиане и Восточный вопрос. В кн.: Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов: Сб. статей. М. 1997, с. 177.
56. БОНГАРД-ЛЕВИН Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М. 1993, с. 1–2.
57. Академик Сергей Леонидович Тихвинский. К 90-летию со дня рождения. — Восточный архив. 2008. № 18, с. 81.
58. Там же.
59. КОСАРЕВ В.Д., СОКОЛОВ А.М. Ама Японии и другие “народы моря”. От истоков до XXI века. СПб. 2017, с.33.
60. ИСМАГИЛОВА Р.Н. Эфиопия: межэтнические отношения и конфликты. В кн.: Африканский сборник – 2017. СПб. 2017, с. 66.
61. Там же, с. 66–67.
62. СМОЛЕНСКИЙ Н.И. Проблемы теоретического плюрализма. В кн.: Проблемы исторического познания..., с. 43.
63. БОНДАРЕНКО Д.М. Цивилизационное и стадиальное в истории: диалектика взаимодействия. — Там же, с. 93–94.

ББК 63.3 (2) 622,9
УДК 908
DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202609Statyi07
Статья поступила в редакцию 06.07.2026
Статья принята в печать 31.07.2026

Роль Горьковского городского комитета обороны по организации работы тыла в годы Великой Отечественной войны

М.Б. Щавелёва, Н.А. Кузнецова

Аннотация. Постановлением Государственного комитета обороны и бюро Горьковского обкома ВКП(б) 23 октября 1941 г. в г. Горьком был образован Горьковский городской комитет обороны (ГГКО). В ведение ГГКО входили вопросы организации деятельности тыла в годы Великой Отечественной войны. В зоне пристального внимания ГГКО находились организация противовоздушной обороты города, его промышленных объектов, строительство бомбоубежищ и оборонительных рубежей, предупреждение распространения в городе и области инфекционных заболеваний, обеспечение населения продовольственными карточками, вопросы дисциплины и общественного порядка. Важной задачей, которую решал ГГКО, была эвакуация учреждений культуры в отдаленные районы Горьковской области. С первых дней войны промышленные предприятия г. Горького были перепрофилированы на выпуск продукции для фронта. ГГКО решал текущие проблемы, связанные с обеспечением заводов и предприятий Горького необходимым сырьем и оборудованием для выполнения военных заказов.

Ключевые слова: Горький, Великая Отечественная война, комитеты обороны, тыл, эвакуация, единство фронта и тыла.

Щавелёва Марина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет; Институт международных отношений и мировой истории; кафедра социально-политических коммуникаций.
E-mail: for-shaveleva@yandex.ru;
Кузнецова Наталия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент, доцент Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет; Институт международных отношений и мировой истории; кафедра социально-политических коммуникаций.
E-mail: natkuznet@mail.ru.

The role of the Gorky State Defense Committee in organizing the work of the rear during the Great Patriotic War

M.B. Shaveleva, N.A. Kuznetsova

Abstract. By a decree of the State Defense Committee and the bureau of the Gorky Regional Committee of the CPSU (b), on October 23, 1941 the Gorky City Defense Committee (GGKO) was formed in the city of Gorky. The GGKO was responsible for organizing home-front activities during the Great Patriotic War. The area of close attention of the GGKO included: the organization of air defense of the city, its industrial facilities, the construction of bomb shelters and defensive fortifications, measures to prevent the spread of infectious diseases in the city and the region, providing the population with food ration cards, issues of discipline and public order. An important task that the GGKO solved was the evacuation of cultural institutions to remote areas of the Gorky region. From the first days of the war, the industrial enterprises of Gorky were converted to produce products for the front. GGKO solved current problems related to providing Gorky's factories and enterprises with all the necessary raw materials and equipment to fulfill military orders.

Key words: Gorky City, The Great Patriotic War, defense committees, home front, evacuation, unity of the front and rear.

Shaveleva Marina B. – candidate of historical sciences, docent, associate professor, Institute of International Relations and World History, department of Socio-political communications.
E-mail: for-shaveleva@yandex.ru;
Kuznetsova Natalya A. – candidate of political sciences, docent, associate professor, Institute of International Relations and World History, department of Political theory and communications, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN).
E-mail: natkuznet@mail.ru.

22 октября 1941 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление № 830-с о создании в 46 городах прифронтовой полосы, в том числе в г. Горьком, городских комитетов обороны. Всего в годы войны было образовано 79 городских комитетов обороны. В соответствии с постановлением ГКО бюро Горьковского обкома ВКП(б) 23 октября 1941 г. образовало Горьковский городской комитет обороны (ГГКО) [1].

В октябре 1941 г. были созданы военные комендатуры в 10 районах г. Горького, на вокзалах Горьковской и Казанской железных дорог. В соответствии с инструкциями комендант города тов. Прицепо был обязан обеспечить районные комендатуры необходимым количеством войсковых подразделений. Военному коменданту для создания оборонительных сооружений были даны полномочия призывать рабочую силу в требуемом количестве, реквизировать необходимые стройматериалы и механизмы с санкции ГГКО.

Организацию противовоздушной обороны (ПВО) г. Горького осуществлял майор Долгополов. В целях предупреждения внезапного проникновения авиации противника в пункт ПВО было решено: самолеты принимать только стригинскому аэродрому «Аэропорт». «При входе в коридор летчик идет на высоте не выше 500 метров и повторяет 2–3 раза сигнал “Я свой самолет”. Начальнику пункта ПВО г. Горького дать право открывать огонь по всем типам самолетов, вошедших в зону огня зенитной артиллерии без предварительных заявок» [2].

30 октября 1941 г. было принято постановление: «Возбудить ходатайство перед Управлением ВВС РККА о прикрытии пункта ПВО с воздуха специальным авиасоединением, как минимум авиаполком с вводом в него эскадрильи, способной вести ночные полеты самолетами типа ЯК или И-153». Право объявления воздушной тревоги в случае угрозы воздушного нападения было дано командующему горьковским дивизионным районом ПВО полковнику Добрянскому [3].

На оборонных объектах 1-й (23) и 2-й (32) категорий города штабы местной ПВО (МПВО) были созданы и укомплектованы полностью [4]. Начальники штабов МПВО раз в неделю проходили подготовку при штабе города. Командные пункты объектов обеспечивались всеми техническими средствами. Светомаскировка промышленных объектов осуществлялась путем устройства штор, ставней, жалюзи, щитов. В приказе НКВД СССР № 0479 от 22 декабря 1942 г. Л.П. Берия отметил, что в г. Горьком техмаскировка выполнена своевременно и качественно. Помимо военных, на каждом объекте имелись противопожарные команды МПВО.

Большинство объектов оборонной промышленности имели прямую связь с командными пунктами полков или дивизионов зенитной артиллерии. Население оповещалось гудками заводов, фабрик, пароходов, электро- и ручными сиренами, а также по внутригородской радиотрансляционной сети.

К 1 июня 1942 г. в Горьком, Дзержинске, Балахне, Арзамасе, Муроме, Выксе, Павлове, Кулебаках и Богородске руководителей учреждений и директоров заводов обязали приспособить

под газоубежища все пригодные коммунальные, ведомственные и объектовые подвальные помещения, полностью использовав имеющиеся на эти цели средства, а также средства, отпущенные на капитальный и текущий ремонт жилищного фонда [5].

Во исполнение распоряжения СНК СССР от 14 декабря 1941 г. в Горьком предполагалось построить бомбоубежища в следующих пунктах:

1. Кремль, Ивановский съезд.
2. Овраг против конца ул. Воробьева.
3. Набережная им. Жданова, против Индустриального института.
4. Ромодановский вокзал [6].

В целях обеспечения бесперебойной связи между заречной и нагорной частями города была организована временная переправа через р. Оку: понтонный мост, паромные переправы, а в зимний период – переправы через Волгу и Оку по льду с учетом пропуска гражданских и военных грузопотоков. Для строительства переправы был выделен один саперный батальон.

Управление Горьковской железной дорогой (ГЖД) под руководством тов. Ухтомского приступило к работе по сооружению соединительной железнодорожной линии через Окский мост 29 октября 1941 г., для чего на строительство отправлялись 400 учащихся школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) [7].

Важной задачей ГГКО была эвакуация учреждений культуры в отдаленные районы Горьковской области. Для эвакуации Областного краеведческого музея в с. Тонкино (здание школы), литературного музея имени А.М. Горького в Тоншаевский район Управление ГЖД выделяло транспорт.

Город организовал транзитную эвакуацию музеев Ленинграда, Смоленска далее на восток (в Томск), предоставив вагоны и технику для перевозки имущества и оборудования [8].

С 10 ноября 1941 г. началась эвакуация неработающих матерей с детьми до 13 лет из Горького в отдаленные районы области (Ветлужский, Варнавинский, Уренский, Тоншаевский), ответственность была возложена на Исполком Горьковского городского совета и горком ВКП(б).

Школы эвакуировали в отдаленные районы области: например, областная школа слепых, областная школа глухонемых переводились в Уренский район.

Г. Горький и область в годы войны стали ближайшей военно-промышленной базой фронта, арсеналом Красной армии [9].

С первых дней войны промышленные предприятия города были перепрофилированы на выпуск продукции для фронта. В соответствии с директивой ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. все промышленные предприятия г. Горького начали перестраивать производство на выпуск вооружения и боеприпасов, осваивать новые виды боевой техники для Красной армии [10].

Снаряды «М-8», «М-13» выпускали заводы «Двигатель Революции» (директор Суслов), завод № 112 (директор Михалев). По плану в ноябре 1941 г. предполагалось выпустить 10 тыс. штук [11]. С предприятий Горького мобилизовывались рабочие-фрезеровщики для минометного производства на завод «Двигатель революции».

На Горьковский автозавод имени Молотова прибывали квалифицированные кадры с эвакуированных предприятий Москвы. В ноябре 1941 г. Автозаводский райсовет занимался расселением 2 500 семей рабочих в поселках Автозаводского района за счет освобождения площади уезжающих работников и уплотнения коммунального и заводского фондов. Завод № 92 имени Сталина выпускал противотанковые пушки «ЗИС-2».

Постановление от 26 ноября 1941 г. содержало перечень мероприятий по повышению боевых качеств самолетов 142-й авиационной дивизии, охранявшей г. Горький. На самолетах «ЛАГГ-3» предлагалось установить дополнительные подвесные бензобаки, усилить бронирование, добавить по второму пулемету «БС». Работы осуществлял завод № 21 (директор Гостинцев, главный конструктор Лавочкин) [12].

Об объемах производства вооружения свидетельствуют следующие факты. Постановление от 30 ноября 1941 г. обязывало директора автозавода имени Молотова тов. Лоскутова обеспечить выполнение плана, установленного ГГКО, по выпуску 82 м/м батальонных минометов в количестве 1 тыс. штук в декабре 1941 г.; директора завода «Красная Этна» тов. Романова – обеспечить выполнение плана по выпуску 50 м/м ротных минометов в количестве 400 штук; завод «Двигатель революции» (директор Никулин) – изготовить 120 м/м полковых минометов в количестве 250 штук (декабрь 1941 г.) [13]. Автозавод им. Молотова производил моторы «М-105» для машин.

Ручные гранаты («РГП-1») были приняты на вооружение истребительных батальонов Горьковской области. Автозавод им. Молотова выпустил 200 тыс. ручных гранат к 1 января 1942г.

Постановлением № 1 от 1 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны обязал завод «Красное Сормово» полностью перейти на выпуск средних танков «Т-34» и боеприпасов для реактивной и ствольной артиллерии [14]. Завод № 112 «Красное Сормово» (директор Д.В. Михалев, с мая 1942 г. – Е.Э. Рубинчик) должен был обеспечить выпуск пяти танков «Т-34» в сутки с 15 декабря 1941 г. Темпы выпуска танков нарастали: с пяти до восьми, а позднее до 10 в сутки. Автозавод и станкозавод поставляли узлы и детали для танков [15]. Танки «Т-34» и «Т-60» выпускали завод № 112 и Автозавод им. Молотова.

Всего за годы войны завод «Красное Сормово» поставил фронту 12 038 танков «Т-34» (10,2 % от общесоюзного производства) [16]. Президиум Верховного Совета СССР за успешное выполнение заданий по производству танков и бронекорпусов наградил предприятие орденом Ленина [17].

Для обороны завода «Красное Сормово» от воздушных налетов вражеской авиации на предприятии было установлено 20 трехспаренных зенитных пулеметов. Из рабочих завода создана пулеметная команда.

На заводах города велась постоянная работа по созданию новых видов оружия и боевой техники. В декабре 1941 г. конструктор завода № 112 И.А. Наумов разработал новые образцы вооружений: два вида жидкостных зажигательных ружейных гранат, два вида жидкостных зажигательных бомб для уничтожения

танков, броневых и транспортных машин, складов, самолетов в воздухе и на воде. Создавались все условия для быстрого внедрения изобретений в производство.

В срок до 1 января 1942 г. на нужды Красной армии предприятиям города и области необходимо было поставить 250 грузовых и 20 легковых автомашин «М-1», «ГАЗ-АА», «ЗИС-5».

Авиационные моторы «М-105 ПФ» выпускал завод № 466, серийный выпуск с 1 сентября 1942 г.

Завод «Красный Якорь» был единственным предприятием в СССР по изготовлению цепей противоскольжения для автомашин фронта и конских минометных вьюков.

ГГКО решал массу текущих вопросов, связанных с обеспечением заводов и предприятий Горького всем необходимым сырьем и оборудованием для выполнения военных заказов. Завод «Красная Этна» (директор Романов) должен был обеспечивать поставку заводу № 92 проката и пружинной проволоки в количестве 29,5 т, завод имени Кагановича (директор Мольков) – ежемесячно поставлять легированную и углеродистую сталь (265 т), а Жиркомбинат (директор Сысоев) – организовать производство жидкости «Стеол» и поставлять ее заводу № 92 в количестве 20 т ежемесячно. Свою продукцию заводу отправляли «Красный Якорь» (директор Есин), «Красный кожевник» (директор Алыперович), «Двигатель революции», валяная фабрика № 6 (директор Добров) [18].

В разгар битвы под Москвой ГГКО обратился к горьковчанам: «...Горьковская область и г. Горький являются одним из крупнейших промышленных и культурных центров Советского Союза. Оборонное значение области и города чрезвычайно велико. Область и город находятся сейчас в ближайшем тылу. Строительство полевых укреплений, начатое вокруг г. Горького, имеет огромное государственное значение. Работа по строительству этих укреплений является делом чести каждого трудящегося Горьковской области. Комитет обороны уверен, что горьковчане, полные высокого чувства любви к Родине, к своему городу, с честью выполнят священный долг советских патриотов» [19].

Ускорялось строительство оборонительных рубежей. Срок строительства первой очереди окского оборонительного рубежа – с 5 по 25 ноября 1941 г. К строительству привлекались мобилизованные в порядке трудовой повинности из населения города и области, студенты вузов и старших курсов техникумов и ученики 9-х – 10-х классов средних школ. Ответственность за ход строительных работ и массовой политической работы среди мобилизованных из каждого района возлагалась на первых секретарей горкомов, райкомов ВКП(б) [20].

В целях обеспечения боевой деятельности войск в зимних условиях были организованы работы по постройке жилых помещений типа зимних землянок для красноармейцев и командного состава в количестве, необходимом для занятий командно-наблюдательного пункта (КНП) и огневых точек батальонов переднего эшелона по Горьковскому обводу и по Окскому рубежу.

Строительство оборонительных рубежей предполагалось завершить до конца 1941 – начала 1942 г. По Горьковскому обводу:

противотанковые препятствия и огневые точки – к 20–30 декабря 1941 г., противопехотные препятствия – к 30 декабря – 15 января 1942 г., землянки – к 30 декабря – 30 января 1942 г. По Окскому рубежу: противотанковые препятствия – к 15 декабря, батрайоны 1-го эшелона по 12 огневых точек – к 15 декабря 1941 г. [21] В целях стимулирования лучших стахановцев – строителей оборонительных рубежей на каждый участок полевого строительства выделялось до 3 тыс. руб. в декаду для денежного премирования. С декабря 1941 г. постановлениями ГГКО проводились регулярные награждения почетными грамотами «за образцовую, самоотверженную работу и проявленную инициативу на строительстве оборонительных рубежей». Постановлением ГГКО от 30 декабря 1941 г. 695 чел. были награждены почетными грамотами. Во второй половине 1941 – 1942 г. в связи с приближением фронта и объявлением в Горьковской области военного положения в кратчайшие сроки были возведены три рубежа обороны, которые включали в общей сложности до 1 134 км противотанковых оборонительных рвов. На сооружении этих рубежей в разное время трудилось свыше 350 тыс. жителей области, преимущественно женщины и подростки – учащиеся средних школ [22].

С 25 октября по 25 ноября 1942 г. для ремонтно-восстановительных работ оборонительных рубежей предполагалось привлечь 10 тыс. мобилизованных [23]. К январю 1942 г. строительство оборонительных сооружений было закончено. В установленные сроки горьковчане построили линию обороны протяженностью 1 134 км [24].

В условиях военного времени вопросы дисциплины и общественного порядка были особенно актуальными. В г. Горьком охрана общественного порядка была возложена на коменданта города, районные комендатуры и органы милиции. За нарушение правил уличного движения, правил местной ПВО и общественного порядка вводился штраф до 100 рублей на месте, а злостных нарушителей подвергали аресту и предавали суду Военного Трибунала. Спекулянтов продовольственными и промышленными товарами ГГКО приказывал арестовывать на месте, «предавая суду как дезорганизаторов тыла и предателей родины» [25].

По решению ГГКО от 25 декабря 1941 г. был организован городской военный трибунал с сессиями в районах, председателем был утвержден П.И. Шурыгин [26].

Факты преступной халатности пресекались и рассматривались военной прокуратурой. Дежурный по дивизионному районному пункту ПВО капитан Коробицкий ослабил бдительность в ночь с 3 на 4 февраля 1942 г., в результате «вражескому самолету удалось пробраться незамеченным к городу и сбросить бомбы на автозавод им. Молотова» [27].

Под контролем военной прокуратуры находился вопрос обеспечения населения продовольственными карточками. «За бездушное отношение к рабочим» к судебной ответственности были привлечены заведующие бюро карточек завода № 119 Мартынова (не выданы карточки 700 рабочим) и завода № 197 Зимина (не выданы карточки 330 рабочим). Начальнику бюро карточек Чугунову был объявлен строгий выговор [28].

8 и 12 апреля 1942 г. в Горьком прошли продовольственные ярмарки, которые дали положительные результаты: способствовали снижению цен на продукты и явились большим «подспорьем в деле улучшения снабжения трудящихся города». При этом отмечалось, что спекулянты «скупают сельскохозяйственные продукты в колхозах, а также получают через своих пособников, пробравшихся в торговую сеть, продовольственные и промышленные товары и продают их "из-под полы" по мародерским ценам. Обязать председателей горисполкомов и райисполкомов организовать общественный контроль при магазинах, привлекая к этому делу депутатов горсоветов, райсоветов, членов постоянно действующих комиссий, актив рабочих, интеллигенции и домохозяек. Обязать зам. начальника УНКВД т. Балыбердина немедленно ликвидировать "толкучки" и продажу промтоваров с рук на рынках и вне рынков г. Горького» [29]. В соответствии с постановлением ГКО от 21 февраля 1942 г. считать г. Горький отнесенным к числу режимных местностей первой категории.

12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений», согласно которому, из мест лишения свободы освобождались и призывались через военкоматы в действующую армию заключенные, осужденные на небольшие сроки за несущественные преступления [30].

6 ноября 1941 г. ГГКО постановил: вследствие большой перегруженности освободить из мест заключения:

1) осужденных за маловажные бытовые преступления, имеющих остаток срока менее года;

2) осужденных беременных женщин и женщин с детьми (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм и рецидивисток);

3) осужденных за нарушение дисциплины и самостоятельный уход из училища (школы) учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО [31].

ГГКО обязал руководителей предприятий, использующих рабочую силу исправительно-трудовых колоний (Автозавод, «Красная Этна», завод № 112), к февралю 1942 г. построить бани, дезокамеры и обеспечить общежития соответствующим оборудованием и постельными принадлежностями. Исполком горсовета должен был выделить в распоряжение органов НКВД помещение для развертывания временного приемного пункта для размещения прибывающих на станции лиц, освободившихся из мест заключения, до отправки их к месту жительства, подвергнуть их санобработке и немедленно трудоустроить.

К 1 декабря 1941 г. из тюрем и колоний было освобождено 3 832 чел., из Унжлага (Унженского исправительно-трудового лагеря) – 2 461, из других лагерей – 1 тыс. чел., из тюрьмы г. Горького – 130, всего – более 7 тыс. чел. [32]

Серьезные меры принимались по предупреждению распространения в городе и области инфекционных заболеваний – желудочно-кишечных и сыпного тифа. Для этого обеспечивалась бесперебойная работа бань, обязательная санитарная обработка всех команд и военных частей до размещения их

в общежитиях. За это отвечали председатели райисполкомов, руководители органов здравоохранения и санинспекций. Для санитарно-профилактической и лечебной работы выделялись студенты старших курсов мединститута [33].

Горький стал одним из ближайших к фронту и важнейших арсеналов страны. В конце января 1946 г. в город приехал член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя СНК СССР Н.А. Вознесенский, который в своей речи на собрании избирателей во Дворце имени В.И. Ленина 1 февраля 1946 г. высоко оценил вклад горьковчан в победу в Великой Отечественной войне: «В дни <…> войны много героического труда вложено рабочими, крестьянами и интеллигенцией, партийными и непартийными большевиками г. Горького и области. Город Горький являлся и является в истории нашего рабочего движения крепостью партии Ленина. В период Великой Отечественной войны он являлся крепостью обороны нашей Советской Родины» [34].

В память о трудовом подвиге г. Горького и горьковчан, о весомом вкладе горьковских предприятий и их тружеников в приближение Победы, а затем – в послевоенное восстановление народного хозяйства и развитие научно-промышленного потенциала страны г. Нижний Новгород достоин носить звание «Город трудовой доблести».

Примечания

1. Во имя победы: Трудовой подвиг горьковчан в годы Великой Отечественной войны / Сост.: В.П. Киселев, Е.Г. Филатов. Горький. 1976, с. 16.
2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПА НО), ф. Р-2518, оп. 1, д. 1, л. 3.
3. Там же, л. 198.
4. Там же, д. 11, л. 5.
5. Там же, д. 2, л. 96.
6. Там же, д. 1, л. 254.
7. Там же, д. 2, л. 6.
8. Там же, л. 26.
9. ГОРДЕЕВА Л.П. Роль Горьковского городского комитета обороны в организации работы оборонных предприятий в годы Великой Отечественной войны. — Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2015. № 3, с. 13.
10. URL: https://web.archive.org/web/20210417032631/https://www.archive-nnov.ru/?id=12941
11. ГОПА НО, ф. Р-2518, оп. 1, д. 2, л. 83.
12. Там же, л. 149.
13. Там же, л. 193.
14. URL: https://web.archive.org/web/20210417032631/https://www.archive-nnov.ru/?id=12941
15. ГОПА НО, ф. Р-2518, оп.1, д. 2, л. 227.
16. URL: https://web.archive.org/web/20210417032631/https://www.archive-nnov.ru/?id=12941
17. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/222779#mode/inspect/page/1/zoom/4
18. ГОПА НО, ф. Р-2518, оп. 1, д. 2, л. 10.
19. Там же, л. 105–106.
20. Там же, л. 33.
21. Там же, л. 201.
22. URL: https://web.archive.org/web/20210417032631/https://www.archive-nnov.ru/?id=12941
23. ГОПА НО, ф. Р-2518, оп. 1, д. 2, л. 320.

24. Во имя победы: Трудовой подвиг горьковчан в годы Великой Отечественной войны..., с. 15.
25. ГОПА НО, ф. Р-2518, оп. 1, д. 2, л. 61.
26. Там же, л. 271.
27. Там же, л. 12.
28. Там же, л. 25.
29. Там же, л. 44.
30. URL: https://62info.ru/history/node/7653
31. ГОПА НО, ф. Р-2518, оп. 1, д. 2, л. 63.
32. Там же, д. 3а, л. 171.
33. Там же, д. 2, л. 108.
34. Во имя победы: Трудовой подвиг горьковчан в годы Великой Отечественной войны..., с. 73.

УДК 929.65
DOI: 10.31166/
VoprosyIstorii202609Statyi01
Статья поступила в редакцию 22.07.2026
Статья принята в печать 17.08.2026

Титул, герб и генеалогия Бориса Васильевича Кене, создателя Государственного герба Российской империи

И.М. Афонасенко

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные и малоизученные вопросы пожалования баронского титула и родового герба начальнику 2-го Отделения Императорского Эрмитажа и управляющему Гербовым отделением при Департаменте Герольдии Правительствующего Сената Борису Васильевичу Кене. Кроме того, поднимается вопрос о происхождении баронского рода Кене и отдельных его представителей.

Ключевые слова: Российская империя, Сенат, Герольдия, титул, герб, геральдика, генеалогия.

Афонасенко Игорь Михайлович – ведущий специалист Евразийского гербового центра.
E-mail: afonasenko@inbox.ru.

Noble title, coat of arms, and genealogy of Boris Vasilyevich Kene, the creator of the State Coat of Arms of the Russian Empire

I.M. Afonasenko

Abstract. The article discusses the controversial and little-studied issues of granting the title of baron and family coat of arms to Boris Vasilyevich Kene, the head of the 2nd Department of the Imperial Hermitage and the manager of the Armorial Department at the Department of Heraldry of the Governing Senate. In addition, the article raises the issue of the genealogy of the Kene baronial family and its individual members.

Key words: Russian Empire, Senate, Heraldry, title, coat of arms, heraldry, genealogy.

Afonasenko Igor M. – master of historical sciences and a leading scientist at the Eurasian Armorial Center.
E-mail: afonasenko@inbox.ru.

В 2027 г. российская государственная геральдика будет отмечена двумя знаменательными датами – 170-летием со дня утверждения императором Александром II официальных описаний Большого, Среднего и Малого гербов Российской империи [1], а также 145-летием со дня утверждения императором Александром III нового Большого герба Российской империи [2]. Эти юбилеи – повод вспомнить о главном создателе Государственного герба Российской империи, авторе отечественной символики при Александре II и Александре III, тайном советнике бароне Б.В. Кене.

Биография начальника 2-го Отделения Императорского Эрмитажа и управляющего Гербовым отделением при Департаменте Герольдии Правительствующего Сената Бориса Васильевича Кене неоднократно становилась объектом научных исследований [3]. Тем не менее проведенный нами анализ историографии этой темы позволил установить одно интересное обстоятельство – баронский титул и герб первоначально были пожалованы Б.В. Кене не российским правовым актом, а дипломом княгини-правительницы княжества Рейсс-Грейц старшей линии Каролины-Амалии. Однако никто из российских историков и геральдистов не обращался к первоисточнику данного пожалования в архивах этого немецкого княжеского дома. Перед нами стояла задача выявить и изучить этот первоисточник. Лично посетить Тюрингский государственный архив, где в отделе № 3 располагается архив княжества Рейсс-Грейц, у нас не было физической возможности, поэтому мы обратились за помощью к немецким коллегам. На нашу просьбу откликнулся профессор Мюнхенского университета имени Людвига-Максимилиана доктор Кристиан Май. Но к этому мы вернемся чуть позже.

В первую очередь необходимо обратиться к архивным материалам российского Сената.

1 октября 1862 г. министр императорского двора граф Владимир Федорович Адлерберг сообщил президенту Придворной конторы обер-гофмаршалу графу Андрею Петровичу Шувалову, что «помощник начальника II Отделения Императорского Эрмитажа, управляющий Гербовым Отделением при Департаменте Герольдии Правительствующего Сената, статский советник Кене, представив мне полученный им от Княгини Правительницы Рейсс диплом на баронское достоинство, просит об исходатайствовании ему Высочайшего соизволения на принятие сего диплома и жалуемого оным титула. По всеподданнейшему докладу моему сей просьбы, а также отзывов тайных советников Замятнина и Гильфердинга о неимении к удовлетворению оной препятствий со стороны Министерства Юстиции и Иностранных Дел, Государь Император Высочайше соизволил на ходатайство г. Кене. Сообщив о сем г. Министру Юстиции, имею честь уведомить и Ваше Сиятельство, покорнейше прося препровождаемый диплом выдать статскому советнику Кене» [4].

Через неделю, 8 октября 1862 г., последовало определение Придворной конторы (рассмотренное и утвержденное той же датой): «Подлинное предложение г. Министра Императорского Двора приобщить к прочим таковым же, а в Отделение взять с оного копию, о пожаловании же Помощнику Начальника II Отделения Императорского Эрмитажа, статскому советнику Кене, от Княгини Правительницы Рейсс, диплома на баронское достоинство и о Высочайшем соизволении на принятие сего диплома и жалуемого оным титула отметить в формулярном о службе его списке, уведомить г. Кене от имени г. Обер-Гофмаршала, и сообщить Начальнику II Отделения г. Бруни» [5].

В тот же день, 8 октября 1862 г., президент Придворной конторы обер-гофмаршал граф Андрей Петрович Шувалов направил отношение в адрес самого просителя Бориса Васильевича Кене: «Министр Императорского Двора 1-го сего октября за № 4565 уведомил меня, что по всеподданнейшему докладу просьбы Вашей о дозволении принять от Княгини Правительницы Рейсс диплома на баронское достоинство и жалуемого оным титула, а также отзывов тайных советников Замятнина и Гильфердинга, о неимении к удовлетворению означенной просьбы препятствий со стороны Министерств Юстиции и Иностранных Дел, Государь Император Высочайше соизволил на ходатайство Ваше, причем присовокупил, что о сем сообщено г. Министру Юстиции. Уведомляя о сем Вас, имею честь препроводить диплом на баронское достоинство» [6]. Об этом же сразу сообщили и начальнику II Отделения Императорского Эрмитажа Федору Антоновичу Бруни [7].

15 октября 1862 г. товарищ министра юстиции Дмитрий Николаевич Замятнин направил в Правительствующий Сенат по данному вопросу следующее предложение: «Министр Императорского Двора сообщил, что по всеподданнейшему его докладу просьбы Помощника Начальника II Отделения Императорского Эрмитажа и Управляющего Гербовым Отделением при Департаменте Герольдии Правительствующего Сената Статского Советника Кене, о дозволении принять полученный им от Княгини Правительницы Рейсс диплом на Баронское достоинство и жалуемый оным титул, равно как отзыв г. Министра Юстиции по этой просьбе, Государь Император Высочайше на сие соизволил. О таковой Высочайшей воле имею честь предложить Правительствующему Сенату, для зависящего распоряжения» [8].

Предложение товарища министра юстиции было заслушано Правительствующим Сенатом 17 октября 1862 г., и по итогам заседания герольдмейстеру Департамента герольдии Правительствующего Сената графу Леониду Михайловичу Муравьеву было приказано объявить Борису Васильевичу Кене императорское Высочайшее повеление о дозволении принять полученный им от княгини-правительницы Рейсс диплом на баронское достоинство и жалуемый оным титул [9].

Также было приказано сообщить в контору Сенатской типографии о необходимости опубликования данного Высочайшего повеления в газете «Сенатские ведомости». В итоге Высочайшее повеление о дозволении Борису Васильевичу Кене принять баронский диплом и титул было опубликовано 2 ноября 1862 г. в № 88 газеты [10].

Подведем промежуточный итог. Борис Васильевич Кене предоставил министру императорского двора графу Владимиру Федоровичу Адлербергу диплом княгини-правительницы княжества Рейсс-Грейц старшей линии Каролины-Амалии на баронское достоинство и просил об исходатайствовании ему Высочайшего соизволения на принятие диплома и жалуемого титула. Министр императорского двора доложил об этом ходатайстве императору, и Александр II удовлетворил просьбу Кене. Кроме того, министр императорского двора сообщил об этом президенту Придворной конторы обер-гофмаршалу графу Андрею Петровичу Шувалову и переслал ему диплом княгини-правительницы княжества Рейсс-Грейц старшей линии Каролины-Амалии на баронское достоинство для возвращения оного Борису Васильевичу Кене, что и было сделано обергофмаршалом в тот же день с уведомлением Кене о Высочайшем соизволении (баронский диплом был возвращен Б.В. Кене и остался у него). Далее состоялось рассмотрение в Сенате по предложению товарища министра юстиции и официальное опубликование Высочайшего соизволения. Б.В. Кене получил право на принятие титула.

А теперь вернемся к рассказу о нашей просьбе, на которую любезно откликнулся профессор Мюнхенского университета доктор Кристиан Май. Просьба состояла в поиске оригиналов архивных документов о пожаловании Борису Васильевичу Кене диплома на баронское достоинство и герба княгиней-правительницей княжества Рейсс-Грейц старшей линии Каролиной-Амалией в фондах Тюрингского государственного архива.

Доктор Кристиан Май полностью удовлетворил нашу просьбу (за что мы ему безмерно благодарны) и провел тщательные архивные поиски, привлек своих коллег-историков и изучил дополнительные материалы из федеральных архивов и библиотек Германии.

Результаты его поисков и исследований в архивах Германии не просто удивили, а сильно озадачили и его, и нас. Публикуем точную цитату его письменного ответа на наш запрос о баронском дипломе и гербе Б.В. Кене: «В связи с Вашим запросом я должен сообщить Вам, что, к сожалению, наши поиски и исследования оказались безрезультатными. Нам не удалось найти никаких свидетельств возведения в титул барона или пожалования герба Бернгарду фон Кене в 1862 году. Мы изучили все повышения и возведения в титул барона, зарегистрированные Тайным кабинетом (канцелярией) княжества Рейсс старшей

линии за весь XIX век. Кроме того, были просмотрены официальные и информационные бюллетени княжества Рейсс, а также личные записи княгини за соответствующий период. К сожалению, я не могу предоставить Вам более никаких сведений». Оставляем эту информацию наших немецких коллег без дополнительных комментариев.

13 мая 1874 г. действительный статский советник Борис Васильевич Кене обратился с прошением на имя императора Александра II, в котором указывал что «Именным Высочайшим Вашего Императорского Величества повелением, 15 Октября 1862 года, дозволено мне принять полученный мною от Княгини Правительницы Рейсс, урожденной Принцессы Гессенской, диплом с гербом на баронское достоинство и жалуемый оным титул. Вследствие сего ныне желая, чтобы сей герб был внесен в XII часть Общего Всероссийских Дворянских родов гербовника, всеподданнейше прошу, к сему – дабы повелено было прошение принять и сделать постановление о внесении герба, пожалованного мне Княгинею Правительницею Рейсс, в Гербовник» [11].

24 июня 1874 г. это прошение было рассмотрено на заседании Сената и вынесено определение по Департаменту Герольдии: «По Указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат слушали прошение действительного статского советника барона Бориса Кене о внесении пожалованного ему Княгиней Правительницей Рейсс баронского герба в XII часть Дворянского Российской империи Гербовника, и справку, по коей оказалось: 1, что в октябре месяце 1862 года Всемилостивейше дозволено Кене, состоявшему тогда в чине статского советника, принять полученный им от Княгини Правительницы Рейсс диплом на баронское достоинство и жалуемый оным титул; 2, в означенном дипломе изображен и герб; 3, об изготовлении XII части Дворянского Гербовника не сделано еще никакого распоряжения, XI часть Гербовника удостоена Высочайшего утверждения в 1862 году. Приказали: Представить господину исполняющему должность Герольдмейстера, сделать распоряжение о внесении пожалованного Княгиней Правительницей Рейсс действительному статскому советнику барону Кене герба в ближайшую часть Дворянского Российской империи Гербовника и о объявлении просителю такового определения, для чего передать к Герольдмейстерским делам копию с последнего» [12].

Копия с определения Правительствующего Сената была изготовлена 30 июля 1874 г., и 12 августа она поступила на рассмотрение герольдмейстеру.

3 сентября 1874 г. управляющий Гербовым отделением получает соответствующее указание от герольдмейстера, датируемое 23 августа: «Препровождаю при сем к Вам, для надлежащего распоряжения, копию с определения Правительствующего

Сената, со случившегося 24 июня 1874 года, по делу о внесении пожалованного Княгиней Правительницей Рейсс действительному статскому советнику барону Кене герба в ближайшую часть Дворянского Российской империи Гербовника» [13].

Заседание присутствия Гербового отделения в составе действительного статского советника Адольфа Васильевича Тилезиуса фон Тиленау и статского советника Василия Ивановича Раевского состоялось 11 декабря 1880 г. Заслушав предписание герольдмейстера, «Записку о гербе рода тайного советника барона Бориса Кене» и рассмотрев проект герба барона Кене, «приказали: проект герба утвердить и представить господину Герольдмейстеру, для дачи дальнейшего хода» [14].

В рассмотренной членами присутствия Гербового отделения «Записке о гербе рода тайного советника барона Бориса Кене» было указано, что «пожалованный в дипломе на баронское достоинство герб рода барона Бориса Кене следующий: “Щит четверочастный; в 1-ой и 4-ой золотых частях, черный лев, с червленными глазами и языком; во 2-ой 3-ей лазуревых частях, золотое пальмовое дерево. Щит украшен баронскою короною, увенчанною двумя шлемами. Нашлемники: первого коронованного шлема – возникающий черный лев, с червленными глазами и языком, второго шлема, украшенного венчиком из черного с золотом – золотое пальмовое дерево. Наметы: справа – черный с золотом, слева – лазуревый с золотом. Девиз: WE FEAR NAE FOE / Мы врагов не боимся / черными буквами на золотой ленте”» [15].

При этом исполняющий должность управляющего Гербовым отделением А.В. Тилезиус фон Тиленау сделал особое примечание: «Означенный проект герба полагаю утвердить без изменения, прибавив к гербу, согласно словесному заявлению тайного советника барона Кене, щитодержателей двух герольдов» [16]. А к блазону проекта герба было добавлено описание щитодержателей: «Щитодержатели: два герольда в золотых кабатах, украшенных Императорским орлом, малиновых шляпах с перьями цветов Империи и держащие геральдические жезлы» [17] и приложен соответствующий рисунок проекта герба тайного советника барона Бориса Кене, под которым подписались действительный статский советник А.В. Тилезиус фон Тиленау, статский советник В. Раевский и секретарь Гербового отделения А. Зимин [18].

В тот же день, 11 декабря 1880 г., исполняющий должность управляющего Гербовым отделением А.В. Тилезиус фон Тиленау обратился с рапортом на имя герольдмейстера: «Имею честь представить при сем рассмотренный Присутствием Гербового Отделения проект герба тайного советника барона Кене с описанием, подлинною запискою, копию с журнала испрашивая разрешение на внесение герба вышеупомянутого лица в ближайшую часть Гербовника Дворянских родов Российской Империи» [19].

Ответ от герольдмейстера, датированный 22 января 1881 г., за № 31 был получен управляющим Гербовым отделением Департамента Герольдии 23 января 1881 г.: «Вследствие рапорта от 11 декабря 1880 года за № 332, возвращая при сем проект герба Вашего с описанием, подлинною запискою и копиею с журнала, *прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение об изготовлении означенного проекта герба без щитодержателей. Герольдмейстер Е. Рейтерн*. Заведующий делами Герольдмейстера Д. Васильев» [20]. А на возвращенном рисунке проекта герба были зачеркнуты герольды и справа выделялась приписка: «*Без щитодержателей! Е. Рейтерн*» [21].

Таким образом, в XII части Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи герб Б.В. Кене был высочайше утвержден 23 мая 1882 г. [22] в том же виде, что и в представленном баронском дипломе княгини-правительницы княжества Рейсс-Грейц старшей линии Каролины-Амалии.

Поскольку в архивных материалах сохранилась текстовая копия-перевод рейсс-грейцкого баронского диплома Б.В. Кене, предоставленного им министру императорского двора, считаем необходимым впервые опубликовать данный исторический источник.

«Мы, Каролина Амалия Елизавета, вдовствующая Княгиня Рейс старшей ветви, Графиня и Государыня Плауенская и пр. и пр., Принцесса Гессенская и пр. и пр., в продолжении опеки Нашего любезнейшего и малолетнего сына Генриха двадцать второго, старшей ветви, владетельного Князя Рейс, Графа и Государя Плауенского и пр. и пр. Правительница, от Нас, и от имени сына Нашего Князя Генриха двадцать второго Рейс, Светлости и Высокомилостивого, и наследников его в правительстве, сею грамотою публично признаем и объявляем.

Что мы пожаловали Императорскому Российскому Статскому Советнику Бернгарду фон Кене, Кавалеру Ордена Св. Станислава II ст., Командору Португальского Ордена Христа, Испанского Изабеллы, Шведского Ваза /со звездами/, Гессенского Филиппа Великодушного, кавалеру Прусского Ордена Красного Орла III ст. и Греческого Спасителя; имеющего бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., в уважение его ученых заслуг по части истории и Геральдики и его честных и благородных помышлений потомственное Баронское достоинство.

В следствие сего желаем, в силу Нашего могущества, чтобы Бернгард фон Кене и его законные потомки обоего пола по нисходящей линии принадлежали к Баронскому достоинству наших земель, пользовались всеми преимуществами, с сим достоинством сопряженными, и были всеми за наших потомственных Баронов признаваемы, почитаемы и уважаемы.

За тем, и для вящей памяти Нашей милости, Мы жалуем упомянутому Бернгарду фон Кене нижеописанный и красками рисованный герб, как ему, так и законным его потомкам, с таким

условием, чтобы герб этот не употреблялся во вред кому-либо, и позволяем и постановляем дабы он и потомство его, по нисходящей линии, пользовались оным во все будущие времена.

В первом и четвертом золотых полях: черный лев, с червленными глазами и языком; во втором и третьем лазуревых полях: золотое пальмовое дерево. Щит с баронскою короною и двумя шлемами. На первом коронованном шлеме – черный лев с червленными глазами и языком, на втором – золотое пальмовое дерево. Наметы: справа, черные с золотом, слева, лазуревые с золотом. Девиз: "Мы врагов не боимся".

В следствие сего мы просим всех высоких Монархов и Князей и всех других по достоинству, а Нашим подданным повелеваем милостиво и строго означенного Бернгарда Барона фон Кене и его законных потомков признавать и почитать за истинных дворян Баронского достоинства, все сказанное исполнять, а оных защищать, а что касается до Наших подданных во избежание нашей немилости, и наказания, которым подвергается тот, кто не будет действовать согласно Нашей воли.

В память сего Мы сию грамоту на Баронское достоинство собственною рукою подписали, и Нашим Княжеским соединенным гербом укрепить повелели.

Дана в нашем столичном городе Грейц Мая 24 дня тысяча восемьсот шестьдесят второго года. Подписала: Каролина вдовствующая Княгиня Рейс Принцесса Гессенская» [23].

Ни в текстовой копии-переводе рейсс-грейцкого баронского диплома Б.В. Кене, ни в материалах архивного дела нет обоснования или истории отдельных геральдических фигур пожалованного баронского герба, поэтому делать выводы о значении и происхождении гербовых элементов нет оснований. Тем более что в европейских гербовниках отсутствуют сведения о наличии до 24 мая 1862 г. у Б.В. Кене и его прямых предков высочайше утвержденного герба или известного самобытного герба, который мог бы послужить основой для баронского герба в дипломе княгини-правительницы княжества Рейсс-Грейц старшей линии Каролины-Амалии.

В сети Интернет неоднократно высказывалось ошибочное мнение, что существует изображение баронского герба Б.В. Кене в виде восстающего льва в щите и такого же льва в нашлемнике, датируемое 1857 г. Из этого делался поспешный вывод о том, что таковым баронским гербом Кене пользовался еще до пожалования ему баронского диплома в 1862 г. В качестве доказательства приводилось изображение модели настольной медали в честь Б.В. Кене, опубликованное в справочнике Э. Дюрана «Медали и жетоны нумизматов» (1865), на которой присутствовал бюст Кене и указанный герб [24]. Однако подобный вывод был основан на полном непонимании технического описания медали и неправильном переводе терминов, присутствующих в справочнике Э. Дюрана. В частности, пометка "Richter 1857"

в описании изображений на медали относится не к году создания медали и ее автору, а к скульптору и датировке бюста Б.В. Кене, воспроизведенного на медали [25]. Сам же проект медали был создан не ранее 1862 г., на что дополнительно указывает наличие баронской короны на изображенном там гербе.

Управляющий Гербовым отделением российской Герольдии действительно использовал «сокращенную» версию своего герба (в виде восстающего черного льва в золотом щите и такого же выходящего льва в нашлемнике), о чем сохранилось немало свидетельств [26]. Однако достоверные сведения об источниках первоначального заимствования фигур для герба Б.В. Кене отсутствуют. Все исследователи, ранее обращавшиеся к этой теме, не смогли найти у родственных или однофамильных дворянских родов схожего герба.

При таких обстоятельствах следует воздержаться от необоснованных выводов и обобщений. Вместе с тем для полноты раскрытия темы геральдики баронов Кене считаем необходимым опубликовать информацию из Австрийского государственного архива.

В фондах этого архива нами была выявлена копия рисунка герба Павла Яшке Кене (дворянство и герб были пожалованы ему императором Карлом VI по диплому от 20 июня 1548 г.), выданная 15 октября 1650 г. его внуку Исраэлю Яшке Кене [27], – Schild geteilt, unten silbern-blau sechsmal wellenformig quergeteilt, oben in Blau ein goldner Lowe mit goldnem Dreschflegel [in den Pranken] [28].

Павел Яшке Кене (Paul Jaschke Kohne; ок. 1492–1564) – гданьский купец, владелец фирмы по торговле янтарем, сын переселившегося в Померанию венгерского купца Яна Кене и его жены Барбары Ниссинской [29]. С 1519 г. работал ремесленником по обработке янтаря, после 1525 г. занимался исключительно его скупкой и продажей. 18 декабря 1533 г. вместе с Георгием Борком получил от прусского герцога Альбрехта Гогенцоллерна наследственную привилегию, дающую им монополию на добычу по всему побережью Балтийского моря в Пруссии трех видов янтаря. До 1550 г. он расплатился с партнерами и получил еще одну привилегию герцога Альбрехта, дающую монополию на привоз янтаря только для себя и своих потомков (эта монополия сохранялась до 1642 г.) [30]. С 1538 г. старейшина Братства Святого Эразма, в 1559 г. он делал пожертвования на обустройство часовни Братства в церкви Пресвятой Богородицы (Девы Марии). Был дважды женат: в первом браке – на Доротее Розенберг, в союзе с которой родился унаследовавший семейное дело сын Павел II Яшке Кене (1535–1585) [31], во втором браке – на Маргарете Оттингхузен.

Его внук – Исраэль Яшке Кене (Israel Jaschke Kohne, 1573–1641) – сын Павла II Яшке Кене и Доротеи Циммерман. Исраэль Кене вместе со своим братом Андреасом после смерти деда

и отца руководил семейной фирмой по торговле янтарем. Помимо янтарного бизнеса, занимался торговлей медью [32]. Со временем Исраэль Кене добился политического веса и неоднократно занимал высокие городские должности – городского каммерера (казначея) и имперского бургграфа Гданьска. В течение многих лет он вел переписку с голландским юристом и государственным деятелем, философом и поэтом Гуго Гроцием [33]. В 1602 г. женился на дочери бургомистра Анне Шуман. После его смерти, в 1642 г., бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм отменил их родовую янтарную монополию, что положило конец семейному бизнесу, начатому во времена его деда Павла Кене [34].

Наше исследование было бы неполным без генеалогии самого Бориса Васильевича Кене, тем более что вопрос о происхождении и национальности первого управляющего Гербовым отделением российской Герольдии волнует исследователей уже не первое столетие.

По материнской линии первым достоверно известным предком Б.В. Кене был его прадед Иоганн Михаэль Андрессе (Johann Michael Andresse, 1724–1801), который родился в Польше, но еще в молодости перебрался в Пруссию (через Вроцлав) и поселился во французской кальвинистской колонии в Берлине, где была полная свобода вероисповедания и отсутствовали притеснения по национальному и религиозному признакам. Согласно источникам, его настоящее имя, фамилия и национальность неизвестны – по прибытии в Пруссию он назвался по прозванию Енджеевским (Jędrzejewski), однако никаких подтверждающих документов обнаружено не было. Бóльшую часть своей жизни в Берлине он занимался мелким ремеслом, лавочной торговлей и состоял помощником у организатора лотереи, в зрелом возрасте крестился по католическому обряду и похоронен был на католическом кладбище Hedwigskirchhof (церкви Святой Ядвиги) [35].

В 1754 г. Иоганн Михаэль Андрессе женился на Софии Августе Вомерат (Sophie Auguste Womerath, 1723–1802), которая тоже происходила из семьи переселенцев из Польши. Их настоящая фамилия – Вонерец (Woneretz) [36], и занимались они также мелким ремеслом и торговлей. В этом браке родился их единственный сын Иоганн Генрих Михаэль Андрессе.

Вся остальная его биография – это ничем не подтвержденные рассказы его жены, сына и внуков, которые они излагали в документах о своем происхождении и семейном положении.

В некрологе, опубликованном его невесткой и внуками после смерти его сына Иоганна Генриха Михаэля Андрессе в 1824 г., приводилась красивая семейная легенда о том, что «дед Иоганна Генриха, польский дворянин Михаил Енджеевский, из-за притеснений со стороны одного знатного вельможи лишился своих владений и отправился к своему другу графу К. Тот принял его дружелюбно, взял старшего сына деда к себе пажом,

а самому деду пообещал возможность управлять несколькими имениями. Однажды оба друга во время доверительной беседы поссорились из-за незначительного вопроса и так сильно повздорили, что граф К. схватил попавшееся под руку оружие и смертельно ранил своего друга. Через несколько часов тот испустил дух. Как сильно ни сожалел граф о своей вспыльчивости и как ни старался загладить вину перед сыном друга и ни был готов возместить причиненную несправедливость, но все же Иоганн Михаэль не мог заставить себя остаться в доме своего прежнего благодетеля. К тому моменту король Фридрих II только что занял Силезию. Желание Иоганна Михаэля познакомиться с героем того времени сперва привело его в Бреслау – ко времени принесения присяги в 1741 г. Без средств и знакомств ему было трудно добиться продвижения, пока, наконец, его познания в музыке не открыли ему доступ в несколько уважаемых семей. Ему посоветовали попытать счастья в Берлине, давая уроки польского, французского языка и музыки. Рекомендации помогли ему, и вскоре он благодаря урокам музыки, которые он давал также супруге Фридриха II и нескольким принцессам, оказался в положении, которое можно было назвать высоким» [37].

Легенда из некролога – очень интересная, но не подтверждена никакими источниками или документами. Благодаря тому что ее несколько раз публиковали без перепроверки в различной литературе и даже повторили в «Википедии», многими неопытными исследователями она стала восприниматься как установленный факт. Однако при более тщательной проверке нами не было обнаружено ни одного подтверждения изложенных в ней сведений. О каких-то независимых источниках, ее подтверждающих, не приходится и говорить.

Более того, мы достоверно установили, что свидетельств дворянского происхождения Иоганна Михаэля Андрессе нет, в немецких дворянских матрикулах он не записан, в гербовниках и дворянских родословных книгах Польши, Силезии и Пруссии не упоминается. С королевской семьей он никогда не встречался, уроков музыки не давал ни жене прусского короля Елизавете Кристине Брауншвейгской, ни каким-либо принцессам [38].

Подложность биографии прадеда по материнской линии Б.В. Кене была очевидна еще его современникам, многие немецкие коллеги известного генеалога и геральдиста подозревали, что вся эта семейная легенда была придумана предками Кене для «исправления» своей родословной, а в действительности И.М. Енджеевский (Андрессе) и его жена С.А. Вонерец (Вомерат) происходили из семей польских евреев, переселившихся в Пруссию в поисках лучшей жизни, поменявших фамилии, крестившихся и ассимилировавшихся.

Прадед и прабабушка Б.В. Кене прекрасно понимали, что с таким происхождением о хорошей немецкой карьере для их сына

можно было и не мечтать, а вот продвигаться через французские органы самоуправления и соседей-кальвинистов было намного реальнее.

Именно поэтому их единственный сын, дед Б.В. Кене – Иоганн Генрих Михаэль Андрессе (Johann Heinrich Michael Andresse, 1756–1824) – был отдан родителями во французскую гимназию в Берлине и воспитывался в протестантском окружении жителей кальвинисткой колонии. С 1774 по 1777 г. он изучал право и нотариат в Университете Галле, одновременно подрабатывая домашним учителем в богатых семьях [39]. В 1779 г. Иоганн Генрих Михаэль Андрессе получил должность адвоката при Главном суде французской колонии в Берлине; в 1780 г. сдал экзамен на нотариуса; а в сентябре 1780 г. перешел на должность судьи Главного суда французской колонии в Магдебурге. С 4 августа 1784 г. – судья Главного суда французской колонии в Берлине, а с 1800 г. – еще и инспектор французских фабрик в Берлине. После упразднения Главного суда французской колонии в 1811 г. перешел на службу в Берлинский городской суд; в 1821 г. возглавил Гражданскую коллегию Берлинского городского суда [40].

В ноябре 1781 г. в Магдебурге судья Иоганн Генрих Михаэль Андрессе женился на дочери магдебургского купца Вильгельмине Шарлотте Сюзанне (Шушанне) Шартов (Wilhelmine Charlotte Susanne Schartow, 1761–1838), происходившей из семьи польских переселенцев из Померании [41]. Они состояли в близком родстве с известным еврейским ростовщиком и торговцем Хаимом Хаазе.

В браке Иоганна Генриха Михаэля Андрессе и Шушанны Шартов родились двое сыновей и три дочери. Младшая дочь – София Шарлотта Андрессе (Sophie Charlotte Andresse, 1792–1878), названная в честь бабушки и матери, стала женой Карла Бернгарда Вильгельма Кене и матерью Бориса Васильевича Кене.

По отцовской линии прадедом Б.В. Кене был Якоб Фридрих Кене (Jakob Friedrich Koehne), уроженец померанского города Старгард, на тот момент – города с самым большим еврейским населением в регионе. 27 мая 1719 г. он получил диплом Франкфуртского университета [42] и занимался юридической практикой. С 28 апреля 1727 г. изучал право в Университете Галле, после чего получил звание государственного адвоката [43]. В личном архиве прусского юриста и дипломата Иоганна Карла Конрада Эльрихса, хранящемся сейчас в Государственной библиотеке Германии, есть информация о деловой переписке Якоба Фридриха Кене с юристами Померании, Силезии и Курляндии [44]. О его жизни и деятельности в источниках сохранилось не так много информации, но доподлинно известно, что Якоб Фридрих Кене был женат на Анне Софии Мейер (Anna Sophie Meyer aus Belgard), дочери крестившихся польских евреев из поморского Бялогарда.

Их сын, Бернгард Людвиг Фридрих Кене (Bernhard Ludwig Friedrich Kohne, 1735–1800 гг.), дед Б.В. Кене, родился в том же померанском городе Старгард. Обучался в Старгардской городской гимназии. 25 апреля 1755 г. окончил юридический факультет Франкфуртского университета [45]. Службу начинал в 1757 г. надворным советником [46], позднее стал судебным регистратором и консисториальным советником в Кеслине [47]. В феврале 1765 г., после сдачи квалификационного экзамена, был утвержден в должности государственного советника Верховного суда Штеттина [48]. 11 июня 1772 г. Бернгард Людвиг Фридрих Кене женился на Шарлотте Генриетте Элизабет Ольденбрух (Charlotte Henriette Elisabeth Oldenbruch, 1748–1838) из семьи прихожан евангелической церкви Пресвятой Девы Марии.

Отец Б.В. Кене – Карл Бернгард Вильгельм Кене (Carl Bernhard Wilhelm Koehne, 1789–1860) – берлинский чиновник, генеалог и нумизмат [49]. Родился в Кеслине, окончил Иоахимстальскую гимназию в Берлине и сдал экзамены на аттестат зрелости (Maturus). 21 ноября 1807 г. получил диплом юридического факультета Франкфуртского университета [50]. В 1838–1859 гг. служил в Тайном государственном архиве в Берлине, с 1843 г. – государственный архивариус, с 1854 г. – тайный государственный архивариус. Его старший брат Генрих Филипп Фридрих Кене (Heinrich Philipp Friedrich Kohne, 1773–1857) остался в Кеслине и после смерти их отца занял его должность государственного советника Верховного суда Штеттина [51]. В 1827 г. получил чин тайного судебного советника [52].

24 марта 1816 г. Карл Бернгард Вильгельм Кене женился на Софии Шарлотте Андрессе (Henriette Sophie Charlotte Andresse, 1792–1878) [53]. В браке родилось пятеро детей: 4 июля 1817 г. – Бернгард Карл (будущий управляющий Гербовым отделением Борис Васильевич Кене), 11 октября 1818 г. – Бернгард Максимилиан, 9 августа 1820 г. – Бернгард Генрих Вильгельм, 6 января 1823 г. – Бернгардина Шарлотта, 2 сентября 1826 г. – Бернгард Адальберт.

Нельзя не затронуть и семейное положение Бориса Васильевича Кене, так как в отечественной и зарубежной историографии наблюдается путаница в информации о его жене и детях [54]. Формулярный список о службе Б.В. Кене, составленный 31 августа 1865 г., содержит следующие данные: «Женат первым браком на Розалии Богумиловой, у них дети: сын Флориан Бернард, род. 1846 апреля 27, и дочь Александра, род. 1851 мая 31» [55]. В заверенной копии свидетельства о рождении и крещении Флорана Жака Вильгельма Бернарда Кене, выданной 25 сентября 1859 г. Французской реформатской церковью в Санкт-Петербурге, указано, что он «сын Коллежского Асессора Доктора Философии Бернарда Кене и его жены Августы Александрины Розалии Жанеты, урожденной Гейсман-Винклер, родился 27 Апреля / 9 Мая 1846 г. и крещен 20 Июня / 2 Июля того же

года» [56]. А восприемниками и свидетелями были в том числе начальник 1-го Отделения Императорского Эрмитажа Флоран де Жиль, а также «Главный Архивариус Е.В. Короля Прусского кавалер Карл Бернард Вильгельм Кене и член Королевской Палаты Юстиции в Берлине Максимилиан Кене» [57].

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. СПб. 1857. Т. XXXII. № 31 720.
2. Там же. Собр. 3. СПб. 1882. Т. II. № 1035.
3. ВИЛИНБАХОВ Г.В. Государственный герб России: 500 лет. СПб. 1997; ПЧЕЛОВ Е.В. Барон Б.В. Кене: штрихи к портрету. — Гербовед. 2004. № 9 (75), с. 78–87; ЕГО ЖЕ. Создатель герба Российской империи (барон Б.В. Кене: штрихи к портрету). В кн.: ЕГО ЖЕ. Российский государственный герб: Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М. 2005, с. 80–87; СПАССКИЙ И.Г. Нумизматика в Эрмитаже. В кн.: Нумизматика и эпиграфика. Вып. 8. М. 1970, с. 152–154; ЛАВРЕНОВ В.И. «Дело» о тверских гербах и Б.В. Кене. В кн.: Биография как вид исторического исследования. Тверь. 1993, с. 122–137; ПЛОТНИКОВ С.Л. Кене Б.В., барон…, управляющий Гербовым отделением Департамента Герольдии Сената, археолог, нумизмат, геральдик. В кн.: Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. М. 2002, с. 313–314; ПРОКОПЬЕВ С.М., ФАХРУТДИНОВА Д. Барон Б.В. Кене и его геральдические реформы. — Вестник Московского государственного университета печати. 2016. № 2, с. 47–51; АКСЕНОВ А.А. Некоторые размышления о корпусе первоисточников российской территориальной геральдики 1767–1917 гг. В кн.: Труды Государственного Эрмитажа. Т. 115: Геральдика: Исследования и практика: М-лы науч. конф. (г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 18–20 февраля 2021 г.). СПб. 2022, с. 62–89.
4. Российский государственный архив (РГИА), ф. 469, оп. 7, д. 27, л. 1–2.
5. Там же, л. 3.
6. Там же, л. 4–4об.
7. Там же, л. 5.
8. Там же, ф. 1343, оп. 23, д. 2815, л. 1–1об.
9. Там же, л. 2–3об.
10. Там же, л. 12.
11. Там же, л. 23–23об.
12. Там же, оп. 49, д. 2071, л. 2–2об.
13. Там же, л. 1–1об.
14. Там же, л. 5–5об.
15. Там же, л. 6–6об.
16. Там же, л. 6об.
17. Там же, л. 7.
18. Там же, л. 8.
19. Там же, л. 3.
20. Там же, оп. 49, д. 2071, л. 4.
21. Там же, л. 8.
22. Там же, ф. 1411, оп. 1, д. 102, л. 40.
23. Там же, ф. 1343, оп. 23, д. 2815, л. 20–21об.
24. DURAND A. Medailles et jetons des numismates. Geneve. 1865, pl. 7, no. 4.
25. Ibid., p. 97.
26. Siebmachers grosses und allgemeines Wappenbuch: in einer neuen, vollst. geordneten und reich vermehrten Auflage mit heraldischen und historisch-genealogischen Erläuterungen. Bd. 1, 2: Die Wappen der außerdeutschen Souveraine und Staaten. Nürnberg. 1870.
27. Österreichisches Staatsarchiv. AT-OeStA/AVA Adel RAA 227.28.
28. Перевод блазона: «Щит пересечен; нижнее поле шесть раз волнообразно пересечено серебром и лазурью; верхнее лазуревое поле – выходящий золотой лев с золотым цепом [в лапах]».
29. WEICHBRODT D. Patrizier, Bürger, Einwohner der Freien und Hansestadt Danzig in Stamm- und Namentafeln vom 14.–18. Jahrhundert. Klausdorf-Schwentine. 1986–1992. Bd. I, S. 282.
30. ZDRENKA J. Urzędnicy miejscy Gdańska w latach 1342–1792 i 1807–1814. T. II. Gdańsk. 2008, s. 167.

31. KNOD G.C. Deutsche Studenten in Bologna (1289–1562) / Biographischer Index zu den Acta nationis germanicae Universitatis bononienses. Berlin. 1899, S. 226.
32. Księga wpisów uczniów Gimnazjum Gdańskiego 1580–1814 / Wyd.: Z. Nowak, P. Szafran. Warszawa—Poznań. 1974, s. 46.
33. Hugo Grotius, Epistolæ ad Israelem Jaski. Danzig. 1670.
34. Księga przyjęć do prawa miejskiego w Gdańsku 1536–1814 / Wyd.: A. Groth, E. Łączyńska-Bartoszek, D. Kaczor. Gdańsk. 2019. T. VI, s. 337, 423.
35. BÉRINGUIER R. Die Stammbäume der Mitglieder der französischen Colonie in Berlin. Berlin. 1887, S. 90.
36. STRAUBEL R. Biographisches Handbuch der preussischen Verwaltungs- und Justizbeamten 1740–1806 / 15. München. 2009, S. 11.
37. Neuer Nekrolog der Deutschen, 2. Jahrgang, 1824, 2. Heft. Ilmenau. 1826, S. 1194–1195.
38. TRUNZ H. Königin Elisabeth: Die Welfin an der Seite Friedrichs II. Erfurt. 2011.
39. STRAUBEL R. Op. cit., S. 11.
40. Neuer Nekrolog …, S. 1195–1197.
41. Brandenburgisches Landeshauptarchiv. Bd. 4A Kurmärkisches Kammergericht (1544645). Ar. sig.: 4A Testamente 77 (507423).
42. Publicationen aus den K. Preußischen Staatsarchiven: Aeltere Universitäts-Matrikeln. I. Universität Frankfurt a. O. Zweiter. Bd. 2: 1649–1811. Leipzig. 1888, S. 305.
43. STRAUBEL R. Op. cit., S. 509.
44. DÖHN H. Der Nachlaß Johann Karl Konrad Oelrichs. In: Deutsche Staatsbibliothek: Handschrifteninventare der Deutschen Staatsbibliothek. V. 15. Berlin. 1990, S. 141.
45. Publicationen aus den K. Preußischen Staatsarchiven: Aeltere Universitäts-Matrikeln…, S. 389.
46. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. I. Hauptabteilung. Rep. 30. No. 49.
47. Archiv für Sippenforschung und alle verwandten Gebiete. T. 45–46. V. 73–80. Berlin. 1979, S. 528.
48. STRAUBEL R. Op. cit., S. 509.
49. LEESCH W. Die deutschen Archivare 1500–1945. Bd. 2. München—NY. 1992, S. 324–325.
50. Publicationen aus den K. Preußischen Staatsarchiven: Aeltere Universitäts-Matrikeln…, S. 656.
51. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. I. Hauptabteilung. Rep. 96 B. No. 107.
52. STRAUBEL R. Op. cit., S. 509.
53. Archiv der Oberpfarr- und Domkirche zu Berlin. Bd. 13: Amtshandlungsregister. Archiv-Sign.: 260. Kirchenbuch. 1816, S. 114.
54. STOESS C., TSCHERNYSCHOW K. Von Berlin nach Sankt Petersburg: Der Numismatiker, Gesellschaftsgründer und Wissenschaftsorganisator Bernhard (von) Koehne (1817–1886). In: Die Numismatische Gesellschaft zu Berlin: Geschichte, Fundus, Dokumente. Berlin. 2018, S. 10.
55. РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 2815, л. 14.
56. Там же, л. 9.
57. Там же.

УДК 94(430)«1933/1969»:61
DOI: 10.31166/
VoprosyIstorii202609Statyi04
Статья поступила в редакцию 21.07.2026
Статья принята в печать 11.08.2026

Между «народным здоровьем» и корпоративным молчанием: немецкие врачи в 1933 – 1960-е гг.

С.В. Аристов

Аннотация. В статье рассмотрены механизмы включения немецкого медицинского сообщества в расовую политику и практику массового насилия национал-социалистического режима, а также условия послевоенной реинтеграции скомпрометированных врачей в ФРГ. Показано, что участие медиков в принудительной стерилизации, программе убийства пациентов, лагерных селекциях и экспериментах стало следствием не только политического давления, но и совпадения идеологических установок режима с корпоративными интересами, карьерными стратегиями и претензиями врачей на экспертную автономию. Нюрнбергский процесс над врачами обозначил правовой и этический разрыв с нацистской медициной, однако не привел к системному пересмотру кадрового состава и профессиональной идентичности западногерманской медицины. Реинтеграции способствовали дефицит специалистов, политика амнистии, взаимная поддержка коллег и перевод вопроса о структурном соучастии в плоскость индивидуальной уголовной вины. Таким образом, преемственность медицинских институтов после 1945 г. обеспечивалась разделением между публично осужденной группой преступников и «нормальным» профессиональным большинством, хотя граница между ними была значительно менее определенной.

Ключевые слова: Третий рейх, медицина, врачи, расовая дискриминация, «акция Т-4», медицинские эксперименты, Нюрнбергский процесс, денацификация, ФРГ, историческая память.

Аристов Станислав Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и культурологии НИУ «МЭИ».
E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com.

Between “public health” and corporate silence: German doctors in the 1933 – 1960s

S.V. Aristov

Abstract. The article examines the mechanisms of inclusion of the German medical community in the racial policy and practice of mass violence of the National Socialist regime, as well as the conditions of the post-war reintegration of compromised doctors in the FRG. The study shows that the participation of doctors in forced sterilization, the program of killing patients, camp selections and experiments was the result not only of political pressure, but also of the coincidence of the ideological attitudes of the regime with corporate interests, career strategies and doctors’ claims to expert autonomy. The Nuremberg Doctors’ Trial marked a legal and ethical break with Nazi medicine, yet it did not lead to the systematic reassessment of the personnel or professional identity of West German medicine. Reintegration was facilitated by a shortage of specialists, amnesty policies, mutual support among colleagues, and the shifting of the question of structural complicity to the realm of individual criminal guilt. Thus, the continuity of medical institutions after 1945 was ensured by the division between a publicly condemned group of criminals and the “normal” professional majority, although the boundary between them was considerably less defined.

Key words: Third Reich, medicine, physicians, racial discrimination, Aktion T-4, human experimentation, Nuremberg Doctors’ Trial, denazification, FRG, historical memory.

Aristov Stanislav V. – PhD (History), the head of the department of History and Cultural Studies of the National Research University “MPEI”.
E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com.

История немецкой медицины в годы национал-социализма долгое время описывалась преимущественно как история злоупотребления наукой. Ученые показывали модель, в которой политическая диктатура будто бы подчинила профессиональное сообщество и заставила некоторых беспринципных врачей пренебречь профессиональной этикой. Такая схема позволяла сохранить представление о медицине как автономной и гуманной в своей основе сфере, пострадавшей от вмешательства государства. Исследования последних десятилетий существенно изменили постановку проблемы. Так, в центре внимания оказались не только лагерные врачи и организаторы убийств, но и университеты, научные институты, профессиональные объединения и органы здравоохранения. Нацистская расовая политика рассматривалась уже не как внешнее вторжение в медицину, а как результат взаимодействия партийно-государственных структур со значительной частью научного и врачебного сообщества [1].

Однако предлагаемый подход не означает перенесения коллективной вины на всех немецких врачей. В медицинской среде существовали противники национал-социализма, уволенные и преследовавшиеся специалисты, а также люди, пытавшиеся уклониться от выполнения преступных распоряжений. Вместе с тем объяснение произошедшего действиями небольшой группы фанатиков не соответствует ни масштабам участия, ни устройству созданной системы. Цель статьи – проследить единую институциональную траекторию превращения врачебной экспертизы в средство исключения и убийства, последующую юридическую индивидуализацию ответственности и восстановление профессиональной преемственности в ФРГ. Источниковую базу анализа составляют материалы Нюрнбергского процесса над врачами, законодательные и административные документы, послевоенные судебные материалы и исследования профессиональных корпораций. Научная новизна заключается в сопоставлении двух обычно разделяемых процессов – участия врачей в нацистском насилии и их реинтеграции после 1945 г. – через категорию профессиональной автономии.

К 1933 г. немецкая медицина обладала высоким международным авторитетом. Университетские клиники и исследовательские институты Германии занимали ведущие позиции в бактериологии, фармакологии, психиатрии и неврологии. Одновременно в медицинской науке утвердилось представление о здоровье как характеристике не только отдельного человека, но и населения в целом. Евгеника и расовая гигиена предлагали управлять «качеством» будущих поколений при помощи брачной политики и стерилизации. Эти идеи существовали и за пределами Германии, однако национал-социализм придал им обязательную государственную форму и связал с расистской и антисемитской программой. Значительная часть специалистов восприняла новый режим как возможность реализовать проекты, которые в условиях Веймарской республики оставались предметом дискуссий [2].

Степень политической мобилизации врачей была необычайно высокой. К 1939 г. около 45 % немецких врачей состояли в НСДАП; среди мужчин доля членов партии достигала примерно половины. Около 26 % врачей-мужчин прошли через СА, 7 % – через СС.

Для сравнения: доля членов НСДАП среди юристов оценивалась примерно в 25 %, среди учителей – в 24 %, тогда как среди населения в целом она не превышала 9 %. Эти показатели не позволяют автоматически судить о мотивах каждого вступившего, но фиксируют особую привлекательность режима для профессиональной группы. Врачи рассчитывали на устранение конкурентов, централизацию медицинского управления, расширение государственного финансирования и усиление экспертной власти. Политическая лояльность открывала карьерные возможности, а профессиональный статус обеспечивал быстрый рост внутри партийных организаций [3].

«Унификация» медицины не была односторонним подчинением корпорации. Созданная в 1936 г. Имперская врачебная палата завершила централизацию профессии, к которой часть медицинских руководителей стремилась еще до прихода нацистов к власти. Новый порядок ограничивал конкуренцию, укреплял положение признанных специалистов и превращал врача в уполномоченного представителя государства. Параллельно с этим менялось содержание профессионального долга. Место конкретного пациента занимало «народное тело», а лечение отдельного человека подчинялось задаче сохранения наследственного здоровья нации. В этом переходе от индивидуальной к популяционной этике заключалось принципиальное условие последующего насилия – врач мог считать исключение пациента из системы помощи проявлением ответственности перед более крупным коллективом.

Корпоративная выгода имела и прямое репрессивное измерение. Еврейских врачей постепенно лишали должностей, права работать в страховой медицине и, наконец, лицензий. Их вытеснение освобождало вакансии, частную практику и академические позиции. Антисемитизм соединялся здесь с материальными интересами и конкуренцией на медицинском рынке. Профессиональные организации не просто исполняли государственные решения, но и участвовали в составлении списков, перераспределении пациентов и контроле допуска к практике. Поэтому «ариизация» медицины стала важным этапом превращения врачебной корпорации в политически и расово определенное сообщество [4].

Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями от 14 июля 1933 г. предоставил медицинской экспертизе непосредственную принудительную функцию. Наследственные суды, состоявшие из судьи и двух врачей, принимали решение о стерилизации лиц, которым приписывали врожденное слабоумие, шизофрению, эпилепсию, наследственную слепоту или глухоту, тяжелые физические пороки и хронический алкоголизм. В 1934–1936 гг. были поданы сотни тысяч заявлений, а общее количество принудительно стерилизованных в годы режима оценивается примерно в 360–400 тыс. чел. Юридическая процедура придавала насилию видимость законности, но ее содержание определялось диагнозом, сформулированным специалистами. Врач становился тем, кто переводил социальную оценку человека на язык наследственной патологии [5].

Практика стерилизации выработала несколько механизмов, позднее использованных в программах массовых убийств. Во-первых, решение распределялось между лечащим врачом, чиновником и судом, вследствие чего каждый участник мог считать собственную роль формальностью. Во-вторых, диагностический формуляр заменял личное обследование и превращал человеческую биографию в набор диагностических рубрик. В-третьих, экономический расчет – стоимость содержания пациента, его трудоспособность и предполагаемая «полезность» – становился допустимой частью медицинского заключения. Наконец, сама профессия получила право определять пределы полноценной жизни. В этих условиях переход от запрета на рождение к лишению жизни не был неизбежным, однако административная и интеллектуальная инфраструктура для него уже существовала.

Начало войны радикализировало эту логику. Подписанное Гитлером в октябре 1939 г. и датированное 1 сентября разрешение уполномочивало К. Брандта и руководителя канцелярии фюрера Ф. Боулера расширить полномочия специально отобранных врачей, чтобы предоставлять «смерть из милосердия» признанным неизлечимыми пациентам. Эвфемистическая формула скрывала принципиальное отличие программы от медицинской помощи умирающим, так как жертвами становились люди, которые могли жить долгие годы, а основанием для их убийства служили инвалидность, психическое расстройство, происхождение, длительность пребывания в лечебном учреждении и неспособность к производительному труду. Организация, впоследствии получившая название «Т-4» по адресу Тиргартенштрассе, 4, действовала через сеть фиктивных медицинских и благотворительных учреждений [6].

Особое место в этой программе занимало убийство детей с врожденными заболеваниями и инвалидностью. С 1939 г. врачи и акушерки должны были сообщать о таких случаях в Имперский комитет по научной регистрации тяжелых наследственных и врожденных заболеваний. Решения принимала небольшая группа экспертов, в которую входили В. Катель, Э. Венцлер и Г. Хайнце. Детей направляли в специальные отделения, где их убивали путем передозировки лекарственных препаратов или систематического недокармливания. При этом медицинские карты и свидетельства о смерти маскировали причину гибели [7].

При отборе для эвтаназии взрослых пациентов психиатрические больницы и дома ухода заполняли анкеты, содержавшие сведения о диагнозе, продолжительности пребывания, трудоспособности и посещениях родственниками. Эксперты, как правило, не видели пациента и отмечали решение условным знаком. Сложная профессиональная процедура редуцировалась, огромный объем анкет исключал тщательную клиническую оценку, а старшие эксперты физически не могли перепроверить решения младших. Подобная форма экспертизы позволяла участникам воспринимать смертный приговор как административное заключение, а не как личный акт убийства [8].

В 1940–1941 гг. действовали шесть основных центров уничтожения: Бранденбург, Графенек, Хартхайм, Зонненштайн, Бернбург и Хадамар. Их устройство воспроизводило логику медицинского

учреждения. Жертвы проходили этапы приема: осмотр, фотографирование, регистрация смерти. Газовые камеры маскировались под душевые. Угарный газ подавался из баллонов, а врачи наблюдали за процессом и отмечали факты смерти. Сотрудники канцелярии «Т-4» зафиксировали 70 273 убитых в этих центрах до августа 1941 г., хотя послевоенные следователи допускают более высокие показатели. При этом поддельные свидетельства, измененные даты и места смерти, а также письма родственникам создавали бюрократическую систему сокрытия убийств [9].

Руководители и исполнители программы представляли разные уровни медицинской и административной иерархии. Так, К. Брандт связывал программу с высшим политическим руководством, В. Хайде и П. Нитше возглавляли медицинское бюро «Т-4», десятки профессоров и практикующих врачей выступали экспертами, молодые медики руководили центрами уничтожения. Их мотивы нельзя унифицировать: у одних преобладала идеологическая убежденность, у других – карьерный расчет, исследовательский интерес, подчинение авторитету или стремление войти в число известных профессоров. Однако общим для всех было то, что нацистская система преобразовывала разные мотивы в единый результат и вознаграждала готовность действовать в пределах отведенной профессиональной функции [10].

Формальное прекращение централизованных убийств в августе 1941 г. не завершило программу. В больницах продолжалась так называемая децентрализованная «эвтаназия» посредством голода и передозировки медикаментами. Параллельно сотрудничество «Т-4» с Главным управлением СС расширилось, захватывая концентрационные лагеря. В рамках операции “14f13” прибывавшие в лагеря врачебные комиссии отбирали больных и утративших трудоспособность узников, которых затем отправляли в газовые камеры «Т-4». Скорость отбора показывала фиктивность медицинского обследования. Так, в Бухенвальде два эксперта осмотрели 873 заключенных за пять дней. Анкета и формальный диагноз вновь служили способом придать убийству характер профессионально санкционированной процедуры [11].

Опыт «Т-4» имел значение и для последующего уничтожения европейских евреев. Эту взаимосвязь не следует понимать как простое механическое перенесение одной программы на другую. Идея об «окончательном решении» принималась политическим руководством и реализовывалась структурами СС и полиции. Однако «Т-4» предоставила готовые кадры, знания о применении газа, практику маскировки и организационную модель центра уничтожения. Сотрудники программы были направлены в Белжец, Собибор и Треблинку, а К. Вирт (бывший генеральный инспектор институтов эвтаназии) стал инспектором лагерей операции «Рейнхард» [12].

Лагерная медицина расширила пространство врачебной власти. Врачи СС проводили селекции, определяя пригодность узников к труду и направляя остальных на смерть, контролировали санитарное состояние лагеря в интересах эксплуатации рабочей силы, участвовали в казнях и выдавали ложные свидетельства о смерти. Медицинская помощь заключенным оставалась подчиненной режиму содержания и производственным задачам. Врач

одновременно мог лечить охранника, возвращать работоспособность узнику и отбирать другого узника для газовой камеры. Такое совмещение функций разрушало удобное послевоенное противопоставление «настоящей медицины» преступлениям, так как лечебные навыки и убийство сосуществовали внутри одной институциональной роли.

Эксперименты на людях также не являлись исключительно частной инициативой лагерных врачей. Исследования переохлаждения, высотных воздействий, инфекционных болезней, эффективности сульфаниламидов, регенерации костной ткани и методов массовой стерилизации проводились при участии военных ведомств, СС, университетских клиник и научных институтов. К. Гебхардт использовал узниц Равенсбрюка в опытах с инфицированными ранами, К. Клауберг и Х. Шуман испытывали в Аушвице способы стерилизации, Й. Менгеле направлял материалы О. фон Фершуеру в Институт антропологии, наследственности человека и евгеники Общества кайзера Вильгельма. Наличие протоколов и научных связей не делало эти опыты медицинской наукой в нормативном смысле, но показывало, что преступная практика была встроена в систему развития науки [13].

После капитуляции Германии первым наиболее важным актом правосудия в отношении нацистских врачей стал процесс США против К. Брандта и др., проходивший в Нюрнберге с декабря 1946 по август 1947 г. Перед судом предстали 23 врача и администратора. Семеро подсудимых были оправданы, семеро приговорены к смертной казни, остальные – к различным срокам заключения, включая пожизненное. Материалы обвинения продемонстрировали ведомственный характер экспериментов и программ убийства. Сформулированные в приговоре 10 принципов допустимого исследования, известные как Нюрнбергский кодекс, закрепили добровольное согласие испытуемого, необходимость научного обоснования, соразмерность риска и право человека прекратить участие в эксперименте [14].

Значение процесса было велико, но его институциональные пределы обнаружились очень быстро. На скамье подсудимых находилась небольшая группа, отобранная по наличию доказательств и положению в структурах нацистского режима. Судебная логика требовала установить индивидуальный умысел и конкретное деяние; она значительно хуже подходила для оценки рядового эксперта, подписывавшего анкеты, профессора, получавшего органы погибших. В результате публичный образ «нацистского врача» был связан с несколькими казненными преступниками и лицами, проводившими эксперименты в концлагерях, тогда как более широкая профессиональная среда получила возможность представить себя обманутой или принужденной режимом.

Такое сужение ответственности имело еще одно последствие: оно закрепляло представление, будто преступление начиналось только там, где врач собственноручно вводил смертельный препарат, открывал газовый вентиль или проводил опыт над заключенным. За пределами этого оставались производство диагностических категорий, экспертное одобрение, распределение исследовательских

заказов, использование останков убитых и молчаливое признание результатов коллегами. Уголовное право закономерно индивидуализировало вину, но исторический анализ должен восстанавливать всю цепь решений. Это не отменяет различий между инициатором, непосредственным убийцей и приспосабливавшимся сотрудником. Напротив, оно позволяет точнее определить меру ответственности каждого, не превращая отсутствие судебного приговора в доказательство профессиональной непричастности.

В первые послевоенные годы союзническая денацификация создавала возможность для дальнейших судебных разбирательств в отношении нацистских врачей, однако с образованием ФРГ приоритеты западногерманской политики изменились. Масштаб вовлеченности населения, потребность в управленческих и профессиональных кадрах, начало «холодной войны» и стремление к политической стабилизации способствовали переходу от наказания к интеграции. Законы об амнистии 1949 и 1954 гг., свертывание денацификации и восстановление прав уволенных служащих формировали общий контекст, в котором профессиональная пригодность все чаще перевешивала вопрос о политическом прошлом [16]. В здравоохранении этот аргумент обладал особой силой, так как эпидемиологические угрозы и нехватка специалистов позволяли представить возвращение опытного врача общественной необходимостью.

Однако дефицит кадров объясняет лишь часть процесса, так как в первую очередь реинтеграция нацистских врачей осуществлялась через профессиональные сети. Бывшие коллеги выдавали характеристики, свидетельствовали об «аполитичности» друг друга и отделяли научную квалификацию от политической биографии. Процедуры денацификации зависели от анкет и рекомендательных писем, которые могли формально уменьшить степень участия в организациях Третьего рейха. Университеты и клиники возвращали специалистов, ориентируясь на довоенную репутацию и связи. Тем самым медицинская корпорация получила возможность самостоятельно устанавливать границу между преступником и коллегой. Эта граница проходила преимущественно по линии судебного приговора, а не по линии участия в системе расовой селекции.

Показателен случай К. Клауберга. За эксперименты по стерилизации узниц Аушвица он был осужден в СССР, но в 1955 г. освобожден в рамках возвращения немецких военнопленных и осужденных. В ФРГ Клауберг не скрывал научных притязаний и говорил о ценности разработанного метода. Его арест последовал после протестов бывших узниц и общественного резонанса. До суда он не дожил, умерев в 1957 г. Этот эпизод обнаружил зависимость правосудия от публичного давления [17].

Иной вариант демонстрирует биография В. Хайде. Один из медицинских руководителей «Т-4» после войны жил под именем Ф. Заваде и с 1950 г. работал судебно-медицинским экспертом в Шлезвиг-Гольштейне. Его заключения использовали суды и социальные учреждения, ряд коллег и чиновников знали либо подозревали о его настоящей личности. Разоблачение в 1959 г. показало, что речь шла не только об удачной конспирации

отдельного беглеца, но и о среде, готовой принимать профессиональную компетентность без проверки биографии. Хайде сдался властям, однако судебный процесс не состоялся – в феврале 1964 г. он покончил с собой в тюрьме. Подготовка дела выявила сеть медицинских и административных связей, обеспечивавших его вторую карьеру [18].

Еще более важна открытая академическая реинтеграция. Педиатр В. Катель, участвовавший в экспертном отборе детей для убийства, в 1954 г. получил кафедру и возглавил детскую клинику Кильского университета. В начале 1960-х гг. его прошлое стало предметом публичного скандала, но спор не сводился к выяснению биографии. В книге 1962 г. Катель вновь обосновывал допустимость «ограниченной эвтаназии» детей с тяжелыми нарушениями и предлагал экспертную комиссию, поразительно напоминавшую механизм нацистской эпохи. Часть коллег выступила против, другие поддерживали его или защищали автономию профессии. Только продолжительное социальное давление привело к дистанцированию профессионального общества. Случай Кателя показал, что в ФРГ сохранялись не только кадры, но и отдельные элементы нацистской терминологии, при помощи которой врачи прежде претендовали на право решать вопрос о ценности жизни [19].

Корпоративное молчание не означало полного отсутствия знания о преступлениях врачей. Факты о «Программе Т-4», экспериментах и персональном составе экспертных комиссий были частично известны из судебных процессов, прессы и публикаций. Проблема заключалась в их локализации: преступления относили к закрытой эпохе диктатуры и к небольшой группе осужденных лиц. Биографии действующих профессоров излагались с пропусками, профессиональные юбилеи и некрологи закрепляли образ научной преемственности, а Нюрнбергский кодекс преподавался как универсальная норма без обязательного разговора о конкретных институтах, сделавших его необходимым. Даже анатомические и нейропатологические коллекции, сформированные из органов убитых, десятилетиями сохранялись в научном обороте [20].

Лишь в 1960-х гг. очередные судебные дела, журналистские расследования и смена поколений начали разрушать этот порядок. Разоблачение Хайде, спор вокруг Кателя и новые процессы показали несостоятельность тезиса о нескольких изолированных преступниках. Тем не менее профессиональная рефлексия развивалась медленно и неравномерно. Немецкие медицинские объединения гораздо позже признали масштаб добровольного участия врачей, а исследования истории отдельных университетов и институтов получили систематический характер лишь в последние десятилетия XX в. Между созданием этических норм и историческим признанием ответственности возник временной разрыв [21].

Таким образом, включение врачей в нацистскую систему массового насилия обеспечивало четыре взаимосвязанных механизма: расовая гигиена переводила политическое неравенство на язык биологии; государство расширяло полномочия эксперта и предоставляло ему необходимые ресурсы; бюрократическое

разделение труда снижало уровень личной ответственности; профессиональная корпорация нормализовала новые функции через назначения, публикации и взаимное признание. После 1945 г. те же свойства профессии – автономия, закрытость специального знания, коллегиальная солидарность и общественная незаменимость – содействовали возвращению многих участников в клиники, университеты и экспертные учреждения.

История немецких врачей в 1933 – 1960-е гг. показала, что экспертное знание само по себе не создает нравственных ограничений. Если ответственность перед отдельным человеком подменяется ответственностью перед абстрактным коллективом, а корпорация получает право самостоятельно определять пределы допустимого, профессиональная компетентность может стать не препятствием насилию, а условием для его реализации.

Примечания

1. NICOSIA F.R., HUENER J. Introduction: Nazi Medicine in Historiographical Context. In: Medicine and Medical Ethics in Nazi Germany: Origins, Practices, Legacies / Eds.: F.R. Nicosia, J. Huener. NY—Oxford. 2002, p. 1–12; PROCTOR R.N. Racial Hygiene: Medicine under the Nazis. Cambridge (Mass.)—London. 1988, p. 1–8.
2. PROCTOR R.N. Op. cit., p. 1–45, 64–94.
3. KATER M.H. Criminal Physicians in the Third Reich: Toward a Group Portrait. In: Medicine and Medical Ethics in Nazi Germany…, p. 77–82.
4. PROCTOR R.N. Op. cit., p. 131–176; KATER M.H. Doctors under Hitler. London. 1989, p. 177–221.
5. PROCTOR R.N. Op. cit., p. 95–117; FRIEDLANDER H. The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution. London. 1995, p. 23–38.
6. FRIEDLANDER H. Op. cit., p. 62–85.
7. Ibid., p. 39–61.
8. Ibid., p. 62–85.
9. Ibid., p. 86–110.
10. Ibid., p. 187–225; KATER M.H. Criminal Physicians in the Third Reich…, p. 82–88.
11. FRIEDLANDER H. Op. cit., p. 136–150.
12. Ibid., p. 284–302.
13. MITSCHERLICH A., MIELKE F. Doctors of Infamy: The Story of the Nazi Medical Crimes. NY. 1949, p. 4–89; FRIEDLANDER H. Physicians as Killers in Nazi Germany: Hadamar, Treblinka, and Auschwitz. In: Medicine and Medical Ethics in Nazi Germany…, p. 59–76.
14. MITSCHERLICH A., MIELKE F. Op. cit., p. 1–3, 146–148; Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law. Washington. 1949. Vol. 2. № 10, p. 181–182.
15. MITSCHERLICH A., MIELKE F. Op. cit., p. 9–29, 149–167; PROSS C. Breaking through the Postwar Coverup of Nazi Doctors in Germany. — Journal of Medical Ethics. 1991. Vol. 17. Suppl., p. 13–16.
16. FREI N. Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München. 1996, S. 39–102.
17. KLEE E. Auschwitz, die NS-Medizin und ihre Opfer. 3. Aufl. Frankfurt am Main. 1997, S. 135–142.
18. DANKER U. Geteilte Verstrickung: Der Fall Werner Heyde / Sawade und die Schleswig-Holsteinische Nachkriegsgesellschaft. — Demokratische Geschichte. 2021. Bd. 31, S. 322–329.
19. TOPP S. Shifting Cultures of Memory: The German Society of Pediatrics in Confrontation with Its Nazi Past. In: Silence, Scapegoats, Self-Reflection: The Shadow of Nazi Medical Crimes on Medicine and Bioethics / Eds.: V. Roelcke, S. Topp, E. Lepicard. Göttingen. 2014, p. 147–169.
20. SEIDELMAN W.E. Pathology of Memory: German Medical Science and the Crimes of the Third Reich. In: Medicine and Medical Ethics in Nazi Germany…, p. 93–111.
21. PROCTOR R.N. Op. cit., p. 298–314; ROELCKE V. The German Medical Association's Struggle with Its Medical "War" Past: 1945–2010. In: Silence, Scapegoats, Self-Reflection…, p. 227–263.

УДК 93/94
DOI: 10.31166/
VoprosyIstorii202609StatyiO5
Статья поступила в редакцию 29.07.2026
Статья принята в печать 17.08.2026

Владимир Григорьевич Шухов: портрет выдающейся личности и признанного инженера, изобретателя, ученого (дореволюционный период)

Ю.Б. Надточий

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося инженера-механика, ученого, разносторонне талантливого человека Владимира Григорьевича Шухова (1853–1939). Автором предпринята попытка воссоздать дореволюционный период жизни и деятельности этого всемирно известного изобретателя, чей вклад в различные области науки и практики трудно переоценить.

Ключевые слова: исторические портреты, инженеры, механика, изобретатели, Российская империя.

Надточий Юлия Борисовна – доцент кафедры стратегического и инновационного развития Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
E-mail: Yflnjxbq-7e@yandex.ru.

Vladimir Grigorievich Shukhov: portrait of the outstanding person and the recognized engineer, inventor, scientist (pre-revolutionary period)

Yu.B. Nadtochiy

Abstract. The article is dedicated to the memory of the outstanding inventor, mechanical engineer, scientist, and versatile man V.G. Shukhov (1853–1939). The relevance of this work is determined by an attempt to recreate the pre-revolutionary period of the life and work of this world-famous man, whose contribution to various fields of science and practice is difficult to overestimate.

Key words: historical portraits, engineers, mechanics, inventors, Russian Empire.

Nadtochiy Yulia B. – associate professor of the department of Strategic and Innovative Development at the Financial University under the Government of the Russian Federation.
E-mail: Yflnjxbq-7e@yandex.ru.

Различные открытия и изобретения (процессы, явления, конструкции, технологии и др.) всегда играли важную роль в развитии любой страны. Однако часто эти достижения рассматриваются отдельно от личности человека, который их создал. И это объяснимо, ведь с индивидуальными психологическими особенностями личности (чертами характера, интересами, способностями) сталкиваются окружающие люди (близкие, друзья, коллеги и др.). Но именно эти особенности и позволяют составить полноценный портрет человека, оказавшего влияние на развитие своей страны.

В настоящей статье предпринята попытка составить дореволюционный портрет В.Г. Шухова как личности, как инженера и ученого на основе изучения только дореволюционной историографии, что позволяет дополнить существующие о нем сведения и более досконально рассмотреть некоторые биографические данные. Ценность реконструкции личности и профессиональной деятельности выдающихся людей состоит в осмыслении различных исторических событий и аспектов, позволяющих выявить практическую пользу накопленного опыта и знаний для последующих поколений, глубже изучить архивные материалы, почувствовать свою принадлежность к существующему научному и культурному наследию, вдохновить и мотивировать себя на достижения в различных областях науки и профессиональной деятельности, определить специфику и актуальность проведения будущих исследований и пр. Полученные результаты могут стать базой для разработки разнообразных образовательных и просветительских проектов, способствуя актуализации, сохранению и дальнейшему развитию педагогических, исторических, культурных и научных возможностей современного общества.

28 августа 2026 г. исполнилось 173 года со дня рождения Владимира Григорьевича Шухова (1853–1939). Это не круглая дата, но с учетом того, что до сих пор его изобретения и достижения привлекают к себе внимание общественности и вызывают интерес, хочется еще раз прикоснуться к тому большому наследию, которое оставил нам этот выдающийся человек.

Для проведения исследования была подобрана источниковая база, охватывающая широкий спектр исторических материалов, таких как материалы архивов (Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД), Архив Российской академии наук (АРАН), Российский государственный исторический архив (РГИА), Главное архивное управление города Москвы (Главархив Москвы)), личные архивные материалы потомков, статьи, научные труды В.Г. Шухова и его современников, советские и постсоветские публикации, посвященные жизни и профессиональной деятельности Владимира Григорьевича. Основными источниками стали материалы дореволюционного периода.

Обработка полученной информации проводилась с использованием таких общенаучных методов, как анализ, синтез, обобщение, классификация и сравнение. Применялся также анализ сохранившихся документов (архивных материалов) как специфический метод исследования.

Также использовались следующие методы: ретроспективный – для изучения накопленных сведений с последующим определением причин тех или иных событий и интерпретацией полученных данных; историографический, который позволил провести историографический анализ источников и научных материалов; хронологический, способствующий упорядочиванию полученной информации, сопоставлению сведений из разных источников и выстраиванию изучаемых событий во времени.

С учетом используемых материалов и методов, а также в соответствии с поставленной целью исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе изучались только дореволюционные материалы: архивные документы, труды В.Г. Шухова, научные статьи, публикации о нем – и составлялся досоветский портрет, включающий его личностные особенности и характеристику профессиональной деятельности.

На втором этапе анализировались послереволюционные и постсоветские издания и переиздания трудов и публикации, посвященные жизни выдающегося инженера.

Третий этап был посвящен сопоставлению полученных данных путем анализа, синтеза, обобщения, классификации и сравнения дореволюционных материалов и сведений с известными сведениями о В.Г. Шухове, опубликованными в более поздние периоды вплоть до наших дней.

Однако в результатах исследования наиболее подробно описаны проведение первого этапа и данные, полученные в соответствии с поставленной целью статьи.

В настоящее время существует немало статей и архивных материалов (документов, записок, дневников, фотографий и пр.), опубликованных потомками В.Г. Шухова [1], благодаря чему накоплен и доступен для изучения большой объем исторических данных.

Большинство работ самого В.Г. Шухова было опубликовано и переиздано уже в советский период [2]. Основная масса публикаций, посвященных его деятельности, появилась уже после революции. Книги, статьи, очерки и другие материалы о жизни, инженерных находках, достижениях В.Г. Шухова были опубликованы уже в советское время [3]. В советских изданиях описываются не только его инженерные достижения, но и различные увлечения, говорящие о разносторонности этого выдающегося человека [4]. В «Большой советской энциклопедии» представлены малочисленные сведения о разработках и полученных патентах В.Г. Шухова до революции [5]. Широкое признание Шухов получил уже гораздо позже, поэтому дореволюционных изданий с описанием его жизни и интересов практически нет.

Воспоминаниям об известных людях Российской империи, их вкладу в развитие страны и общества, составлению исторических портретов, отражающих не только заслуги в научной деятельности, но и характеризующих их как личностей, посвящены разнообразные научные статьи.

В многочисленных современных публикациях [6] приведены материалы, в основном связанные с профессиональной деятельностью В.Г. Шухова. Изучается дореволюционное наследие Владимира Григорьевича и в связи с рассмотрением конкретных областей науки и промышленности, например исторической ретроспективы трубопроводных поставок нефти в Российской империи [7].

Много материалов об известных людях публикуется на личных интернет-страницах, сайтах библиотек, музеев, в современных журналах. Однако в подавляющем большинстве таких материалов (особенно публицистического жанра) используются не первоисточники, а более ранние публикации, посвященные обзору деятельности этих личностей (за исключением исторических научных журналов), поэтому они получаются достаточно схожими, а иногда и дублируют друг друга.

На сайте РГАНТД реализуются межархивные интернет-проекты, посвященные юбилеям В.Г. Шухова, например проект к 170-летию со дня рождения – «В авангарде инженерной мысли». Создана виртуальная выставка с архивными материалами «Люди науки: Владимир Григорьевич Шухов – почетный академик и выдающийся русский инженер», ч. 1 и 2 (АРАН).

Благодаря таким виртуальным выставкам можно познакомиться с уникальными и редкими документами. Так, сохранился дружеский шарж, изображающий Владимира Григорьевича великаном, исправляющим наклон башни минарета (АРАН). Эта зарисовка сделана по результатам реализации проекта Шухова по исправлению этой ситуации, вызванной землетрясением [8].

Публикуются детские книги, где в увлекательной форме повествуется о достижениях Владимира Григорьевича и их значении для развития России [9].

В книгах, переведенных с иностранных языков и изданных в России, также приводятся интересные сведения о Владимире Григорьевиче, включая информацию из работ зарубежных авторов, посвященных изучению деятельности русского инженера [10].

На основе изучения архивных документов можно отметить некоторые расхождения, связанные с датой рождения Владимира Григорьевича. В Матрикульном списке Главного общества Российских железных дорог дата рождения служащего Шухова Владимира указана следующая: «14 августа 1854 года)» [11], а в свидетельстве о рождении – 16 августа 1853 г. [12], эта же дата стоит и в паспортной книжке Владимира Григорьевича [13]. Даты рождения указаны по старому стилю; соответственно, по-новому это 26 и 28 августа.

В книге Д.И. Менделеева «Основы фабрично-заводской промышленности» содержатся рисунки с изображением конструкторского чертежа форсунки, созданной Владимиром Григорьевичем (усовершенствованная форсунка предложена В.Г. Шуховым в 1874 г.), что также говорит о ранних разработках и признании этих достижений [14].

Владимир Григорьевич с 1877 г. работал инженером в конторе А.В. Бари (РГАНТД). Б.Б. Глинский в своей статье в журнале

«Исторический вестник» описывает завод Бари с положительной стороны [15].

В «Техническом сборнике» за 1879 г. было опубликовано объявление об открытии постоянной выставки новых машин, приборов и орудий работы, контрагентом по устройству этой выставки был указан торговый дом Бари, Сытенко и компании [16].

В Адресной книге за 1895 г. размещено объявление о главной конторе инженера Александра Вениаминовича Бари, в котором указывается, что контора изготовляет вертикальные паровые котлы патента инженера В.Г. Шухова [17].

В 1896 г. на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде было представлено много построек, выполненных заводом инженера А.В. Бари по системе инженера Шухова. «Экипажная постройка единственное на выставке эллиптическое здание. Оно в остове железное и построено по той же Шуховской системе, как инженерный и машинный отделы» [18]. Также описывается основательное устройство водоснабжения выставки, обеспеченное с помощью уникальной башни Бари, «правильнее, впрочем, было бы называть ее башнею Шухова, по имени инженера, проектировавшего все металлические большие строения выставки, а в том числе и эту башню» [19]. Обнаруживаются следующие сведения про водопроводную башню: «Построенная по проекту инженера В.Г. Шухова, была сначала собрана в 1896 г. на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. После окончания выставки она была продана Ю.С. Нечаеву-Мальцову и поставлена в его имении “Сторожено” (Рязанской губ.) для орошения фруктового сада, площадью в 65 десятин» [20].

Среди разнообразных построек нижегородской выставки были описаны здание фабрично-заводского отдела: «здание железное, построенное заводом А.В. Бари, по системе инженера Шухова» [21], а также здания строительного и инженерного отделов: «Экспонаты строительного и инженерного дела были размещены в группе зданий, состоявшей из двух прямоугольных и одного круглого между ними, в котором находился поворотный круг. Постройка была сооружена по проекту академика Коссова, с применением системы инженера Шухова, заводом А.В. Бари» [22].

В другом издании, посвященном работе выставки, говорится о том, что в отделе строительного и инженерного дела, морского и речного торгового судоходства (Группа 174. Здания и архитектурные постройки. Класс 580. Здания общественные и постройки особого назначения) на выставке представлена «водопроводная железная башня системы инженера-механика В.Г. Шухова», а в целом техническая контора Бари выполнила «здания заводского и ремесленного отделов и машинного отделов. Круглое здание Инженерно-Строительного отдела. Два прямоугольных здания Инженерно-Строительного отдела. Овальное здание» [23].

В зарубежном журнале того времени подробно описывались постройки конторы А.В. Бари на выставке в Нижнем Новгороде по запатентованной Шуховым системе, подчеркивалось, что эти

здания успешно выдержали различные испытания: снегопад, шторм почти ураганной силы – и представляют собой «один из немногих примеров оригинального мышления и дизайна в инженерных экспозициях» [24].

На выставке в 1900 г. в Париже от конторы А.В. Бари были представлены «горизонтальный водотрубный котел (патент инженера Шухова)» и «один вертикальный водотрубный котел (патент инженера Шухова)» [25]. В публикации по результатам выставки отмечено получение награды – золотой медали [26]. Диплом Всемирной выставки о присуждении золотой медали В.Г. Шухову и изображение полученной им золотой медали есть в архивных документах [27]

В архивных фондах сохранилось много чертежей по проектам В.Г. Шухова до 1917 г., например чертеж 1913 г. трехкамерного кессонного шлюза по заказу Гаевского или стропил для покрытия бумагопрядильного корпуса фабрики Ю.С. Нечаева-Мальцова [28].

Обратимся к трудам Владимира Григорьевича. До 1917 г., как уже отмечалось выше, было издано не так много его работ. В сочинении «Нефтепроводы» указывается, что при «помощи ряда вышеприведенных формул можно решить все вопросы, относящиеся до наивыгоднейших проводов» [29]. В совместном с другими инженерами проекте московского водоснабжения подробно описывается его устройство, представлены расчеты и говорится о преимуществах реализации такого проекта: «Применяя данные в проекте сети формулы, можно всякий раз, по местным условиям, придать также размеры трубам, при которых сеть является сооружением наиболее экономичным» [30]. В публикациях В.Г. Шухов обозначает новизну своих проектов и разработок. Однако, «насколько нам известно, в технической литературе не разработан вопрос о расчете как цилиндров расширения, так и компенсаторов для насосов прямого действия, поэтому в нижеследующих заметках мы делаем попытку решения этого интересного вопроса» [31]. В сноске на первой странице к изданию «Трубопроводы» дается пояснение, что данная работа «представляет второе, совершенно переделанное и дополненное новыми главами, издание нашей заметки „Нефтепроводы“» [32].

Владимир Григорьевич часто просил соратников написать предисловия к своим сочинениям. Так, в предисловии к книге «Стропила» П.К. Худяков выражает благодарность за этот опубликованный труд Бари и Шухову [33].

Даже по этим немногочисленным изданным работам можно судить, что В.Г. Шухов по праву признавался новатором. Это подтверждает и множество полученных им привилегий (патентов) на разработки, например привилегия, выданная ему и С. Гаврилову в 1891 г. на приборы для непрерывной дробной перегонки нефти и тому подобных жидкостей, а также для непрерывного получения газа из нефти и ее продуктов [34].

В более позднее время (1923 г.) Владимир Григорьевич пишет краткий очерк о полученных им еще до революции патентах, уточняя, «что русская нефтяная промышленность может

спокойно строить аппараты для cracking'а по любой из описанных систем, без упреков со стороны американцев в даровом позаимствовании» [35].

В указе Капитулу российских Императорских и Царских орденов Николая II от 13 апреля 1897 г. среди награждаемых орденом Св. Станислава 3-й степени есть и фамилия «руководителя инженерной конторы Бари в Москве, инженер-технолога, потомственного дворянина Владимира Шухова» [36], что позволяет говорить о раннем признании его заслуг. В Формулярном списке о службе почетного члена Попечительского совета Комиссарского технического училища в Москве, состоящего по должности в VI классе, инженера-механика В.Г. Шухова (30 сентября 1900 г.) есть записи о награждении орденом Святого Станислава 3-й степени в 1897 г. и орденом Святой Анны 3-й степени в 1900 г. [37] Это означает, что его заслуги уже тогда были признаны и отмечены наградами.

В т. 40 Энциклопедического словаря (1904) есть небольшая заметка об инженере-механике В.Г. Шухове, в частности, перечисляются его изобретения и опубликованные труды. Однако в заметке указан 1854 год рождения [38].

Д.В. Петров в предисловии к своей книге «Железные водопроводные башни: их назначение, конструкции и расчеты» выразил благодарность заводу А.В. Бари в лице его главных инженеров В.Г. Шухова и И.Д. Потемкина «за оказанное мне содействие в деле изучения разных типов железных башенных установок» [39].

На страницах книги также перечисляются различные постройки завода по системе В.Г. Шухова, указываются многочисленные преимущества таких построек, например: «железные башни системы инженера В.Г. Шухова оказываются дешевле каменных и кирпичных» [40], «наименьшая затрата железа, более легкий фундамент, скорая сборка и установка башни на место» [41], «легкая гиперболическая железная сетка системы инженера В.Г. Шухова представляет собой в настоящее время настолько совершенный тип металлической башни, что своевременное применение их для водоснабжений на железных дорогах и в городах дало бы большие сбережения строительного капитала» [42].

Как отмечалось выше, в архивах Российской академии наук находится множество материалов, посвященных трудам и биографии В.Г. Шухова (дипломы, послужные списки, привилегии (патенты), авторские расчеты, таблицы, чертежи, спецификации, фотографии выполненных работ и пр.). Есть отзывы других инженеров на разработки Шухова, например «Отзыв Прокофьева и Митюшина на разработанные Шуховым В.Г. аппараты для непрерывной дробной перегонки нефти, установленные на заводе в Баку» [43].

В архивах все материалы разделены на две части: одна посвящена научным трудам В.Г. Шухова, вторая – его биографическим документам и документам по его деятельности, включая даже дружеские шаржи [44]. В документах содержатся разнообразные награды, присужденные до 1917 г.: медали выставок, дипломы и пр., что говорит о заслуженной оценке деятельности Владимира Григорьевича.

Рассмотрим некоторые материалы коллег и друзей, которые касались деятельности В.Г. Шухова. П.К. Худяков в опубликованном в 1898 г. курсе «Сопротивление материалов» не только описывает разработки В.Г. Шухова, но и помещает составленный вместе с ним задачник [45].

А в более позднем издании «Сопротивления материалов» о помещенных в сборнике задачах П.К. Худяков пишет следующее: «Это нововведение было тогда предпринято мною и осуществлено по мысли и под влиянием моего товарища и дорогого сотрудника инженер-механика Владимира Григорьевича Шухова» [46].

В «Обзоре успехов и новостей в построении и применении поршневых насосов» П.К. Худяков восхищается работой В.Г. Шухова и отмечает: «В 1895 г. инженер-механик В.Г. Шухов одарил нас своей интересной работой, которая была выпущена в свет Политехническим Обществом под названием “Трубопроводы и их применение к нефтяной промышленности”» [47], а также указывает на уникальность разработанной Шуховым теории поршневых инерционных насосов [48].

В предисловии к своей книге «Путь к Цусиме» П.К. Худяков благодарит В.Г. Шухова за грамотное составление третьей главы и участие в написании другой главы: «III. Боевая мощь русского и японского флота во время войны» и «VII. Цусимский бой», а также восхищается его прозорливостью [49].

Однако не все было внедрено, некоторые проекты отклонялись. Так, в книге «Водоснабжение Москвы в 1779–1902 гг.: Мытищинский и др. вспомогательные водопроводы» написано, что назначенная «комиссия скоро пришла к заключению, что проект Шухова, Конорре и Лембке не может быть принят к исполнению. Решено было составить новый проект», выполнение которого поручили другим инженерам [50].

Архивные материалы, посвященные жизни и инженерным изысканиям В.Г. Шухова, были опубликованы уже гораздо позже, и там отсутствуют прямые сведения о личной жизни и увлечениях Владимира Григорьевича. Однако по этим материалам можно восстановить его хобби, например занятие фотографией.

Владимир Григорьевич, по словам потомков, по сохранившимся материалам (из личных архивов), воспоминаниям людей из его окружения, современников, был очень разносторонней личностью: занимался спортом (участвовал в гонках на велосипедах, играл в шахматы), интересовался искусством (любил театр, оперу), имел свое хобби (фотографирование) и пр.

Считается, что с личностными особенностями человека (чертами характера, способностями, качествами) сталкиваются близкие и окружающие его люди, а его научные достижения являются общественным достоянием. Однако порой и личностные качества (в случае В.Г. Шухова – любознательность, наблюдательность при занятиях фотографией) также являются общественным достоянием, так как результаты этого хобби можно увидеть.

Сохранилось много интересных фотографий, сделанных Владимиром Григорьевичем, в частности автопортрет с фотокамерой, портрет жены, памятник Гоголю на Арбатской площади и др. [51]

В Главархиве Москвы хранится документ 1884 г. «Список учредителей Московского общества велосипедистов-любителей», где среди 11 учредителей общества есть фамилия инженера Шухова как активного велосипедиста [52].

Таким образом, на основании изученных материалов получилась следующая краткая зарисовка личности В.Г. Шухова в дореволюционный период: был признан и высоко оценен коллегами, а также мировым сообществом, приглашался для реализации различных инженерных проектов (в том числе сложных), являлся известным новатором не только в России, но и за рубежом, увлекался спортом и искусством.

Как было указано ранее, досоветский портрет Владимира Григорьевича Шухова составлялся исключительно на основе изучения первоисточников (архивных материалов, трудов самого инженера, статей и материалов, опубликованных до 1917 г.). Затем были рассмотрены более поздние издания и материалы, посвященные жизни и творчеству В.Г. Шухова.

В результате по подтвержденным сведениям, полученным в ходе изучения материалов второй половины XIX – начала XX в., можно составить следующий дореволюционный портрет Владимира Григорьевича: молодой изобретатель (усовершенствованная форсунка) с научным любопытством и стремлением к апробации своих разработок, к постоянному научному поиску, обладатель множества разнообразных патентов, автор новаторских решений (архитектурных конструкций, проектов водоснабжения, нефтепроводов и пр.), всесторонне развитая личность (проявил себя во многих сферах, реализовал множество разнообразных проектов), постоянно занимался изобретательской деятельностью и проявлял интерес к спорту (велосипед) и занятиям фотографией.

Если сравнить публикации о В.Г. Шухове до 1917 г. и в советское время, можно говорить о немного разных портретах Владимира Григорьевича (например, если судить по описанию его отношения к работе на заводе А.В. Бари до и после революции). Однако при всем этом нет сомнений в научных и инженерных достижениях этого замечательного человека.

Примечания

1. ШУХОВА Е. Московская жизнь в объективе В.Г. Шухова. — Наше наследие: Иллюстрированный историко-культурный журнал. 2004. № 70.
2. ШУХОВ В.Г. К вопросу о деревянных трубопроводах. — Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 5-8, с. 147–150; ЕГО ЖЕ. Избранные труды: строительная механика / Под ред. акад. А.Ю. Ишлинского. Акад. наук СССР, Ин-т истории, естествознания и техники, Комис. по увековечению памяти почетного акад. В.Г. Шухова. М. 1977; ЕГО ЖЕ. Нефтепереработка. Теплотехника: Избранные труды / Под ред. [и с вступит. ст.] А.Е. Шейндлина. М. 1982.
3. АРНАУТОВ Л.И., КАРПОВ Я.К. Повесть о великом инженере. М. 1978.
4. ВАВИЦКИЙ И.Д. Гений инженерного искусства. — Наука и жизнь. 1968. № 4, с. 37.

5. Большая советская энциклопедия: [В 30 т.] / Глав. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 29. М. 1978, с. 523.
6. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1918721; Шухов. Формула архитектуры / Сост.: М. Акопян, Е. Власова [текст парал. рус., англ.]. М. 2019.
7. KARTSKHIYA A.A., SMIRNOV M.G., TYRTYCHNYY S.A., DOLGIKH M.G. Pipeline Oil Supplies in Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments. — Bylye Gody. 2022. Vol. 17. No. 2, p. 812–823. DOI: 10.13187/bg.2022.2.812. EDN: OAMWYW.
8. МАССОН М.Е. Падающий минарет (Сев.-Вост. минарет Самарк. медресе Улугбека). Ташкент. 1968, с. 40.
9. КЛЮЧАРЕВА Н.Л. Владимир Шухов. Не только башня. 2-е изд. М. 2024.
10. ШУХОВ В.Г. (1853–1939). Искусство конструкции / Пер. с нем., под ред. Р. Грефе. М. Гаппоева, О. Перчи. М. 1995.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 258, оп. 2, д. 14026, л. 1об.
12. Архив Российской академии наук (АРАН), ф. 1508, оп. 2, д. 1, л. 1.
13. Там же, д. 2, л. 2.
14. МЕНДЕЛЕЕВ Д.И. Основы фабрично-заводской промышленности. Вып. 1. СПб. 1897, с. 169.
15. ГЛИНСКИЙ Б.Б. Фабрично-заводская Россия. — Исторический вестник: Ежемесячный историко-литературный журнал. 1896. Т. 65. № 9, с. 758–791.
16. Технический сборник: Журнал открытий, изобретений и усовершенствований по всем отраслям промышленности. Г. 15. [Т. 29]. № 9. 1879. Сентябрь.
17. Адресная книга города С.-Петербурга на 1895 г. СПб. 1895, с. 1241.
18. Всероссийская художественно-промышленная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. СПб. 1896, с. 30.
19. Там же, с. 34.
20. ПЕТРОВ Д.В. Железные водопроводные башни: их назначение, конструкции и расчеты. Николаев. 1911, с. 119.
21. Здания и сооружения Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде / Сост. Г.В. Барановский. СПб. 1897, с. VII.
22. Там же, с. XI.
23. Всероссийская промышленная и художественная выставка (1896; Нижний Новгород): Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде: Отд. Строительное и инженерное дело. М. 1896, с. 6.
24. The Engineer. Vol. LXXXIII – from January to June. London. 1897, p. 292–293.
25. Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб. 1900, с. 12.
26. Там же, с. 86.
27. АРАН, ф. 1508, оп. 2, д. 7, л. 1; д. 8, л. 1.
28. Российский государственный архив научно-технической документации, ф. 166, оп. 1, д. 59, л. 9; д. 6, л. 2.
29. ШУХОВ В.Г. Нефтепроводы: [Соч.] Вл. Шухова. М. 1884, с. 18.
30. ШУХОВ В.Г., КНОРРЕ Е.К., ЛЕМБКЕ К.Э. Проект московского водоснабжения, составленный инженерами В.Г. Шуховым, Е.К. Кнорре и К.Э. Лембке. М. 1891, с. 9.
31. Там же, с. 6.
32. ШУХОВ В.Г. Трубопроводы и их применение к нефтяной промышленности: [Соч.] Инж.-мех. В.Г. Шухова, д. чл. Политехн. о-ва / Политехн. о-во, сост. при Техн. уч-ще. М. 1895 с. 1.
33. ЕГО ЖЕ. Стропила: Изыскание рациональных типов прямолинейных стропильных ферм и теория арочных ферм: [Соч.] Д. чл. Политехн. о-ва инж.-мех. В.Г. Шухова / Политехн. о-во, сост. при Техн. уч-ще. М. 1897, с. 3–4.
34. Свод привилегий, выданных в России в 1891 г. по Департаменту Торговли и Мануфактур. СПб. 1891. Привилегия № 175, с. 1.
35. АРАН, ф. 1508, оп. 1, д. 12, л. 1; ШУХОВ В.Г. Заметка о патентах по перегонке и разложению нефти при повышенном давлении. — Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. Т. V. № 10, с. 482.
36. РГИА, ф. 496, оп. 1, д. 435, л. 286.
37. Там же, ф. 1349, оп. 2, д. 1316, л. 30об., 31–31об., 32.
38. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. 40. СПб. 1904, с. 25.
39. ПЕТРОВ Д.В. Ук. соч., с. 2.

40. Там же, с. 14.
41. Там же, с. 25.
42. Там же, с. 129.
43. АРАН, ф. 1508, оп. 1, д. 12, л. 1.
44. Там же, ф. 1508.
45. ХУДЯКОВ П.К. Сопротивление материалов: Курс, чит. в Имп. Моск. техн. уч-ще, с атласом, расчетными таблицами и задачами. В приложении к курсу помещен сборник задач на теорию растяжения и сжатия, сост. инж.-мех. В.Г. Шуховым и П.К. Худяковым. М. 1898, с. 396–442.
46. Там же, с. VII.
47. ЕГО ЖЕ. Обзор успехов и новостей в построении и применении поршневых насосов. М. 1903, с. 69–70.
48. Там же, с. 71.
49. ЕГО ЖЕ. Путь к Цусиме. М. 1907, с. 3.
50. Водоснабжение Москвы в 1779–1902 гг.: Мытищинский и др. вспомогательные водопроводы: [Печ. по распоряжению Моск. гор. головы]. М. 1902, с. 76.
51. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1918721
52. URL: https://mosarchive.mos.ru/presscenter/news/detail/12401618.html

УДК 93/94
DOI: 10.31166/
VoprosyIstorii202609Statyi03
Статья поступила в редакцию 11.08.2026
Статья принята в печать 27.08.2026

Рецензия на книгу: АГИШЕВ С.Ю. Речь против епископов. Тексты. Перевод. Комментарии. Средневековая Норвегия между королевской властью и Церковью: трудный диалог. М.: МЦМНО, 2025. 272 с.

Аннотация: В России интерес к норвежской истории рубежа XII–XIII вв. возрос после перевода знаменитой «Саги о Сверрире». Но «Речь против епископов», другой источник по истории указанного периода, не была переведена на русский язык. Этот пробел восполняет монография доцента С.Ю. Агишева, который выполнил транскрипцию памятника и перевод, подготовил сопроводительные статьи и комментарии. В работе присутствуют отдельные недостатки: в некоторых случаях перевод нуждается в уточнении; в послесловии ученый приписывает средневековому автору ряд задач, которые, судя по тексту, перед ним не стояли. В целом же монография заслуживает положительной оценки. Автор работал со сложным материалом, ставил увлекательные задачи. Уделив внимание существующим концепциям, С.Ю. Агишев предпочел пойти своим путем, продемонстрировав авторский, индивидуальный подход.

Ключевые слова: история, Средние века, Норвегия, политическая борьба, идеология, христианская церковь.

Щеглов Андрей Джолинардович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.
E-mail: ascheglov@mail.ru.

The review of the book: AGISHEV S.YU. Rech' protiv episkopov. Teksty. Perevod. Kommentarii. Srednevekovaya Norvegiya mezhdu korolevskoy vlastyu i tserkovyu: trudny dialog (Sergey Yu. Agishev. A discourse against the bishops. Texts, translation, comments. Medieval Norway between the royal power and the church). Moscow: MTSMNO, 2025. 272 pages

Abstract. In Russia, interest in Norwegian history at the turn of the 12th and 13th centuries increased after the translation of the celebrated *Sverris saga*. However, *The Discourse Against the Bishops*, another source on the history of this period, was not translated into Russian. This gap is filled by the monograph by associate professor Sergey Agishev, who transcribed the monument, translated it, and prepared accompanying articles and comments. Some critical remarks can be made: in some cases, the translation can be put into question; in the afterword, the scholar ascribes to the medieval author a number of tasks that, judging by the text, he did not put. On the whole, however, the monograph deserves a positive assessment. The author worked with difficult material and set inspiring tasks. Paying attention to the existing concepts, Sergey Agishev preferred to go his own way, demonstrating a personal, individual approach.

Key words: history, Middle Ages, Norway, political struggle, ideology, Christian church.

Shcheglov Andrey D. – doctor of History, leading research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.
E-mail: ascheglov@mail.ru.

Норвегия, конец 1170-х гг. Самозванец Сверрир, выдающий себя за сына короля Сигурда Харальдссона, во главе отряда бедноты начинает борьбу против знати, возглавляемой королем Магнусом Эрлингссоном. В историографии этот конфликт известен как «Гражданские войны в Норвегии» [1]. Сверрир и его сторонники призывали к тому, чтобы возродить древние обычаи: вернуть широкие права сельским общинникам – бондам, проводить выборы короля на народных собраниях – тингах. Получив народную поддержку, Сверрир взошел на престол, а в 1184 г. стал единовластным правителем. В дальнейшем между сторонниками Сверрира и противниками из епископов и светской знати разгорелась борьба. Оппозиция требовала, чтобы все церкви подчинялись архиепископу и чтобы король не вмешивался в выборы епископов; Сверрир апеллировал к праву патроната: король, знать или бонды, построив церковь, могли избрать священников. Он считал, что имеет право и вмешиваться в выборы епископов. Папа Иннокентий III отлучил Сверрира от церкви. В окружении Сверрира было создано политико-правовое сочинение, в котором король отстаивал свою позицию; в историографии оно получило название «Речь против епископов» [2]. Борьба продолжилась после смерти Сверрира и завершилась в 1220-е гг.

«Гражданские войны» и личность Сверрира дали повод для дискуссий. Кем был Сверрир – своего рода революционером или авантюристом? Чем явились «Гражданские войны» – вспышкой социального протеста или политическим и церковным конфликтом? Как оценить последствия этих войн? Дискуссии продолжаются по сей день.

В России интерес к личности Сверрира значительно вырос после публикации перевода «Саги о Сверрире» – главного источника по истории «Гражданских войн в Норвегии» [3]. Бóльшая часть перевода была выполнена Михаилом Ивановичем Стеблиным-Каменским. После его смерти работа была завершена О.А. Смирницкой, А.Я. Гуревичем и Е.А. Гуревич. Арон Яковлевич Гуревич написал исторический очерк, посвященный оценкам «Гражданских войн» и личности Сверрира, а также другим проблемам. Однако «Речь против епископов» долго оставалась непереведенной на русский язык. Выход монографии, подготовленной кандидатом исторических наук, доцентом Сергеем Юрьевичем Агишевым, является значимым событием в российской скандинавистике.

Содержание памятника таково. Анонимный средневековый норвежский автор утверждает следующее. Страну поразил недуг: утрачены понятия о важных вещах. Необходимо свести воедино речения, которые приведут к правильному пониманию. Основа заключается в том, что Христос и Церковь составляют единое тело; Христос – голова, а Церковь – туловище. Глазами этому телу должны служить епископы, носом – архидиаконы, ушами – деканы и пробсты, языком и губами – священники. Сердце и грудь – конунги; плечи, лопатки, хребты, ключицы, локти и кисти – светская знать и воины; чрево и внутренности – монахи, ноги – крестьяне и прочий люд. К несчастью, члены тела изменили природе: глаза косят и плохо видят, нос дышит с трудом и не отличает зловония от аромата и т.д. Епископы и прочие высшие клирики одержимы алчностью и гордыней, требуют податей сверх меры, доход вывозится в Рим, откуда присылаются отлучения и проклятия: такую плату люди получают за то, что живут как христиане… Папа в этом не виноват: его вводят в заблуждение епископы и священники. А на самом деле в стране есть король, который не совершил ничего дурного по отношению

к церкви, печется о правах клира. И пусть папа вынес приговор – этому приговору не следует подчиняться.

В этом и заключается мысль автора «Речи против епископов». Он собрал и упорядочил аргументы в защиту позиции короля, находя их в каноническом праве, Священном Писании и истории. Он цитирует источники – правовые нормы и библейские стихи – на латыни, сопровождая их пояснениями на древненорвежском. Автор доказывает: отлучение не следует соблюдать; несправедливый приговор подобного рода не наносит вреда осужденному, а, скорее, приносит пользу.

С.Ю. Агишев, автор перевода, комментариев и сопроводительных текстов, представляет источник читателю поэтапно, один за другим раскрывая различные аспекты. В подзаголовке – «Средневековая Норвегия между королевской властью и Церковью» он дает понять: памятник – веха в отношениях королевской власти с церковью. В аннотации автор отмечает: памятник содержит обвинения в адрес прелатов. В предисловии С.Ю. Агишев указывает, что «Речь против епископов» затрагивает множество проблем – церковно-политических и социальных. В статье «"Речь против епископов" и ее путь к читателю» автор замечает: Сверрир стремился найти союзников среди духовенства. Таким образом, он адресовал обвинения не столько клиру вообще, сколько епископам [4]; имел место не только церковно-правовой конфликт, но и политический [5].

С.Ю. Агишев правильно указывает, что Сверрир не собирался поступиться главным – отказаться от идеи верховенства королевской власти над церковью и обществом как таковым [6]. В комментариях он верно подчеркивает, что идеи «Речи против епископов» созвучны «тем стремлениям, которые в своем противостоянии с папством выражали как императоры Священной Римской империи, так и многие государи тогдашней Европы». А в послесловии отмечен еще один момент: влияние РПЕ на норвежское общество явилось ограниченным, голос автора остался, по существу, неуслышанным.

Указанный способ презентации источника имеет, впрочем, и недостатки. Чтобы в полной мере ознакомиться с различными аспектами памятника, необходимо прочесть книгу целиком. Может быть, имело смысл дать в самом начале краткий обзор историографии, обозначить этапы исследования? Уместно было бы и сразу указать на взаимосвязь историографии и общественной мысли на раннем этапе исследования личности Сверрира и сущности «Гражданских войн». Для норвежских интеллектуалов XIX в. речи Сверрира «против Рима» – еще и веха в борьбе Норвегии за независимость. В дальнейшем историография внесла поправки: Сверрир возлагал вину на противников из епископов; папу он стремился оградить от обвинений.

Возникают возражения и при чтении послесловия. С.Ю. Агишев, как бы в дополнение к тому, что уже сказано в предыдущих разделах, пытается проникнуть вглубь источника и – скорее в порядке гипотезы или некоего субъективного суждения – приписывает автору РПЕ ряд задач, которые в памятнике не декларированы [7]. Далее С.Ю. Агишев утверждает, что автор с указанными задачами не справился [8]. Это достаточно спорно. Очевидно одно: средневековый автор поставил целью апологию политики короля Сверрира и с этой задачей справился. И, конечно, широкий научный интерес к «Речи против епископов» обусловлен отнюдь не «раздражающим пустословием», которое усмотрел в памятнике С.Ю. Агишев.

Некоторые соображения хотелось бы высказать по поводу рассуждений С.Ю. Агишева о жанре РПЕ. Исследователь подчеркивает,

что автор характеризует свое произведение как *rœda* – «речь»; в связи с этим ученый концентрирует внимание на устных функциях произведения как диалога, разговора, беседы (с. 158–160). Все же здесь возможны различные толкования. Термин *rœda* в скандинавских памятниках означает и «речь», и «беседа», и «рассуждение» как устное, так и письменное [9].

Перейдем к филологическим нюансам. Перевод С.Ю. Агишева дает адекватное представление об оригинале, но по поводу некоторых трактовок уместно высказать замечания. Так, во вступительном предложении РПЕ в древненорвежском тексте употреблена форма praesens conjunctivi, 3 лицо: "En er þat vphaf rœdo varrar at *guð allz uallande se mæþr oss ok gæfue mænnum goda skilningh* till þeira orda er ek vill rœtt haffwa". А в переводе Агишева сказуемое стоит во втором лице, в повелительном наклонении: «*Господь всемогущий, пребудь с нами и даруй людям доброе разумение* тех слов, которые я хочу изречь». Из комментариев следует, что переводчик понимает фразу как назывное предложение. Между тем следовало перевести точнее: «пусть пребудет», «да пребудет»: древненорвежский автор выражает пожелание, а не обращение к Богу.

На с. 107 в русском переводе присутствует фраза: «Столь великий недуг поразил страну нашу, что каждому необходимо целиком усвоить те слова, которые приведут людей к пониманию». В оригинале не совсем так: не «целиком усвоить», а *henda saman* – по различным толкованиям, «свести воедино» либо «найти» [10]. Автор РПЕ свел воедино аргументы в поддержку короля Сверрира, в защиту его позиции.

На с. 111 читаем: «Но в стране *некоторым образом* есть конунг, который, как известно, не сделал святой Церкви и священникам ничего дурного». С.Ю. Агишев высказывает предположение, что здесь могла присутствовать ирония. В связи с этим хотелось бы обратить внимание, что употребленный в оригинале термин *nakar* имеет разные оттенки: «какой-то», «некий», «такой» [11]. В данном случае уместно было бы перевести *nakar* как «такой» или опустить. Автор РПЕ заявляет: в стране есть такой король (или: в стране есть король), который не сделал святой Церкви и клирикам ничего дурного. Ирония в указанной фразе отсутствует.

По тексту работы уместно высказать и замечания более частного характера. Название Арнамагнеанского собрания рукописей, получившего имя в честь выдающегося исландского ученого Арни Магнуссона, принято давать либо на латыни (*Collectio Arnamagnaeana*), либо на датском (*Arnamagnæanske samling*), но в том виде, в каком его приводит С.Ю. Агишев, *Arnamagnaean samling*, оно выглядит как смесь английского с датским. «Теодорих Валлонский», упоминаемый Агишевым, может вызвать ассоциации с валлонами, к которым не имеет отношения. «Валланд» в древнескандинавских источниках означает «Южная Европа», «Франция», «Италия». Речь идет о Теодорихе (Тидрике Бернском [12]), которого следовало представить как «Тидрика Вальского», «Тидрика Валландского» или «Теодориха Италийского».

На с. 52 С.Ю. Агишев критикует ученых, осуществивших французский перевод РПЕ (опубликованный параллельно с древненорвежским текстом): они, как утверждает исследователь, заявляют, что сверили древненорвежскую транскрипцию с рукописью, но на самом деле допустили множество ошибок. В действительности французско-норвежский коллектив, подготовивший издание, не ставил целью сверку текста с рукописью. Создатели публикации

взяли за основу научное издание А. Хольтсмарк, подвергли его так называемой нормализации (стандартизации орфографии), дали цитаты курсивом и пронумеровали абзацы [13]. Критика С.Ю. Агишева в данном случае несправедлива.

В целом, несмотря на недочеты и спорные моменты, монография С.Ю. Агишева заслуживает положительной оценки. Автор работал с трудным материалом, ставил перед собой увлекательные задачи, создал комплексное междисциплинарное исследование. Уделив внимание существующим концепциям и трактовкам, С.Ю. Агишев во многих случаях предпочел идти собственным путем, продемонстрировав авторский, индивидуальный подход к текстам и научным проблемам.

Отдельно хотелось бы отметить дополнения – переводы документов по истории отношений норвежской королевской власти с церковью. Выбор документов удачен, переводы, выполненные С.Ю. Агишевым и И.И. Аникьевым, тщательны и снабжены полезными и полными комментариями.

А.Д. ЩЕГЛОВ

Примечания

1. Так – согласно одной из распространенных трактовок. Согласно другой версии, борьба Сверрира и его противников составила центральный этап «Гражданских войн», которые, по мнению некоторых исследователей, охватили более длительный период.
2. Далее также сокращенно: РПЕ; при ссылках на рецензируемое издание – РПЕ 2025.
3. Сага о Сверрире. М. 1988.
4. Этот момент отражен и в «Саге о Сверрире».
5. См.: РПЕ 2025, с. 73.
6. См.: Там же, с. 74.
7. См., например: «РПЕ должна была содействовать сплочению всего населения вокруг короля. Но в том виде, в котором это сочинение дошло до нас, оно могло только разобщать… Сильным ходом было бы, если отдельные положения излагались бы бондами… Но этого в РПЕ нет: она совершенно монологична. Образ норвежцев в РПЕ выведен слабо… Таким образом, желая обратиться ко всем и к каждому, автор РПЕ… в итоге не обращается ни к кому. Явленные им образчики высокой риторики и словесной манипуляции превращаются в неясное и раздражающее много- и пустословие, которое королю придется, может быть, еще и разъяснять дополнительно». – РПЕ 2025, с. 263–264.
8. Там же, с. 263–264.
9. Относительно интерпретации термина см.: [CLEASBY R.], VIGFUSSON G. An Icelandic-English Dictionary. Oxford. 1874, p. 506; FRITZNER J. Ordbog over det gamle norske sprog. Kristiania. 1867, s. 526
10. Относительно первого толкования см.: [CLEASBY R.], VIGFUSSON G. Op. cit., p. 256: “Henda saman, to pick up and put together; henda saman orð, to compound words”. Авторы упомянутого словаря – Р. Клизби и Г. Вигфуссон – в данном случае ссылаются именно на «Речь против епископов». Второе толкование находит подкрепление в словаре Ю. Фритцнера, который, в свою очередь, также ссылается на «Речь против епископов», см.: FRITZNER J. Op. cit., s. 259. Различия трактовок термина и фрагмента отразились в переводах РПЕ на современные языки.
11. См.: [CLEASBY R.], VIGFUSSON G. Op. cit., p. 452; FRITZNER J. Op. cit., s. 481.
12. Напомним, что Берн в данном случае – название города Вероны, которое в Средние века было использовано в ряде памятников на германских наречиях.
13. См.: Le Discours contre les évêques: Politique et controverse en Norvège vers 1200. Paris. 2013, p. 47. Относительно нормализации древнескандинавских текстов см.: СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М.И. Древнеисландский язык. М. 2022, с. 15–18, 176.

УДК 93/94
DOI: 10.31166/
VoprosyIstorii202609StatyiO6
Статья поступила в редакцию 01.08.2026
Статья принята в печать 19.08.2026

О прозе в понимании мастеров поэзии (роман)

Д.Л. Чавчанидзе

Аннотация. В статье рассматривается появление прозы как жанра в начале XIX в. как творческой реакции на двойственность происходящих общественных событий. Анализируется антитеза *искусство – действительность*, а также замена ее социального характера эстетическим. Возникает новый тип прозаического жанра – исторический роман. Также анализируется внутренний мир личности у Гете и Пушкина как отражение мира окружающего, освещается структура повествования: образ героя в развитии действия, обновление жанровых художественных средств поэтическими элементами. Наконец, рассматривается как сохранение риторичности – и ее преодоление – раскрывают показатель идейной позиции автора.

Ключевые слова: правда, поэзия, риторика, роман, публика.

Чавчанидзе Джульетта Леоновна – доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ).
E-mail: juchav@mail.ru.

On prose as understood by masters of poetry (a novel)

D.L. Chavchanidze

Abstract. This article examines the emergence of prose as a genre in the early 19th century, as a creative response to the dual character of contemporary social events. It considers the antithesis of art and reality, and how the latter's social dimension came to be replaced by an aesthetic one. A new type of prose genre emerges here – the historical novel. The author also looks at the inner world of the individual in Goethe and Pushkin as a reflection of the world around them, and at narrative structure: the hero's image as it develops through the action, and the renewal of the genre's artistic devices through poetic elements. Finally, it considers how the retention – and overcoming – of rhetorical convention reveals the author's ideological stance.

Key words: truth, poetry, rhetoric, novel, public.

Chavchanidze Dzhul'etta L. – doctor of Philology, professor, Moscow State University (MSU).
E-mail: juchav@mail.ru.

С начала XIX столетия идейное наполнение европейской литературы происходило под влиянием философских учений – Шеллинга, а затем Гегеля. Усваивалась диалектичность, двойственность в основе мироустройства, что подтверждалось в свете последствий Французской революции 1789 г. Фигура Наполеона, привлекавшая внимание всего культурного мира, до сих пор не получила в истории однозначной оценки. Во Франции он олицетворял противоречивость совершавшихся перемен, в Германии малые государства объединялись в сопротивлении его захватам. Не будучи прямым прототипом романтического героя, Наполеон надолго внес в литературу тему незаурядной личности – в тональности лирической и одновременно трагической.

В эпоху Просвещения автор-прозаик «ставил свой талант на службу религиозных или философских идей», что отметил Ш. Сент-Бев. «Правда, остроумие не исчезало и даже пышно расцветало, но это было нечто вроде цветов, прикрывающих оружие, блестки на обитых шелком ножнах шпаги» [1]. С ранним романтизмом, возникшим как реакция на необъяснимое происходившее, в прозу вошло отличавшее прежде поэзию. Новалис воспроизвел земное в символах небесного, Шатобриан передал беспокойное самоощущение человека в упорядоченном мире.

В воссоздании этого структура сочинения обновлялась художественными средствами. В первые десятилетия, как заключил американский исследователь П. Дебрецени, литература «по внутренней логике своего развития двигалась к прозе» [2]. В стихотворчестве стали усматривать «искусственность» [3], передача человеческих чувств показалась отрывочной и суммарной. Дж. Булвер-Литтон в статье «Гете в его посмертных произведениях» утверждал: «Стих не может вместить в себя той утонченности мыслей, какую выражает великий писатель в прозе, рифма всегда ее увечит» [4]. Обновлялся лексический комплекс и в прозе. Как выразился А.В. Михайлов, писатель избегает совершенств стиля, и слово становится только посредником, верным проводником жизненного [5].

Правдивость в литературе принималась не безоговорочно, особенно в стихах. Гегель в «Записках по эстетике» оставлял за прозой лишь *передачу действительного* в сухих образах. Но критик и поэт Сент-Бев настаивал на роли художественного вымысла: «Правда не объяснима и не выразима <…>, необходимо что-то к ней добавить, а что-то урезать, где-то усилить краски, где-то сгустить тени» [6]. Находил это у Шатобриана и его последователей – Гюго, Виньи. В романе «Собор Парижской Богоматери» оценил «легкость, гибкость, богатство красок», чего, по его мнению, не достает Ж. де Сталь: которой «в вихре мыслей и слов <…> уже не до формы выражения» [7]. С уничижительной критикой обрушился Сент-Бев на Бальзака, разработавшего анализ своего времени до степени научного: «Это уже не поэт, деликатно совлекающий покровы с интимных тайн, а врач, нескромно разглашающий постыдные болезни своих пациентов…» [8] Однако сочинения Бальзака держал у себя на столе среди немногих книг Гете – по-видимому, «Сцены частной жизни» и «Шагреневую кожу». Воссоздание реального на уровне научного должно было его привлекать: «любой талант должен питаться знаниями» [9]. В прозе Гете допускал и некрасивое, тогда как поэзии предназначал не нагнетать, а развеивать гармоничностью стиха мрачные стороны жизни.

Но поэтическое изменяло и европейскую прозу, придавая ей фрагментарность и метафоричность: пересказать содержание «Генриха

фон Офтердингена» Новалиса или «Рене» Шатобриана невозможно как стихотворный текст. О таком единении двух жанров у мастеров художественной литературы Я. Гримм писал в 1811 г. Арниму: «Как можно не находить поэзию в “Вильгельме Мейстере” или в “Родственных натурах” Гете, как и во многих книгах Жан-Поля?». Свое мнение он подтверждал неопровержимой метафорой: «Или разве протестанты в своих храмах с голыми стенами молятся не столь же благочестиво, что и католики, держащиеся тишины?» [10] Ф. Грильпарцер признавал из прозы только новеллу, поскольку считал возможным переложение хорошей новеллы стихами, и упрекал поэтов, которые «ставят во главу угла мысль, а потом уже ищут для нее облачение» [11].

В прозаическом повествовании совершенствовался жанр романа, который, по словам А.Н. Веселовского, «водворял интерес к обыденному, хотя бы и опоэтизированному» [12]. И именно поэтому был признан превосходящим драматический жанр. На особых функциях романа впервые остановился Жан-Поль в теоретическом труде 1804 г. «Приготовительная школа эстетики». Несколько позднее К.В.Ф. Зольгер в трактате «Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве» утверждал, что в полноценном романе воображение «погружается в водоворот действительной жизни» [13] и человеческая печаль выглядит живее, чем в трагедиях Эсхила и Шекспира. Ф. Шлегель в «Письме о романе» находил слабым показ человеческой индивидуальности на фоне событий у Стерна, хотя и наиболее близкого романтикам автора века Просвещения. Его сочинениям противопоставлял роман Жан-Поля «Зибенкез», где сюжета «почти и нет и нужно лишь угадывать» [14], главным же является образ человека, личность, индивидуальность.

Событиям – тому, что составляет сюжет, – во всех романтических программах отводилась роль вспомогательная. Де Сталь в пространном эссе 1785 г. высказалась, что события нужны в романе, только «чтобы заставить случай показать страсти человеческого сердца» [15]; Гете сразу перевел это для журнала Шиллера «Оры». Б. Констан уведомлял читателей, что в «Адольфе» намеревался доказать увлекательность произведения, где нет развития действия.

Пушкин в беллетризованном наброске 1829 г. «Роман в письмах» попытался рассмотреть *динамику* жанра – как и Ф. Шлегель, не признавал форму сентиментальную – готовый план, готовые характеры, по которым любой умный человек может изготовить собственный роман [16]. Выделял за правдоподобие Ричардсона (подчеркнув: не Филдинга и не Лафонтена), снискавшего имя даже у тех, кто его не читал [17]. У Ричардсона в «Романе в письмах» молодую читательницу восхищают детали обстановки, где происходит действие: «Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим вокруг себя странные платья, однако ж знакомые нам лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» [18]. Но прежние герои ее не привлекают: «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек» [19]. В двух-трех романах, как замечено в «Евгении Онегине, уже появился «современный человек… / С его безнравственной душой… / Мечтанью преданной безмерно» [20] – тип, введенный романтиками.

У Пушкина в обзоре романной специфики, обозначившейся к его времени, романтики фигурируют постоянно – Шатобриан, Констан, де Сталь, особенно популярная в России. Под их (не только Байрона!) влиянием сформировался «москвич в гарольдовом плаще».

Но «даль свободного романа», что постарался создать поэт, исключала всякий изобразительный норматив. Надо было скинуть с героя и гарольдов плащ, что Пушкин и выполнил, показав поражение Онегина – жизненную ситуацию, отстоящую от традиционной в литературе.

В «Романе в письмах», написанном одновременно с завершением работы над «Онегиным», у читательницы нового века возникает вопрос: «Что общего между Ловласом и Адольфом?» [21] Значит, предметом романа и в предыдущую эпоху, риторическую, был человек, и этот след прежней обрисовки еще сохранялся. Как определил А.В. Михайлов, «риторика поглощает роман, а роман этому противится» [22]. При этом он счел нужным отметить *последовательное* сопротивление риторике – от барокко до реализма XIX в. К риторическому творчеству он относил и романтизм, в котором также усматривал своего рода «моралистическую функцию» [23].

О риторичности популярных романов Пушкин нигде не говорит прямо, но его вымышленной читательнице хотелось бы убрать у Ричардсона, тем более у Констана, «слог и бессмыслицы» [24]. Значит, и сентиментальные, и романтические, нарушают, хотя и в разной степени, *жизненный* характер содержания. Преодоление риторики нарастало постепенно [25], и трудно согласиться с А.В. Михайловым, что это было новаторством рубежа XIX–XX вв. Он сам в статье «О Людвиге Тике, авторе “Франца Штернбальда”» отметил отказ от красоты стиля как «романный “прорыв в жизнь”» [26]. Это отчетливее продолжится в реализме, где «слово легче согласится быть *не*изящным, *не*гладким, резким, угловатым <…> только посредником жизненного, его верным проводником» [27].

Подобной перспективой был встревожен Гете в свои последние годы, наблюдая ее у молодых французских авторов. В целом приветствуя их прозу, не одобрял в ней *некрасивое* – «мошенников и каторжников на месте возвышенных героев прошлого», опасался, что «заодно с формой ниспровергнут и привычное содержание» [28]. Как пересказывает его рассуждение Эккерман, одаренный писатель с желанием передать необычное, «наталкиваясь на недостаток слов, снижает уровень своего повествования» [29]. То есть обновление формы Гете находил непременным. В другом разговоре с Эккерманом поэт предсказывал следующий творческий поворот: «…наряду с более свободной формой, привычным станет и более многообразное содержание, и ничто из существующего в нашем обширном мире и нашей сложной жизни не будет объявляться не поэтическим…» [30]

В первые десятилетия беспокойного XIX столетия, когда культурная мысль Европы искала замены идеям Просвещения, искусство все более приобретало смысл противостояния *реальному*. Французский философ Виктор Кузен сформулировал принцип: *искусство для искусства как религия для религии*. Однако подобное назначение еще ранее закреплял за искусством Гете. С тем могло быть связано, хотя бы отчасти, его неприятие романтизма, притом позднего, в котором *неприятие реальности* есть не что иное, как пристальное к ней внимание, хотя направленное критически, признание ее места в творчестве. Первых романтиков, английских лейкистов, поэт принимал одобрительно, Новалиса – со сдержанностью постороннего, без прямой полемичности.

Социальные потрясения первых десятилетий вызвали интерес к истории, и появился роман *исторический*. Иным как бы и не мог быть важнейший вид жанра. Пушкин в 1830-е гг. писал: «В наше

время под словом *роман* (курсив А.С. Пушкина. — *Д.Ч.*) разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» [31], – то есть усматривал в романе *максимально* объективное воспроизведение прошлого. Находил это у Вальтера Скотта, а во французских исторических романах осуждал субъективную природу главного образа и подмену прошлого «однообразной пестротой настоящего» [32]. Его возмущало, что во Франции с великими созданиями В. Скотта равняют «Сен-Мар», «посредственный роман графа де Виньи» [33]. Однако писателей, которых историк Ф. Гизо называл свидетелями «недавнейших исторических поворотов» [34], привлекал не столько сам момент истории, сколько поведение в нем *человека*, и героем, помещенным в прошлое, был *их современник* по мыслям и настроению.

Пушкин, восприняв из эссе Жермены де Сталь «О литературе, рассматриваемой в связи общественными отношениями» понятие об *идеале* в основе творчества, не придавал значения *фактам*. В 1836 г. он назвал мастером романа Лесажа, писателя второй половины XVIII в., за игру реальными ситуациями, противопоставив его Жюлю Жанену, автору физиологических очерков, и Бальзаку с его безупречными зарисовками. Сюжеты Бальзака с их социальным характером должны были выглядеть в глазах Пушкина теми же физиологическими очерками, их лексическое оформление – вычурностью. К сдержанной описательности Стендаля в «Красном и черном» Пушкин был более снисходителен, но и там находил «фальшивую риторику в некоторых местах» [35]. По-видимому, то же имел в виду, упоминая и «Собор Парижской Богоматери» Гюго: «Во всем этом вымысле очень много изящества. Но, но... я не смею высказать всего, что о ней думаю» [36]. Весомости *слова* не нарушал ни один талантливый романист.

С углублением в реальную жизнь возникла и становилась расхожей антитеза *поэт – толпа*. В реальной действительности поведение толпы не раз свидетельствовало, насколько чуждо ей *поэтическое*. Тем не менее у той же толпы, у читательской массы, человек творческий искал популярности. Судя по записям Эккермана, и Гете был уверен, что о каждом таланте заявляет его слава: Шекспир «тоже не сам себя создал» [37], а Наполеон достиг славы, когда «разнес на куски полмира» [38]. Считая подлинный талант явлением редким, как Наполеон, Гете находил, что литературную публику часто привлекает личность, не художественное дарование автора. Сочинители же «влачатся хоть за каким-то именем, не брезгуя даже недозволенными средствами» [39], но, выдавая усвоенное из творческих образцов за собственное, «возвращая своему времени то, что взяли у него взаймы, остаются нищими» [40]. Фальшь незаслуженного признания рано или поздно обнаруживается, утверждал Гете.

Антитеза *поэт – толпа* просматривается и в размышлениях Пушкина. В «Евгении Онегине», в посвящении и частых лирических отступлениях, о читательской массе упоминается без особого уважения. Нет сведений, что русский поэт читал Кузена, но и у него творчество было приравнено религиозному очищению. В стихотворении «Поэт и толпа», написанном в 1828 г., с еще более выразительным первоначальным названием «Чернь», он как будто возражал Рылееву, заявившему о своих стихах: «Ты не увидишь в них искусства... / Я не поэт, а гражданин» [41], – убежденный в обратном: «Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв» [42].

Важная функция творческой фантазии долго не исчезала из размышлений русских литераторов. В 1860-е гг. А.В. Дружинин в статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» закрепил французское «искусство для искусства» синонимом: *чистое искусство* [43]. Поздним Некрасовым, некогда повторившим Рылеева: «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан» [44], – было написано стихотворение, едва ли не вызывающее сомнение в его авторстве, – «Памяти Шиллера». Антитеза *поэт – толпа* заостряется даже лексикой, Некрасову не свойственной:

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов… Замолкло божество…
О, кто ж теперь напомнит человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой! [45]

Неслучайно здесь и посвящение Шиллеру, всегда взволнованному проблемами всеобщими, но тем не менее определившему поэту *особое место*.

Гете, признавая, что каждый талант требует славы, в разговорах с Эккерманом часто приводил в пример Наполеона: «…предпринял этот поход (египетский. — *Д.Ч.*) только затем, чтобы заполнить время, когда во Франции ничего не смог сделать для достижения своей власти» [46]. Убежденный, что именно подобные «демоны» [47], человеческие желания и страсти, питали Рафаэля, Шекспира, Моцарта, он сам, конечно же, не мог быть равнодушен к славе. Однако главным для него было *собственное самосознание*, а не стереотипные оценки творчества. О неудовольствии литературных авторитетов выходом «Страданий молодого Вертера» вспоминал: «На рецензии я не обращал внимания. Мое дело было сделано, теперь пусть уважаемые господа справляются со своим» [48]. И автор «Онегина» с видимым равнодушием ожидает то же отношение *толпы* к его сочинениям: «Иди же к невским берегам / Новорожденное творенье, / И заслужи мне славы дань: / Кривые толки, шум и брань» [49].

Гете не сомневался, что в «Вертере» публику привлекало лишь содержание, не глубокий замысел: «Нельзя требовать от публики, чтобы она творение духа воспринимала так же духовно» [50]. Замечая, что «все одаренные писатели подаются теперь на подносе общественного мнения» [51], он, при «демонической власти своего гения», не придавал значения такой славе [52]. И у Пушкина постоянное *мой читатель* не лишено чувства отчужденности. В завершение «Онегина» он дает понять, что для него самое важное – само творчество, «живой и постоянный, / Хоть малый труд…» [53] В стихотворении «Андрей Шенье» напрямую говорится о полном разрыве поэта с толпой: «Мне, верному любви, стихам и тишине, / На низком поприще с презренными бойцами! / Мне ль было управлять строптивыми конями / И круто напрягать бессильные бразды?» [54]

Сочетанием авторских наблюдений и непосредственного самораскрытия героя создается психологизм, что становится отличительной чертой *прозаического* повествования. Тем более оно усваивает лирическое настроение, и именно благодаря этому массовым и самым интересным для читателя оказывается жанр романа.

Примечания

1. СЕНТ-БЕВ Ш. Литературные портреты. Критические очерки. М. 1970, с. 110–111.
2. ДЕБРЕЦЕНИ П. Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб. 2006, с. 20.
3. МИХАЙЛОВ А.В. Языки культуры. М. 1997, с. 408.
4. БУЛВЕР-ЛИТТОН ДЖ. Сочинения. М. 1993, с. 468. Статья Булвер-Литтона была сразу опубликована в России Сенковским в журнале «Библиотека для чтения».
5. МИХАЙЛОВ А.В. Ук. соч., с. 407.
6. СЕНТ-БЕВ Ш. Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма. М. 1986, с. 483.
7. Там же, с. 186.
8. Там же, с. 167.
9. Там же.
10. Эстетика немецких романтиков. СПб. 2006, с. 290.
11. GRILLPARZER F. Tagebucher und Reiseberichte. Bern. 1980, S. 215–216.
12. ВЕСЕЛОВСКИЙ А.Н. Избранное. М. 2010, с. 585.
13. ЗОЛЬГЕР К.В.Ф. Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве. М. 1973, с. 29.
14. ШЛЕГЕЛЬ Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т. 1. М. 1983, с. 398.
15. СТАЛЬ Ж. ДЕ. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М. 1972, с. 48.
16. ПУШКИН А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.–Л. 1950, с. 67.
17. В «Евгении Онегине»: «Она любила Ричардсона / *Не потому, чтобы прочла*...» (курсив наш. – *Д.Ч.*).
18. ПУШКИН А.С. Ук. соч. Т. 6, с. 66–67.
19. Там же, с. 63.
20. Там же. Т. 5. М.–Л. 1950, с. 149.
21. Там же. Т. 6, с. 63.
22. МИХАЙЛОВ А.В. Ук. соч., с. 112.
23. Там же, с. 120.
24. ПУШКИН А.С. Ук. соч. Т. 6, с. 67.
25. Позднее, с позиций позитивизма, риторичность будут находить и в дальнейшем – «говорящих» деталях Бальзака и эмоциональной речи персонажей Диккенса.
26. МИХАЙЛОВ А.В. Ук. соч., с. 467.
27. Там же.
28. ЭККЕРМАН И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М. 1986, с. 601.
29. Там же, с. 629.
30. Там же, с. 604.
31. ПУШКИН А.С. Ук. соч. Т. 7. М.–Л. 1951, с. 102.
32. Там же, с. 103.
33. Там же, с. 264.
34. История французской литературы: В 4 т. Т. 2. М. 1956, с. 111.
35. ПУШКИН А.С. Ук. соч. Т. 10. М.–Л. 1951, с. 831.
36. Там же.
37. ЭККЕРМАН И.П. Ук. соч., с. 321.
38. Там же, с. 308.
39. Там же, с. 332.
40. Там же.
41. РЫЛЕЕВ К.Ф. Полное собрание сочинений. М.–Л. 1934, с. 192.
42. ПУШКИН А.С. Ук. соч. Т. 3. М.–Л. 1950, с. 87.
43. ДРУЖИНИН А.В. Литературная критика. М. 1994, с. 126.
44. НЕКРАСОВ Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 2. Л. 1981, с. 10.
45. Там же. Т. 3. Л. 1982, с. 166.
46. ЭККЕРМАН И.П. Ук. соч., с. 312–313.
47. Определение, повторяющееся у Ф. Шлегеля (ШЛЕГЕЛЬ Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. М. 1990. Т. 1).
48. ЭККЕРМАН И.П. Ук. соч., с. 425.
49. ПУШКИН А.С. Ук. соч. Т. 5, с. 35.
50. ЭККЕРМАН И.П. Ук. соч., с. 423.
51. Там же, с. 406.
52. Там же.
53. ПУШКИН А.С. Ук. соч. Т. 5, с. 191.
54. Там же. Т. 2. М.–Л. 1950, с. 260.

УДК 93/94
DOI: 10.1017/
S0018246X23000225
Статья поступила в редакцию 09.07.2026
Статья принята в печать 03.08.2026

Шотландское Просвещение и пересмотр современной истории

Т. Пай

Аннотация. В статье предлагается новая интерпретация историописания в Шотландии эпохи Просвещения. В ней утверждается, что после того, как в восстании якобитов 1745 г. обвинили «феодальные» институты Шотландии, шотландские юристы и историки начали задаваться вопросом, что значит быть «современным». Вместо того чтобы согласиться с утверждением вигов (историческое наименование английских либералов. — *Прим. пер.*) о том, что Англия является идеальной моделью для социального и политического развития, они включили английскую историю в более широкий контекст дискуссии о том, вышла ли современная Европа из своего феодального прошлого, и если да, то каким образом. Реконструируя эту дискуссию, автор статьи показывает, как шотландцы переписывали европейскую историю, отвергая английскую традицию вигов и универсальные, или «космополитические», объяснения социального прогресса. Таким образом, в статье вновь поднимается вопрос, как шотландское Просвещение повлияло на британскую имперскую культуру XVIII и начала XIX в.

Ключевые слова: Англия, Шотландия, Просвещение, якобиты, виги, космополитизм, методология, жизнеописания, Средневековье, феодализм, история Нового времени, национальная историография.

Пай Том – исторический факультет, Университетский колледж Лондона. Лондон. Великобритания.
E-mail: tom.pye@ucl.ac.uk.

The Scottish Enlightenment and the remaking of modern history

T. Pye

Abstract. This article offers a new interpretation of the history-writing produced in Enlightenment Scotland. It argues that after the Jacobite rebellion of 1745 was blamed on Scotland's "feudal" institutions, Scottish jurists and historians began to interrogate what it meant to become "modern". Instead of accepting the Whig claim that England provided the ideal model for social and political development, they subsumed English history into a broader debate about whether and how modern Europe had emerged from its feudal past. By reconstructing this debate, the article shows how Scots rewrote European history in ways that subverted the English whig tradition while rejecting universal or "cosmopolitan" explanations of social progress. In doing so, the article reopens the question of how the Scottish Enlightenment shaped British imperial culture across the eighteenth and early nineteenth centuries.

Key words: England, Scotland, Enlightenment, Jacobites, Whigs, cosmopolitanism, methodology, biographies, the Middle Ages, feudalism, modern history, national historiography.

Pye Tom – Department of History, University College London. London. UK.
E-mail: tom.pye@ucl.ac.uk.

Оригинал статьи:
The Historical Journal. 2023. Vol. 66, p. 746–772
URL: https://www.cambridge.org/core/journals/historical-journal/article/scottish-enlightenment-and-the-remaking-of-modern-history/ED61FD3E65AAB0DA630A325DF14F6E8B

30 октября 1745 г. адвокат Генри Хоум, лорд Кеймс, отправил мрачное письмо из своего поместья в Бервикшире. Он писал, что Шотландия (The Highlands) заражена «болезнью» [1]. В июле того же года Карл Эдуард Стюарт, якобитский претендент на британский престол, высадился на о. Эрискей и начал собирать армию из представителей поддерживающих его хайлендских кланов. К середине сентября он захватил Абердин и Эдинбург. После того как в апреле следующего года восстание было подавлено в битве при Каллодене, Кеймс расширил свою теорию: «болезнь горцев» – это «феодальный закон» [2]. Этот закон, по его утверждению, представлял собой свод феодальных обычаев («земельных прав»), которые были навязаны Англии во время нормандского завоевания в 1066 г. и вскоре после этого взяты на вооружение в Шотландии [3]. И в Англии, и в Шотландии феодальные владения передавали землю и юрисдикцию в руки короля и его главных дворян. Однако с тех пор коммерция «процветала» только в Англии, побуждая английскую знать распродавать свои поместья, чтобы иметь возможность работать на растущих рынках промышленных товаров [4]. Такое перераспределение земель в Англии создало социальные условия, которые привели к революции 1688–1689 гг. [5] Но Шотландия погрязла в феодальной трясине. Поместья шотландских дворян, как позже писал Кеймс, пережили потрясения XVII в. [6] В его глазах эти поместья были источником праздности и подстрекательства к мятежу. Чтобы окончательно добиться стабильности и процветания, обещанных англо-шотландской унией 1707 г., они должны были быть ликвидированы законодательной властью нового британского парламента в Вестминстере [7].

Кеймс был не единственным, кто рассматривал якобитское восстание 1745 г. как феодальную проблему [8]. После битвы при Каллодене правительство Пелхэма отменило большинство «феодальных» наследственных судебных институтов в Шотландии в рамках серии законов, направленных на «усмирение» кланов [9]. В обширной литературе, посвященной историкам, юристам, философам и министрам эпохи шотландского Просвещения, все большее значение приобретает связь Кеймса с идеологией правительства вигов во главе с Генри Пелхэмом и его братом, герцогом Ньюкаслом [10]. В настоящее время общепризнано, что Кеймс был представителем более широкой тенденции ассимиляции шотландцев в доминирующей историографической традиции Англии, которую современные историки называют «историей вигов» [11]. Ассимиляция в историографии вигов не обязательно означала поддержку правительств вигов при Георге I и Георге II (хотя часто так и было) [12]. Традицию вигов можно определить не столько как политическую приверженность, сколько как набор унаследованных и адаптируемых представлений о своеобразии и зачастую превосходстве английской истории по сравнению с историей других западноевропейских народов [13]. Основа самобытности Англии была

изменчивой. Истоки английского вигизма берут начало в лондонских судебных иннах (Inns of Court – традиционные профессиональные ассоциации адвокатов в Англии и Уэльсе. — *Прим. пер.*) конца XVI в., когда их юристы начали утверждать, что в Англии всегда существовала уникальная «древняя конституция», которая ограничивала власть монархов с помощью парламента и общего права [14]. Однако к середине XVIII в. образованное английское общество сплотилось вокруг идеи беспрецедентной свободы, провозглашенной «Славной революцией» 1688–1689 гг.: в этот момент Англия стала «современной», избавившись от феодального прошлого, хотя споры о том, действительно ли постреволюционная конституция возродила «древнюю» дофеодальную политику англосаксов, не утихали [15].

Это то самое «космополитическое» обновление английской истории вигов середины XIX в., которое проявилось в Шотландии после восстания. По словам Колина Кидда, самые успешные шотландские литераторы, в первую очередь философ и историк Дэвид Юм, пришли к выводу, что Англия «представляет собой современность» [16]. Они продвигали идею, что Англия была единственной европейской монархией, которая стала «современной», перераспределив феодальные владения в пользу простых людей и наделив их парламентских представителей полномочиями, позволившими им захватить власть в ходе Славной революции 1688–1689 гг. [17]. Однако они делали это с возвышенной космополитической точки зрения. Отвергая откровенно шовинистические тенденции в истории партии вигов, они предпочитали объяснять историю Англии с точки зрения универсального процесса коммерческой «цивилизации» [18]. Как предположил выше Кеймс, именно коммерческая деятельность, а не случайные особенности истории Англии объясняет столь раннее перераспределение феодальных земель. Теоретически примеру Англии могла бы последовать любая другая страна, например Шотландия, где развивалась торговля.

В настоящей статье предлагается новая интерпретация исторических трудов эпохи шотландского Просвещения. Вместо того чтобы представлять Кеймса, Юма и их современников космополитами, сторонниками английской вигской историографии, в статье доказывается, что они переосмыслили «современную» историю в свете феодального прошлого Европы. После того как восстание 1745 г. было принято связывать с феодальными причинами, многие шотландцы вслед за Кеймсом стали реконструировать феодальный мир, чтобы понять, что в их собственной истории было современным (а что – досовременным). Но они пришли к разным выводам и по-разному предлагали реформировать политику современной Британии. Выступая за земельную реформу в Шотландии, Кеймс опирался на традиции английских вигов: по его мнению, английская история указывала путь, по которому должна была пойти Шотландия, чтобы избавиться от феодального прошлого. Однако другие интерпретировали взгляды Кеймса на феодальную политику в свете дебатов, вызванных публикацией в 1748 г. в Женеве книги Шарля-Луи де Секонда, барона де Монтескье, «О духе законов» [19].

Юрист и бывший председатель гражданского суда (парламента) Бордо, Монтескье в последних книгах «О духе законов» защищал феодальные институты как важнейшую основу современной Франции [20]. В отличие от двух коротких глав об английской конституции, которые были выписаны и переведены в лондонском журнале *The Monthly Review*, в этих книгах утверждалось, что феодальная собственность, феодальные суды и феодальные обычаи защищали граждан современной Франции от произвола короны [21]. Рассматривая влияние Монтескье на интеллектуальную культуру Шотландии, ученые в основном находят его влияние в теории «четырех стадий», или «стадийной» теории развития цивилизации, которая часто ассоциируется с шотландским Просвещением [22]. Но в Шотландии, обеспокоенной тем, не стали ли феодальные институты причиной последнего восстания якобитов, на первый план вышла его история Франции. В 1757 г. юрист сэр Джон Дальримпль переработал идеи Монтескье, превратив их в новую историю землевладения в Британии, чтобы доказать Коллегии адвокатов, что Шотландии не нужно отказываться от феодальных поместий [23]. В 1759 г. священник и историк Уильям Робертсон включил рассуждения Монтескье о феодальном правлении в свою собственную историю Шотландии за период с 1542 по 1603 г. – время, когда в Шотландии еще существовала «феодальная аристократия», но в то же время в страну пришло пресвитерианское христианство, которое Робертсон считал «современным» [24]. Год спустя он писал, что XVI в. «стал началом современной истории» [25].

За 10 лет до того, как Робертсон опубликовал свою «Историю Шотландии», Дэвид Юм уже читал Монтескье как историка феодального правления в Европе [26]. Юм также был автором труда, который оставался основным пособием по истории Англии до тех пор, пока в 1848 г. Томас Бабингтон Маколей не опубликовал собственную «Историю Англии» [27]. Поэтому следующие четыре раздела посвящены «Истории Англии» Юма (1754–1762) и откликам на нее его шотландских собеседников. В первых двух разделах показано, как в последних, малоизученных томах своего труда Юм превратил историю Франции Монтескье в новый взгляд на то, как современная Европа вышла из феодального прошлого. По мнению Монтескье, история современной Франции началась с прихода франков в римскую Галлию в V в. Он считал, что социальные и политические устои франков были феодальными, а феодальные институты – источником современной французской свободы. Однако, по мнению Юма, современная история началась лишь более тысячи лет спустя, после того как в XVI в. в Европе произошла трансформация феодальных устоев, освободившая простых людей от аристократического насилия. Юм радикально отошел от идеи о том, что английская свобода возникла благодаря перераспределению земель и становлению парламента, и с пессимизмом смотрел на состояние современной британской конституции. В третьем разделе показано, как некоторые современники Юма, в том числе Адам Фергюсон и Джон Миллар, забили тревогу. Обоих беспокоило то, что Юм, по всей видимости, отводил парламентскому правлению второстепенную роль в становлении современной Британии. В ответ они пересмотрели его разграничение

между феодальным и современным периодами и вернули в центр картины землевладение и представительное правление. В четвертой части рассматривается Адам Смит, который вступил в полемику, включив главный аргумент Юма в свое «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) [28]. В третьей, исторической, книге своего труда он предположил, что только Юм понял, что современная европейская политика – это не новое распределение собственности и политической власти, а новые отношения между имущими и наемными работниками. В пятом разделе приводятся некоторые заключительные размышления.

В настоящей статье, реконструирующей шотландские дебаты о феодальных истоках современной Европы, мы опираемся на недавние исследования, которые показывают, в какой степени представления о политическом устройстве в мире Британской Атлантики XVII и XVIII вв. основывались на периодизации и концептуализации феодальной истории [29]. Кроме того, мы надеемся, что наша статья поможет переосмыслить место шотландского Просвещения в интеллектуальной истории Британской империи. В рамках этой историографии Шотландия XVIII в. рассматривается как колыбель космополитической политики, которая питала интеллектуальную культуру Британии XIX в. Теория стадиальности считается важнейшим фактором ее развития. Согласно теории «четырех стадий» развития цивилизации, все человеческие общества начинались как объединения охотников-собирателей, а затем проходили через следующие стадии: скотоводство, земледелие, ремесло и торговля. Эта теория объединяла европейские и неевропейские общества в единую универсальную систему времени, делая различия между ними преодолимыми. Для одних ученых эта теория стала концептуальным инструментом, с помощью которого образованные британцы вплоть до 1880-х гг. отвергали представления о расовых и непреодолимых различиях между людьми. Для других ее космополитические обещания вскоре были нарушены либеральными империалистами, такими как Джон Стюарт Милль, для которых она стала расистским инструментом, позволяющим отказывать в самоуправлении коренным народам британских колоний [30]. Однако шотландцы, о которых идет речь, использовали стадиальную теорию наряду с модернистскими историческими концепциями, возводившими барьеры между европейскими и неевропейскими народами [31]. Раскрытие этого противоречия в историографии шотландского Просвещения помогает выйти за рамки общих рассуждений о его космополитичности и поднимает новые вопросы о его интеллектуальном наследии. Как показано в четвертом разделе, это также проливает свет на то, почему британские мыслители не видели противоречия в том, чтобы поддерживать экспансию британских колоний-поселений и в то же время осуждать деятельность Ост-Индской компании и имперское правление в Ост-Индии [32].

I. В феврале 1757 г. Дэвид Юм колебался, стоит ли продолжать работу над «Историей Великобритании». Первый том он опубликовал в 1754 г., начав с восшествия на престол Якова I в 1603 г. и закончив «Цареубийством» в 1649 г. Второй том

он завершил в 1756 г., доведя повествование до 1688 г. [33] Теперь, по его мнению, у него было два варианта: либо перенести действие в ганноверскую Британию начала XVIII в., либо вернуться в XVI в. [34] К маю того же года он решил вернуться в прошлое и начать с правления Генриха VII. «Именно с этого периода, – объяснял он своему книготорговцу Эндрю Миллару, – начинается современная история» [35]. «Хотел бы я, – написал он несколько дней спустя, – начать с этого периода с самого начала. Это действительно начало современной истории» [36]. Следующую часть он опубликовал в 1759 г. под новым названием «История Англии» [37]. После этого он снова пошел в обратном направлении, опубликовав в 1761 г. заключительную часть, которая охватывала период от вторжения Юлия Цезаря в Британию до восшествия на престол Генриха VII [38]. В 1762 г. он переиздал весь этот труд в целом под названием «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 года» [39].

В томах «Истории Стюартов» Юм уже показал, что легендарная «древняя конституция» Англии заключалась просто в сильной короне, которую Яков I унаследовал от Елизаветы [40]. Он показал, как рост коммерческой активности и появление новых рынков для товаров класса люкс привели к разорению мелких землевладельцев, позволив «джентри» («сословие, составлявшее палату общин») поглотить их владения и добиться правовой защиты для своей новообретенной собственности [41]. Он с иронией отмечал, что парламентские требования защиты от короны – то, что Юм часто именовал призывами к «гражданской свободе», – подпитывались жестокостью протестантского «энтузиазма» [42]. Он провозгласил «Славную революцию» 1688–1689 гг. началом «новой эпохи» в истории английской конституции: истоком «самой целостной системы свободы, которая когда-либо была известна человечеству» [43]. Таким образом, «История Стюартов» стала основой его работы. Именно в ней Юм утверждал, что в результате Английской революции появилась современная парламентская монархия, способная положить конец религиозным и аристократическим войнам [44]. Задача последующих томов «Истории Стюартов» заключалась в том, чтобы просто рассказать о том, как возникла современная парламентская конституция [45].

Однако Юм никогда не утверждал, что революция положила начало «современной» истории. Слово «современный» несколько раз встречается в «Истории Великобритании», но всегда как синоним слов «текущий» или «настоящий». Юм никогда не выделял момент зарождения современного мира [46]. Однако в своей истории Тюдоров он это сделал [47]. В этих томах, а также в заключительной части, посвященной англосаксам и англо-норманнам, Юм представил новый взгляд на европейскую феодальную систему и пришедшую ей на смену «современную историю». В английских вигских исторических трудах, на которые опирался Кеймс, феодальные владения считались инструментом королевской власти, ограничивавшим свободную и независимую собственность, благодаря которой возникла современная постреволюционная конституция Англии. Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, назвал перераспределение феодальных владений

в Англии в пользу нового класса фригольдеров *«великой переменой» (great Change)* в истории Англии [48]. На эту *«перемену»* ссылался английский член парламента Джордж Литтелтон в 1747 г., оправдывая отмену наследственных судебных полномочий в Шотландии [49]. Об этом часто писали в прессе вигов [50]. Французский историк Вольтер в своих наблюдениях за английской политикой в 1733 г. считал это аксиомой, и на этом утверждении была построена последняя всеобщая история Англии, опубликованная до работы Юма [51]. В этих версиях истории, в отличие от версии Кеймса, ответственность за смену землевладельцев возлагалась на первого монарха из династии Тюдоров Генриха VII, который издал закон, открывший новый путь для раздела «наследственных» поместий в Суде лорда-канцлера [52]. Но путь от «феодального» к «современному» оставался прежним. Феодальная система землевладения была введена в Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. Она ограничивала право собственности короля, и после того как некоторые феодальные владения стали наследственными, – его приближенных [53]. Современная парламентская конституция, созданная в 1688–1689 гг., стала результатом распада феодальной системы землевладения, что, как утверждал Болингброк, придало «больший вес» Палате общин английского парламента [54]. Согласно этой точке зрения, история современной Британии – это история английского свободного землевладельца и его представителей в парламенте, даже если часто утверждалось, что революция ознаменовала возвращение, как выразился Болингброк, к правлению «наших саксонских предков» [55]. «Историю» Юма всегда рассматривали как еще одно повествование в этом ключе [56]. Однако, по мнению Юма, проблема феодальной системы землевладения заключалась не в структуре землевладения, которую она сформировала. Проблема феодальной системы заключалась в ее глубинных «манерах», или культуре.

Юм признавал Монтескье и Уильяма Робертсона своими главными оппонентами в вопросе феодального правления [57]. В «Духе законов» Монтескье показал, как с приходом франков в римскую Галлию возникло множество феодальных владений и феодальных юрисдикций, над которыми франкские монархи не имели власти, а также феодальных обычаев, сохранившихся в региональных парламентах современной Франции [58]. Судьи, которые восстанавливали в силе и применяли обычаи, действовавшие в этих судах, защищали имущество от конфискации и налогообложения со стороны короны; дворяне зависели от парламентов в вопросах сохранения своего статуса, поэтому можно было рассчитывать, что парламенты защитят их как от народных волнений, так и от посягательств на их полномочия со стороны короны [59]. Монтескье настаивал на том, что феодальная собственность должна поддерживаться и сохраняться за счет ограничительных земельных пожалований, таких как майорат [60]. Он также предупреждал, что дворяне не должны заниматься коммерческой деятельностью, поскольку в противном случае они утратят интерес к защите полномочий региональных судов [61].

Юм соглашался с Монтескье в том, что феодальное право в Европе зародилось в V в., когда германские племена вторглись в западные провинции Римской империи, хотя в Британию оно пришло только с норманнами в 1066 г. Юм объяснял, что вторжение саксов в римскую Британию было настолько жестоким, что завоеватели не испытывали особой потребности в феодальном праве, которое было призвано защищать территорию от опасности [62]. Однако Юм расходился с Монтескье в оценке политики, которую проводили саксы и норманны, независимо от того, прибегали ли они к системе феодальных владений. Монтескье считал, что система собственности у франков была современной, поскольку феодальная собственность и феодальные суды защищали людей и их имущество от произвола верховной власти – такой защиты не обеспечивало ни одно древнее государство. По мнению Юма, тысячелетие между вторжением саксов и восшествием на престол Генриха VII характеризовалось сетью поборов за защиту, которыми занимались вожди, или дворяне, различных мастей [63]. При саксах эта система «частных союзов» работала по принципу обмена защиты на плату и послушание: Юм отмечал, что даже жителям городов (боро) приходилось искать «покровителя в лице какого-нибудь знатного человека…, которых они были обязаны считать своими сюзеренами» [64]. Та же проблема существовала и при нормандских дворянах, чьи феодальные владения после завоевания быстро перешли по наследству [65]. Дворяне готовили многих своих вассалов в качестве частных «прислужников» (или солдат), которых использовали для ведения войн друг с другом, и намеренно препятствовали развитию ремесел и производств, чтобы единственным способом повысить свой статус для арендаторов было получение покровительства [66]. Кроме того, баронские суды защищали «авантюристов и преступников», которых можно было использовать для набегов на соседние поместья [67]. В результате сложился мир, в котором безопасность зависела от «частных связей» каждого отдельного человека. За свободу нужно было платить, и прибыль оседала в карманах знати [68].

Главный тезис средневековой истории Юма заключался в том, что эта система была невосприимчива к политической и правовой эволюции английских институтов. Истоки верховенства права и Палаты общин восходят к периоду, который Юм называл «англо-нормандским», то есть к периоду с 1066 г. до смерти Ричарда III в 1485 г. Однако ни то, ни другое не имело особого значения. Например, в 1215 г. король Иоанн Безземельный (1199–1216) заключил с дворянством хартию («Великую хартию вольностей» – *Magna Charta*), которая защищала имущество и собственность от произвольного изъятия со стороны короны: даже крестьян больше нельзя было лишать телег и плугов во внесудебном порядке [69]. Но то, что Юм называл «первоначальным договором» между монархом и народом, мало влияло на феодальные порядки и, следовательно, на тех, кого он теоретически защищал [70]. Преемник Иоанна, Генрих III (1216–1272), был первым английским монархом, о котором можно было сказать, что он был «ограничен законом» [71]. Однако его правление

было омрачено аристократическим насилием [72]. Юм рассказывает похожую историю об Эдуарде I (1272–1307) – монархе, который первым попросил королевские города прислать своих представителей в парламент [73]. Их появление, возможно, и возвестило о «слабом проблеске народного правления в Англии» [74]. Но их новый статус членов парламента мало что значил: их личная безопасность по-прежнему зависела от того, удалось ли им заручиться поддержкой со стороны того или иного барона [75]. Парламент не мог повлиять на феодальную культуру, в которой Эдуард II (1307–1327) погиб от рук уэльского барона Роджера Мортимера. Правление Эдуарда III (1327–1377) также было омрачено междоусобными войнами аристократов; несколько десятилетий спустя Англия погрузилась в Войну Алой и Белой розы [77]. И англосаксонская, и англо-нормандская политика сводились к системе клиентелы и бесконечным войнам, а не к распределению землевладения и политической власти. Эта политическая культура пронизывала все монархии, созданные германскими племенами в Западной Европе, и гарантировала, что простые люди «повсюду были лишены личной свободы» [78].

Юм утверждал, что на рубеже XVI в. эта культура начала трансформироваться во что-то новое – то, что он в своих книгах о Тюдорах назвал началом «современных анналов» [79]. Примерно в это время, по мнению Юма, были изобретены порох, компас и печатный станок [80]. В тот же период европейская знать отказалась от содержания армий в пользу покупки предметов роскоши: «изменение нравов» подорвало их власть [81]. Новые рынки таких товаров, как шелк, ситец и фарфор, появились в конце XV в. в результате «открытия» европейцами «западного мира» и благодаря новому морскому пути вокруг мыса Доброй Надежды в Ост-Индию [82]. Юм утверждал, что эти рынки имели большое значение, поскольку открывали новые возможности для возвышения знати [83]. В феодальных монархиях Европы знать соперничала друг с другом в том, что касалось численности и мощи армий вассалов, постоянно используя их для нападений друг на друга или на корону [84]. Но по мере того, как предметы роскоши проникали в такие страны, как Англия и Франция, представители знати начали соперничать друг с другом в показной роскоши и домашнем уюте (что Юм назвал «более цивилизованным видом соперничества») [85]. Юм утверждал, что вместо того, чтобы удовлетворять свои новые аппетиты, продавая свои поместья простым людям (что является центральным тезисом английской истории вигов середины XIX в.), воинственные представители знати превращались в спекулянтов-землевладельцев. Они «старались, – писал Юм, – использовать свои земли с максимальной выгодой и либо огораживали поля, либо объединяли множество мелких ферм в несколько крупных, избавляясь от бесполезных работников, которые раньше всегда были у них под рукой и участвовали во всех попытках свергнуть правительство» [86]. Бароны также начали заменять натуральную ренту денежной, и практика сдачи земли в аренду получила широкое распространение [87]. Бывшие вассалы стекались в города и начинали производить имитации восточных предметов роскоши, которые покупали

дворяне. Эта трансформация успокоила знать. Юм сравнил новые отношения между дворянином и ремесленником с «тем умеренным влиянием, которое покупатели оказывают на торговцев и которое никогда не может быть опасным для гражданского управления» [88]. Подобно тому, как торговец был менее опасным гражданином, чем вассал феодала, «жизнь современного дворянина [была] более достойной, чем жизнь древнего барона» [89]. В Англии хваленые законы Генриха VII «очень мало способствовали» этому сдвигу. Изменение «нравов», или культуры, «стало главной причиной тайной революции в системе правления и подорвало власть баронов» [90].

Везде, где в Европе появлялись новые рынки предметов роскоши, монархи добивались власти, которой им не хватало из-за аристократического характера феодальной политики [91]. Однако Юм выдвинул парадоксальное утверждение о том, что по мере того, как монархи становились деспотами, их подданные обретали свободу. То, что он называл «личной свободой», было невозможно при феодальном строе не потому, что землевладение было доступно только дворянам, а потому, что феодальные порядки не обеспечивали личную безопасность. Все жили в постоянном страхе перед насилием: даже жизнь дворян-землевладельцев была неспокойной, «подверженной любым государственным потрясениям» [92]. Однако после того как благородная жажда военной власти сменилась стремлением к деньгам и роскоши, насилие перестало быть частью повседневной жизни людей всех сословий. Хотя монархи извлекли выгоду из этой трансформации, получив новые полномочия, которые они использовали по своему усмотрению, они уже не могли нарушать привычный уклад жизни с той регулярностью, с какой это происходило при феодализме. Именно эта история лежит в основе утверждения Юма о том, что после того, как феодальные «узы рабства» были ослаблены из-за расточительного потребления, «личная свобода стала почти повсеместной в Европе» [93]. Только тогда «положение народа, угнетаемого мелкими тиранами, которые раньше скорее угнетали, чем управляли, значительно улучшилось» [94]. То, что Юм называл «личной» свободой, могло зародиться и даже расцвести в условиях абсолютной монархии. Личная свобода не зависела ни от перераспределения собственности в пользу мелких землевладельцев, ни от представительства этих землевладельцев в народном собрании: личная свобода была производной от гарантий безопасности, а не от владения собственностью и предоставления избирательных прав.

Поскольку при новом условии безопасности ни одна часть населения не нуждалась в прямом или косвенном контроле над рычагами законотворчества, оно могло сосуществовать с деспотизмом правления Тюдоров. По мнению Юма, после того как ранее жестокая английская знать начала превращаться в коммерческих землевладельцев, корона стала богатеть. Ни один английский монарх не был столь «абсолютным», как Генрих VII [95]. После того как Генрих VIII провозгласил себя верховным главой английской церкви, ни один европейский монарх не мог похвастаться такой «абсолютной властью» [96]. Законодательная власть

елизаветинских парламентов также была «по сути фикцией»: корона обладала «всей законодательной властью», поскольку королевские прокламации считались законом [97].

Юм объяснял, что появление «личной свободы» в Европе «проложило путь» к развитию гражданской свободы в Англии [98]. В его книгах о Стюартах показано, как английское дворянство XVII в., движимое пуританскими убеждениями, воздвигало «более прочные барьеры» вокруг уже существовавшей личной свободы [99]. Однако установление гражданской свободы в Англии в XVII в. не ознаменовало начало того, что Юм называл «современной историей». Этот момент наступил примерно двумя веками ранее. По мнению Юма, на смену феодальной политике в начале XVI в. пришли «современные анналы», потому что европейские дворяне стали вести себя как спекулянты-землевладельцы, а не как главари жестоких банд. В результате возникли новые отношения между собственниками и наемными работниками, а также новый тип «личной», в отличие от «гражданской», свободы. Эта свобода была отличительной чертой Нового времени, поскольку она была порождена потреблением. Юм отмечал, что рост потребления предметов роскоши у греков и римлян, напротив, лишь «увеличивал число рабов» [100]. Эта свобода была элитарной, поскольку распространялась только в феодальных монархиях Западной Европы. Переход от феодальной к современной политике был частью европейской истории, в которой неевропейские народы, казалось, не могли участвовать. Это дополнило существовавший в то время расизм Юма: в 1753 г. он утверждал, что только «белые» европейцы способны совершенствовать свои манеры и культуру [101]. С точки зрения английской истории, эта свобода расцвела без помощи правовых и политических институтов: в «Истории» не упоминается вигский узелок, связывающий наступление свободы в Британии с установлением «современной» парламентской конституции Англии в 1688–1689 гг. По мнению Юма, ни вассалы XVI в., устремившиеся в города, ни арендаторы, заключившие долгосрочные договоры, не обладали достаточными правами собственности, чтобы избирать представителей в парламент. При этом Юм утверждал, что они тем не менее были свободными.

II. Новый взгляд Юма на происхождение «современной истории» напрямую повлиял на его участие в двух британских политических дебатах 1760-х и 1770-х гг.: в первом случае речь шла о политике государственного кредитования, во втором – об избрании радикального члена парламента Джона Уилкса. Летом 1764 г., через два года после публикации «Истории», Юм ждал в Париже (где он жил с прошлого лета) новостей о недавно вышедшем издании своих эссе [102]. Хорошо известно, что в это издание были внесены изменения в эссе о государственном кредите, которое он уже опубликовал в 1752 г. [103] С момента учреждения Банка Англии в 1694 г. английское и британское правительства продавали долговые обязательства населению, чтобы финансировать военные расходы [104]. Однако в первоначальном варианте эссе Юм высказывал опасения, что ненасытная коммерческая и военная конкуренция, в которой участвовали европейские государства («драка

дубинками в китайском магазине»), приведет к тому, что потребность Британии в займах превысит готовность общества давать в долг [105]. Если бы Британия не смогла продать очередной выпуск долговых обязательств, столкнувшись с военной угрозой со стороны европейской державы, правительство могло бы либо объявить дефолт по существующим долгам, чтобы профинансировать свои военные обязательства за рубежом, либо продолжать беспечно обслуживать свои долги, рискуя подвергнуться вторжению. Первый вариант («естественная смерть») предполагал пожертвовать имуществом тысяч людей ради безопасности миллионов; второй вариант («насильственная смерть») предполагал пожертвовать безопасностью миллионов ради имущества тысяч [106]. В 1752 г. Юм не мог с уверенностью сказать, какой вариант более вероятен. Но к 1764 г. он изменил свое мнение: Британия с «поразительной быстротой» двигалась в сторону насильственного решения [107].

Мрачное видение Юмом будущего Британии связывают с «изначальным шотландским скептицизмом» – недоверием к успеху и процветанию, вызванным многовековой бедностью и катастрофами [108]. Это также можно рассматривать как размышление о финансовых потребностях национальной безопасности и нестабильной политической ситуации, которая может возникнуть вследствие игнорирования указанных потребностей [109]. Однако его отношение к долговому бремени Британии становится более понятным, если взглянуть на него через призму «Истории». В своем первоначальном эссе Юм предположил, что если держатели британских долговых обязательств будут сопротивляться дефолту правительства, то дворянство и джентри смогут убедить их не прибегать к насильственным мерам [110]. Но в 1764 г., после того как Юм 10 лет потратил на написание истории, в которой феодальная знать превращала свои поместья в коммерческие предприятия, он забеспокоился, что дворянство и джентри больше не смогут играть эту роль [111]. Дворянство объединилось с кредиторами, и многие из них заседали в парламенте, на который нельзя было положиться в вопросе признания убытков по долгам его членов. «Прощайте, – сокрушался Юм, – все представления о дворянстве, джентри и семье». Поскольку «промежуточная власть между королем и народом» была «полностью устранена, неизбежно должен был воцариться жестокий деспотизм» [112]. Британия стремительно приближалась к сценарию с применением насилия [113]. Прискорбное заявление Юма проистекало из его утверждения о том, что современную Британию сформировало не парламентское правление, а аристократическое потребление. В «Истории» Юм отказывался отождествлять становление представительной власти в Англии с началом современной истории в Европе. Вместо этого он объяснял, что современный мир вращается вокруг совершенствования и обогащения аристократов и новых горожан, а не вокруг новых отношений между английской короной и парламентом. Таким образом, для мелкопоместных дворян и джентри, заседавших в Палате общин, было важно лишь то, что они являлись собственниками и финансистами, а их статус представителей своих избирателей мало что значил.

В последующие годы Юм продолжал настаивать на том, что проблемы Британии кроются глубже, чем может решить парламентская реформа. С начала 1767 г. по август 1769 г. он находился в Лондоне, где царила атмосфера, вызванная возвращением в политику радикального журналиста и члена парламента Джона Уилкса, ранее объявленного вне закона [114]. Уклонившись от ареста за клевету, подстрекающую к мятежу, в 1763 г., Уилкс вернулся в Лондон в феврале 1768 г. и месяц спустя был избран членом парламента от Мидлсекса. Его скорое заключение под стражу (он так и не был помилован) привело к протестам, расправе над протестующими на Сент-Джордж-Филдс и беспорядкам по всему городу [115]. После года, в течение которого Уилкса несколько раз исключали из парламента и переизбирали, Палата общин наконец приняла резолюцию, согласно которой, членом парламента от Мидлсекса был объявлен Генри Латтрелл, соперник Уилкса, несмотря на то, что на выборах 13 апреля 1769 г. он набрал 296 голосов против 1 143 у Уилкса [116].

Парламент оказался в центре внимания из-за многочисленных комментариев по поводу этого дела. Сторонники Уилкса, а также независимые депутаты от графств и городские радикалы утверждали, что причиной беспорядков стало недовольство парламентской коррупцией. В качестве решения этой проблемы они предлагали ежегодное проведение выборов, принятие законопроекта о пенсиях, который лишил бы парламент судебного патронажа, и предоставление избирательных прав торговым городам [117]. Англо-ирландский член парламента Эдмунд Берк, входивший в группу вигов, сформировавшуюся вокруг Чарльза Уотсона-Уэнтуорта, второго маркиза Рокингема, предположил, что беспорядки были вызваны скорее тем, что Георг III отделил свой двор от парламента [118]. По мнению Берка, Палата общин была тем, что Монтескье называл «промежуточной» властью. Но для того, чтобы ассамблея функционировала эффективно, королевская власть должна была оказывать на нее влияние в форме придворного покровительства, основанного на принципах партийности [119]. Юм, напротив, не видел связи между кризисом и отношениями парламента с короной [120]. Его больше беспокоил новый класс землевладельцев-финансистов в Англии. Британские кредиторы, мрачно заявил он, теперь занимают «все ключевые посты и являются самыми влиятельными людьми в стране» [121]. Позже он писал, что землевладельцы и акционеры «настолько сблизились друг с другом благодаря связям и интересам», что первые не могли убедить вторых пойти на патриотический дефолт [122]. Теперь, когда Юм переосмыслил зарождение современной европейской истории как трансформацию феодальных нравов, его стали беспокоить политические и финансовые проблемы того, кого он в своей истории называл «современным дворянином» [123]. Реинкарнация «древнего барона», возможно, принесла Европе «личную свободу». Но в Британии его присутствие в парламенте увеличивало шансы на насильственное разрешение долгового кризиса [124].

III. В годы, последовавшие за публикацией «Истории» Юма, историки, священнослужители и юристы по всей Британии пытались оспорить его основные тезисы [125]. Читая первый том

«Истории Англии» Кэтрин Маколей (1764–1783), Юм заметил, что она постоянно упоминает его имя [126]. Ее собственная восьмитомная «История» отличалась от «Истории» Юма тем, что ее кульминацией стало возникновение кратковременной республики после цареубийства 1649 г. – момент, который она назвала «меридианом [английской] славы», в то время как Юм изображал его как жестокий, деспотичный и фанатичный упадок [127]. Однако в Шотландии «Историю» Юма критиковали за рассуждения о феодальном мире и пришедших ему на смену политических устройствах. В течение десятилетия после публикации «Трактата о человеческой природе» Юму бросили вызов два выдающихся мыслителя: священник и историк Адам Фергюсон, который в 1764 г. был назначен на кафедру пневматики («пневма» в учении стоицизма – жизненная сила, космическое «дыхание», смесь элементов воздуха и огня. — *Прим. пер.*) и моральной философии в Эдинбургском университете, и юрист и историк Джон Миллар, который с 1761 г. занимал кафедру гражданского права в Университете Глазго. Фергюсона и Миллара обычно ставят в один ряд с Юмом, Уильямом Робертсоном и Адамом Смитом как представителей эпохи Просвещения, объединенных переосмыслением истории английских вигов с позиций космополитизма. Тем не менее они резко расходились с Юмом во взглядах на историю Европы и на то, где следует проводить границу между феодальным и современным периодами. Каждый из них расширял рамки феодальной системы, включая в нее период становления абсолютной монархии в Европе XVI в., и предполагал, что в Англии эта система была вытеснена только в XVII в., когда появилось представительное собрание [129]. По их мнению, парламент создал английскую свободу и будет способен защищать британскую свободу в будущем.

В своем «Очерке истории гражданского общества» (1767) Фергюсон переформулировал концепцию английской модернизации. Он утверждал, что Англия, как и другие «великие монархии», выросшие из бывших западных провинций Римской империи, зародилась как поселения германских варваров [130]. Как и Монтескье и Юм, он возводил феодализм к этим поселениям: это были временные пожалования, которые вожди делали своим приближенным, чтобы обеспечить их существование [131]. Несмотря на то что Фергюсон утверждал, что «первоисточник» его собственной работы можно найти у Монтескье, он не стал углубляться в историю франков [132]. Вместо этого он согласился с Юмом в том, что, когда феодальные владения стали наследственными, вожди превратились в «тиранов каждого маленького округа» [133]. Но на этом сходство Фергюсона с Юмом заканчивается. «Новая история» Юма начинается на рубеже XVI в., когда Тюдоры укрепили власть короны, а личная свобода расцвела по всей Европе. Фергюсон ссылался на «Историю Тюдоров» Юма, чтобы доказать обратное: Тюдоры олицетворяли собой еще один деспотический этап феодального правления [134]. Монархи из династии Тюдоров создали «деспотизм», утверждал Фергюсон, лишив феодальную знать военной и юридической власти под предлогом «спасения рабочих и зависимых» от аристократической

тирании [135]. Но тем самым они посеяли семена собственного краха. Защищая простолюдинов от дворянства, Тюдоры поощряли развитие «коммерческих и прибыльных ремесел». Разбогатев, простолюдины стали оберегать свою новую собственность и разработали «проект эмансипации», чтобы оспорить прерогативы короны [136]. Поскольку в английской конституции было предусмотрено представительное народное собрание, у простолюдинов был орган, через который они могли «пользоваться» своим «новым богатством». Фергюсон описал результат проекта по освобождению общин как «новое зрелище в истории человечества»: монархия, «смешанная с республикой» [137].

«Английская история» Фергюсона была задумана для того, чтобы опровергнуть центральный аргумент в истории Юма, и, возможно, именно поэтому Юм отклонил ее как «исключение» [138]. По мнению Юма, потребление предметов роскоши изменило политику Европы без участия представительных или парламентских органов власти: личная свобода появилась в XVI в., в период расцвета абсолютной монархии в Англии. Однако Фергюсон назвал династию Тюдоров примером последней стадии феодального правления, когда торговля позволила Палате общин превратить Англию в республиканскую, или парламентскую, монархию. «Новое зрелище» Фергюсона – это постреволюционное устройство Англии, а не трансформация европейского дворянства. Он утверждал, что свобода может быть создана только законом («правами собственности и сословными правами») [139]. Монархии, обеспечившие свободу своих подданных, – это те монархии, которые, как и Англия, «предоставили всем слоям населения, будь то через представительство или иным образом, реальную долю в законодательном процессе» [140]. Только представители парламента, а не судебная власть, которую отстаивал Монтескье, были способны поддерживать и защищать закон [141]. Как сказал Монтескье своему другу Уильяму Палтни, Палата общин была «костью нашей кости и плотью нашей плоти» [142]. Защищая право Палаты общин на исключение Уилкса, Фергюсон утверждал, что «они не могут вырвать частичку нашей плоти, не вырвав при этом частичку своей». Вот что имеет в виду Конституция, когда говорит, что мы находимся под защитой наших собственных представителей [143].

Вскоре после того, как Фергюсон опубликовал свой «Очерк», Джон Миллар также попытался передвинуть границу, проведенную Юмом между феодальным и современным периодами [144]. Как и Фергюсон, он считал династию Тюдоров последней фазой феодального правления: в серии лекций 1787–1788 гг. он называл ее «феодальной монархией» [145]. Германские варварские поселения, выросшие на месте бывших западных провинций Римской империи, начинались как сообщества независимых вождей, владевших аллодами (аллод – свободно отчуждаемая индивидуально-семейная земельная собственность в Западной Европе периода феодализма. — *Прим. пер.*), и вассалов, владевших феодальными землями, пожалованными вождями (позже Миллар в своих лекциях назвал этот этап «феодальной аристократией») [146]. Вожди, как правило, объединялись под началом

военачальника или короля для взаимной защиты, но для того, чтобы объявить войну или заключить мир, королю требовалось согласие всех его вассалов. По мнению Миллара, именно так появились «древние парламенты Франции, кортесы в Испании и Виттенэджмот (Wittenagemote – собрание знатных представителей в англосаксонской Англии. — *Прим. пер.*) в Англии» [147]. Однако, поскольку варварские монархии были обширными, короли часто не могли обеспечить безопасность своих наименее влиятельных вассалов. В результате вожди, владевшие меньшими аллодами и, следовательно, имевшие меньше вассалов, попадали в вассальную зависимость от более могущественных соседей. Миллар утверждал, что именно благодаря этому процессу «феодальная система сформировалась на большей части территории Европы»: в какой-то момент даже самые могущественные владельцы аллодов уже не могли защититься от других и попадали в вассальную зависимость от короля. Именно так «все королевство объединилось в одно большое поместье», как это было при Вильгельме Завоевателе в Англии или Гуго Капете во Франции [148]. Тюдоры были последними, кто получил выгоду от этой системы в Англии: они подняли королевские прерогативы на высоту, несовместимую со «свободой народа» [149].

Как и Фергюсон, Миллар утверждал, что феодальная монархия Тюдоров начала рушиться с развитием торговли [150]. Развитие торговли предметами роскоши позволило беднякам получать прибыль от своего труда и становиться независимыми от феодалов. В то же время дворяне «подсели» на потребление и обременяли свои поместья долгами, чтобы поддерживать свои новые привычки, из-за чего попадали в руки торговцев, которые просто хотели обеспечить правовую защиту своей собственности (то, что Миллар называл «чувством свободы») [151]. Вскоре за богатством последовало могущество: ссылаясь на «Историю» Юма, Миллар утверждал, что Карл I был вынужден уступить «растущей власти простого народа». Народное требование правовой защиты со стороны короны привело к созданию «самого народного», или демократического, правительства, которое только можно было создать на руинах крупной феодальной монархии. В то время феодальная монархия в Англии была ликвидирована только потому, что потребление предметов роскоши передало богатство в руки общин, что позволило Нижней палате в XVII в. подавить власть короны (этот этап он позже назвал в своих лекциях «коммерческим правительством») [153].

Наблюдения Миллара не только опровергают утверждение Юма о том, что период правления Тюдоров ознаменовал начало современной истории: данный период также придал европейской феодальной системе республиканский характер. Ссылаясь на французского историка Габриэля Бонно де Мабли, а не на Монтескье, Миллар утверждал, что в «каждом из феодальных королевств», возникших на руинах Римской империи, суверенитет осуществлялся «национальным советом», состоявшим из независимых, или «аллодиальных», землевладельцев, а король выделялся тем, что был крупнейшим землевладельцем [154]. Членство в законодательном органе зависело от наличия собственности,

и единственное, что менялось на трех этапах правления, описанных Милларом, – «феодальная аристократия», «феодальная монархия» и «коммерческое правление», – это количество собственников. Именно по этой причине Миллар позже раскритиковал описание Тюдоров, данное Юмом, в своей книге «Исторический обзор английского управления» (1787) [155]. По его словам, Юм допустил «грубую ошибку», назвав законодательную власть английских парламентов эпохи Тюдоров «ошибочным представлением» [156]. Парламент продолжал издавать законы, как и со времен прихода саксов в Римскую Британию: именно посредством парламентских актов, как отмечал Миллар, Генрих VIII упразднил монастыри, стал главой церкви и отменил гражданскую власть папы [157]. Потребление предметов роскоши изменило английскую политику, демократизировав владение собственностью, но не способствовало переходу от «старого» к «новому». По мнению Миллара, эту функцию выполнили германские завоеватели Римской империи: феодальные правительства, которые они создали в бывших западных провинциях Римской империи, были современными, потому что древним не была знакома парламентская монархия [158]. Единственное различие между нормандским и современным британским парламентами заключалось в том, что последний был более демократичным, поскольку землевладение стало более распространенным явлением [159]. Он объяснил своим студентам, что приоритетом для современной Британии является сохранение такого положения дел. Чтобы не допустить возврата к аристократическим парламентам, характерным для периода с XI по XVI в., Миллар предложил предоставить избирательное право рабочим, получающим достаточно высокую заработную плату [160]. «Самое популярное» из всех западноевропейских правительств могло бы существовать, если бы право собственности было распространено на более широкие слои населения, в том числе за счет включения в это понятие доходов от заработной платы [161].

Как и Фергюсон, Миллар отвергал предложенную Юмом периодизацию истории: оба историка считали, что правительство Тюдоров было феодальным, а не переходным этапом к зарождению новой культуры – или системы «нравов». Но Миллар пошел дальше Фергюсона и поставил под сомнение само существование различий между феодальной и современной политикой [162]. По замыслу Миллара, в его «Истории Европы» не было места для аналитического разграничения, которое Юм проводил между жизнью феодалов и современных ему дворян. Не было места и для предположения Юма о том, что фундаментальная характеристика «Новой истории» заключается в образе жизни, который стал возможен благодаря современным дворянам: в новом чувстве защищенности – или «личной свободе» – арендаторов дворянских поместий или тех, кто зарабатывал на жизнь, удовлетворяя желания дворян. Для Миллара, как и для Фергюсона, было крайне важно возродить идею о том, что свобода возможна только в государствах с широким распространением землевладения и народным собранием, в котором могут быть представлены интересы землевладельцев. Вместо того чтобы восхищаться

мрачным описанием современного мира, предложенным Юмом, они открыто отвергали его политические взгляды.

IV. В серии лекций, которые он начал читать зимой 1762 г., в свой последний год на посту профессора моральной философии в Глазго, Адам Смит принял участие в шотландских дебатах о содержании и периодизации современной истории [163]. В рамках обширного курса по истории государственного управления в Западной Европе он рассказывал своим студентам, что «дворянство неизбежно приходило в упадок, как только в сельской местности монархий XVI в. появлялись роскошь и искусство», и что «их упадок повсеместно приводил к установлению абсолютной власти короля» [164]. Смиту был на руку этот сдвиг. При абсолютной монархии, какой была монархия Тюдоров, «большей части нации» почти нечего было бояться короны, в то время как все страдали от произвола «мелких лордов» [165]. Смит объяснял, что народ никогда не будет чувствовать себя в безопасности, пока не ограничат власть дворянства [166].

Смит вновь вступил в полемику в своей самой влиятельной работе по шотландской политической экономии – «Исследовании о природе и причинах богатства народов» [167]. Как и Дальримпль, Кеймс, Фергюсон и Миллар, Смит выдвинул «предположительную» теорию о том, как человеческое общество со временем становилось более цивилизованным [168]. Однако он утверждал, что Юм был «единственным автором», обратившим внимание на то, как потребление предметов роскоши принесло «свободу и безопасность» тем, кто раньше жил в условиях непрекращающихся феодальных войн [169]. Рассказ Смита о приходе современной свободы в Европу, содержащийся в третьей книге его исторического труда, тщательно повторяет и развивает центральный аргумент «Истории» Юма [170].

Ученые долгое время были озадачены молчанием Смита [171]. Где ссылки на других шотландских юристов и историков, которые проводили параллель между торговлей и свободой, таких как Кеймс, Фергюсон, Миллар, Робертсон или якобитский политэконом сэр Джеймс Стюарт? Однако Смит не случайно ссылается именно на «Историю» Юма. Выделив Юма и так тщательно пересказав его «Историю», Смит указал на ее главную мысль: современный мир вышел из феодальной эпохи только тогда, когда жители европейских монархий, как собственники, так и наемные работники, почувствовали себя в достаточной безопасности, чтобы обрести чувство независимости. Только Юм связывал появление такого рода свободы с XVI в., когда феодальная знать превратилась в зажиточных землевладельцев, а бывшие солдаты стали ремесленниками в городах. Для других, например для Джона Миллара, рост потребления предметов роскоши среди английской знати XVI в. был важен лишь постольку, поскольку он приводил к перераспределению собственности, позволяя большему количеству людей владеть имуществом и обеспечивать себе свободу через своих представителей в Палате общин. Для Миллара, как выразилась Кэтрин Маколей, «собственность на землю» и «право голоса в законодательном органе» были одним и тем же и единственным

способом обеспечить безопасность, которую Юм находил в постфеодальной политической культуре [172]. Именно поэтому Миллар опасался, что Британия вернется к аристократической модели владения собственностью, и хотел предотвратить такую возможность – если потребуется – путем расширения понятия владения собственностью. Учитывая, что Миллар рассматривал современную политику с определенной точки зрения, неудивительно, что его главный труд – «Исторический обзор» – был посвящен истории английских землевладельцев и представлявшего их интересы парламента.

В отличие от Миллара, Смит разделял взгляды Юма на современную историю. Его собственная главная работа, напротив, была посвящена исследованию того, как могут сосуществовать наживающиеся на спекуляциях аристократы и наемные рабочие в современном мире Юма, не вступая в экзистенциальный конфликт. Вместо перераспределения собственности Смит предлагал поддерживать высокие зарплаты за счет неуклонного повышения производительности труда [173]. Смит утверждал, что, хотя зарплаты в развитых экономиках, таких как британская, всегда будут ниже, чем в менее развитых странах, повышение производительности труда позволит Великобритании опередить их, не прибегая к имперским проектам или рабству [174]. В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» Смит критиковал иберийские империи в Перу и Мексике, европейские поселения на западном побережье Африки и правление Британской Ост-Индской компании в Индии [175]. Однако его антиимпериалистические взгляды не были следствием космополитичной способности воспринимать странные и незнакомые сообщества как «составляющие существующие формы жизни» [176]. Как показал недавно Онур Индже, Смит оправдывал существование аграрных колоний поселенцев в Британской Северной Америке тем, что коренные американские общины не имели представления о собственности на землю и поэтому не могли быть экспроприированы [177]. По мнению Индже, оправдания Смита были одной из многих попыток Великобритании примирить насилие колониальной экспроприации с представлениями о «либеральной» имперской политической экономии [178].

Приниженное положение, которое Смит отводил коренным американцам, также основывалось на его представлениях о том, как возник современный мир. В 1763 г. Смит уже указывал своим ученикам, что германские племена, которые «вторглись в Европу» в V в., были «на шаг впереди» коренных американцев XVIII в. [179] Американцы были «дикими» охотниками-собирателями, в то время как германцы находились на переходном этапе между скотоводством и земледелием – двумя последовательными этапами предлагавшейся Смитом теории цивилизации [180]. Смит объяснял, что человеческое общество стало нуждаться в руководящем органе для разрешения споров только после того, как люди начали выживать за счет скотоводства, поскольку скотоводство (в отличие от охоты и собирательства) породило понятие собственности на землю [181]. Одна из причин, по которой Смит никогда не рассматривал земельную собственность

и управление как активные понятия в первобытных общинах, заключается в том, что они никогда не были характерны для античной, феодальной или современной европейской истории: по его мнению, ни германские племена, такие как франки и саксы, ни греки и римляне до них никогда не были охотниками-собирателями. В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» Смит утверждал, что коренные жители Перу, Мексики, Западной Африки и Восточной Индии в XVIII в. уже были «пастухами» [182]. Они жили так же, как германские племена, основавшие феодальные монархии Западной Европы. Их можно было бы включить в контекст европейской истории, и они были упомянуты в работе Смита, посвященной имперской несправедливости. Но неясно, смогли бы коренные американцы совершить решающий скачок в развитии от охоты к скотоводству. Хотя взгляд Смита на историю был более благосклонным к неевропейским народам, чем у Юма, у него были свои ограничения. Коренные американцы, казалось, обитали в другом временно́м измерении, вне периметра несправедливости, очерченного Смитом.

V. Можно с уверенностью утверждать, что многие шотландцы, о которых идет речь в этой статье, так и не избавились от ощущения, что в истории Англии есть что-то особенное. Кеймс дополнил вездесущую английскую историю времен революции. «История современного мира» Юма по-прежнему выходила под названием «История Англии». Фергюсон и Миллар превозносили достоинства представительной парламентской системы правления. Однако, если рассматривать их в рамках английской традиции вигов, становится ясно, что они вели жаркие споры о том, что в большей степени способствовало становлению современного мира: манеры поведения, землевладение, представительство, протестантизм или потребление. Независимо от того, где находился «главный двигатель» перехода, их истории о том, как современный мир возник из феодальной (или античной) эпохи, привлекали французскую науку не меньше, чем английскую, и выходили далеко за рамки зацикленности вигов на английской революции 1688–1699 гг. [183] Миры, которые они представляли, также ограничивались феодальными (или постфеодальными) монархиями Западной Европы, которые, в свою очередь, возникли из бывших западных провинций Римской империи. Сообществам, существовавшим за пределами этих мест, таким как «дикие» коренные жители Америки или Африки, часто отказывали в возможности социального и нравственного развития. В модернистской историографии Шотландии период Новой истории противопоставлялся цивилизационному этапу, которого теоретически могли достичь все.

Эти выводы наводят на мысль, что было бы полезно вернуться к вопросу о том, как исторические дискурсы эпохи Просвещения в Шотландии повлияли на интеллектуальную и политическую культуру Британии конца XVIII – начала XIX в. Хорошо известно, что многие произведения, о которых идет речь в этой статье, переиздавались большими тиражами в конце XVIII – начале XIX в.; что они занимали центральное место в подписных библиотеках, которые открывались в городах Шотландии; что их

изучали в Эдинбурге студенты, основавшие самое успешное британское периодическое издание начала XIX в. – «Эдинбургское обозрение»; что их можно было найти в библиотеках британских политиков и колониальных чиновников начала XIX в., многие из которых являлись шотландцами [184]. Помимо истории о космополитическом наследии шотландской социальной теории, не совсем ясно, как именно эти читатели использовали указанные работы.

Благодарности. Выражаем благодарность Тому Арнольду-Форстеру, Грэму Клюру, Фредди Фоксу, Джону Робертсону, Люциану Робинсону, Майклу Зоненшеру, Иэну Стюарту и Розанне Вебстер за их щедрую помощь в работе над версиями статьи. Мы также хотели бы поблагодарить Джона Галлахера и двух читателей The Historical Journal за их конструктивные предложения.

Заявление о финансировании. Исследования, на основе которых появилась эта статья, в разное время финансировались Советом по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук, фондом Fondazione 1563 и фондом Leverhulme Trust.

Пер. с англ. П.А. Искендеров

Примечания

1. Henry Home to Andrew Fletcher, Lord Milton, 30.10.1745. National Library of Scotland (NLS), Saltoun Papers, MS 16609, fo. 62–63. Хоум был практикующим адвокатом (действительным членом шотландской коллегии адвокатов – Faculty of Advocates) и получил титул лорда Кеймса только после назначения на должность судьи в 1752 г. Для ясности мы будем называть его лордом Кеймсом на протяжении всей статьи. Лорд Милтон в то время был лордом-судьей, главой уголовного суда Шотландии.
2. HOME H., LORD KAMES. Essays upon Several Subjects Concerning British Antiquities. Edinburgh. 1747, p. 1.
3. Ibid., p. 17.
4. Ibid., p. 13, 155–156.
5. Ibid., p. 159.
6. LORD KAMES. Historical Law-Tracts. Vol. I. Edinburgh. 1758, p. 198–218.
7. Lord Kames to Sir Gilbert Elliot, Third Baronet and Lord Minto, 06.02.1758, NLS, Minto Papers, MS 11014, fo. 111; LORD KAMES. Considerations upon the State of Scotland with Respect to Entails: Addressed to Lord Chancellor Hardwicke, with Accompanying Letter. 29.08.1759. In: LEHMANN W.C. Henry Home, Lord Kames, and the Scottish Enlightenment. Hague. 1971, p. 327–331, p. 330; LORD KAMES. Historical Law-Tracts. Vol. I…, p. V–XVI.
8. Отдельно стоит рассмотреть вопрос, следует ли современным историкам применять термин «феодальный» к социальным и политическим отношениям в средневековой Европе. См.: REYNOLDS S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford. 1994.
9. О пакете законов, принятых после восстания, см.: DZIENNIK M. "Under ye Lash of ye Law": The State and the Law in the Post-Culloden Scottish Highlands. – Journal of British Studies. 2021. Vol. 60, p. 609–631; HOPPIT J. Compulsion, Compensation, and Property Rights in Britain, 1688–1833. – Past & Present. 2011. Vol. 210, p. 108–115. О распространенном толковании наследственных юрисдикций как «феодальных» см. дебаты по законопроекту о наследственных юрисдикциях в обеих палатах парламента: The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803 / Ed. W. Cobbett. Vol. XIV. London. 1813, col. 49, 54; см. также анонимные памфлеты: Superiorities Display'd: Or, Scotland's Grievance, by Reason of the Slavish Dependence of the People upon Their Great Men. Edinburgh. 1746, p. 3, 9; An Ample Disquisition into the Nature of Regalities and other Heretable Jurisdictions. London. 1747, p. 7–10.

10. Обзор литературы о шотландском Просвещении см.: SEBASTIANI S. The Scottish Enlightenment: Race, Gender, and the Limits of Progress. Basingstoke. 2013, p. 1–23.
11. KIDD C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689 – c. 1830. Cambridge. 1993, p. 97–215; PITTOCK M. Inventing and Resisting Britain: Cultural Identities in Britain and Ireland, 1685–1789. London. 1997, p. 140–145. См. также: FORBES D. "Scientific" Whiggism: Adam Smith and John Millar. – Cambridge Journal. 1954. Vol. 7, p. 643–671; IBID. Sceptical Whiggism, Commerce, and Liberty. In: Essays on Adam Smith / Eds.: A. Skinner, Th. Wilson. Oxford, 1975, p. 179–202; IBID. Hume's Philosophical Politics. Cambridge. 1975; PHILLIPSON N. David Hume: The Philosopher as Historian. London. 1989; repr. London. 2011; POCOCK J. The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge. 1957; repr. 1987; IBID. Barbarism and Religion: In 6 Vols. Cambridge. 1999–2015; HARRIS J. Hume: An Intellectual Biography. Cambridge. 2015.
12. Противоположные точки зрения на широту и глубину влияния вигов и якобитов в Шотландии XVIII в. см.: WHATLEY CH. Reformed Religion, Regime Change, Scottish Whigs and the Struggle for the "Soul" of Scotland, c. 1688 – c. 1788. – Scottish Historical Review. 2013. Vol. 92, p. 66–99; MACINNES A. Jacobitism in Scotland: Episodic Cause or National Movement? – Ibid. 2007. Vol. 86, p. 225–252.
13. Одно из многочисленных определений английской традиции вигов, данное Гербертом Баттерфилдом, отождествляет ее с национальным взглядом на историю Англии с конца XVI в. Об этом см.: BUTTERFIELD H. The Englishman and His History. Cambridge. 1944, p. 72. О таком взгляде на традицию вигов см. также: GHOSH P. Gladstone and Peel. In: Politics and Culture in Victorian Britain: Essays in Memory of Colin Matthew / Eds.: P. Ghosh, L. Goldman. Oxford. 2006, p. 48.
14. О «древней конституции» см.: GOLDIE M. The Ancient Constitution and the Languages of Political Thought. – Historical Journal. 2019. Vol. 62, p. 3–34; POCOCK J. Op. cit.; об истории вигов с XVIII по XX вв. см.: GHOSH P. Macaulay and the Heritage of the Enlightenment. – English Historical Review. 1997. Vol. 112, p. 358–395; BLAAS P. Continuity and Anachronism: Parliamentary and Constitutional Development in Whig Historiography and in the Anti-Whig Reaction between 1890 and 1930. Hague. 1978; PARKER CH. The English Historical Tradition since 1850. Edinburgh. 1990.
15. По поводу утверждения, что революция сделала Англию «современной», см.: HERVEY L.J. Ancient and Modern Liberty Stated and Compar'd. London. 1734. О революции как восстановлении саксонской политики см.: ST. JOHN VISCOUNT BOLINGBROKE H. Remarks on the History of England. London. 1743.
16. KIDD C. Op. cit., p. 210. По мнению Кидда, эта шотландская идея «современности» Англии была исторически обусловленной, а не предвосхищением или приближением к новым представлениям о «современности», которые историки стали все чаще связывать с европейским Просвещением начиная с середины 1990-х гг. Об этом см.: ROBERTSON J. Enlightenment and Modernity, Historians and Philosophers. – International Journal for History, Culture, and Modernity. 2020. Vol. 8, p. 278–321.
17. KIDD C. Op. cit., p. 205–215. См. также: O'BRIEN K. Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge. 1997, p. 11–12; FORBES D. Hume's Philosophical Politics…, p. 296–297; WINCH D. Adam Smith's Politics: An Essay in Historiographic Revision. Cambridge. 1978, p. 72–75, 99–102; IBID. The System of the North: Dugald Stewart and His Pupils. In: That Noble Science of Politics: A Study in Nineteenth-Century Intellectual History / Eds.: S. Collini, D. Winch, J. Burrow. Cambridge. 1983, p. 28; IBID. Riches and Poverty: An Intellectual History of Political Economy in Britain, 1750–1834. Cambridge. 1996, p. 75; FONTANA B. Rethinking the Politics of Commercial Society: The Edinburgh Review, 1802–1832. Cambridge. 1985, p. 17–18, 108.
18. FORBES D. The European, or Cosmopolitan, Dimension in Hume's Science of Politics. – British Journal for Eighteenth-Century Studies. 1978. No. 1, p. 57–61; IBID. Hume's Philosophical Politics…, p. 125–192; BURROW J. A Liberal Descent: Victorian Historians and Their English Past. Cambridge. 1981, p. 27; KIDD C. North Britishness and the Nature of Eighteenth-Century British Patriotisms. – Historical Journal. 1996. Vol. 39, p. 361–382; IBID. Subverting Scotland's Past…, p. 205–215; O'BRIEN K. Op. cit.; PLASSART A. The Scottish Enlightenment and the French Revolution. Cambridge. 2015, p. 31.
19. DE SECONDAT, BARON DE MONTESQUIEU CH.-L. De l'esprit des loix: In 2 Vols. Geneva. 1748; лучшую характеристику его приема во Франции

и швейцарских кантонах см.: SONENSCHER M. Before the Deluge: Public Debt, Inequality, and the Intellectual Origins of the French Revolution. Princeton. NJ, 2007; IBID. Sans-Culottes: An Eighteenth-Century Emblem in the French Revolution. Princeton, NJ. 2008.
20. MONTESQUIEU. The Spirit of the Laws / Eds.: A.M. Cohler, B.C. Miller, H.S. Stone. Cambridge. 1989, book 28, 30, 31. Для общего ознакомления с этими книгами см.: BINOCHE B. Introduction à De l'esprit des lois de Montesquieu. Paris. 2015, p. 342–363. О Монтескье и современности феодального правления см.: SONENSCHER M. Op. cit., p. 108–109, 132–133. О более широком обсуждении Монтескье и периодизации истории см.: RAMGOTRA M. Time, Modernity, and Space: Montesquieu and Constant's Ancient / Modern Binaries. — History of European Ideas. 2022. Vol. 48, p. 263–279.
21. Monthly Review. 1749. No. 1, p. 229–237, 241–250, 401–407; две главы также были переведены и опубликованы вместе в качестве памфлета: Chapters of a Celebrated French Work, entitled, De l'esprit des loix, translated into English. Edinburgh. 1750.
22. MEEK R. Social Science and the Ignoble Savage. Cambridge. 1976; WINCH D. Op. cit.; COLLINI S., WINCH D., BURROW J. Prologue: The Governing Science: Things Political and the Intellectual Historian. In: That Noble Science of Politics…, p. 1–21; O'BRIEN K. Between Enlightenment and Stadial History: William Robertson on the History of Europe. — Journal for Eighteenth-Century Studies. 1993. Vol. 16, p. 53–64; SHER R. From Troglodytes to Americans: Montesquieu and the Scottish Enlightenment on Liberty, Virtue and Commerce. In: Republicanism, Liberty and Commercial Society / Ed. D. Wootton. Stanford, CA. 1994, p. 368–402; MOORE J. Montesquieu and the Scottish Enlightenment. In: Montesquieu and His Legacy / Ed. R. Kingston. NY. 2008, p. 179–195.
23. DALRYMPLE J., SIR An Essay towards a General History of Feudal Property in Great Britain. London. 1757; IBID. Considerations upon the Policy of Entails in Great Britain. Edinburgh. 1764.
24. ROBERTSON W. The History of Scotland. Vol. II. London. 1759, p. 249; IBID. The Situation of the World at the Time of Christ's Appearance, and Its Connexion with the Success of His Religion, Considered. Edinburgh. 1755. Об обучении, которое вместо этого облачает Робертсона в одежды космополитизма и вигов, см.: O'BRIEN K. Narratives of Enlightenment…, p. 111–113; KIDD C. Subverting Scotland's Past…, p. 180–184, 207–208; IBID. The Ideological Significance of Robertson's History of Scotland. In: William Robertson and the Expansion of Empire / Ed. S. Brown. Cambridge. 1997, p. 132–133; POCOCK J. Op. cit.; IBID. Barbarism and Religion. Vol. II. Cambridge. 2000, p. 264–265.
25. William Robertson to Philip Yorke, Second Earl of Hardwicke, 19.01.1760. British Library, Hardwicke Papers, Add. MSS 35350, fo. 58–59.
26. David Hume to Montesquieu, 10.04.1749. In: The Letters of David Hume. Vol. I / Ed. J.Y.T. Grieg. Oxford. 1932, p. 133–139.
27. TOWSEY M. Reading History in Britain and America…, c. 1750–1840. Cambridge. 2019, p. 103–138; PHILLIPS M.S, SMITH D.R. Canonization and Critique: Hume's Reputation as a Historian. In: The Reception of David Hume in Europe / Ed. P. Jones. London. 2005, p. 299–313; BAVERSTOCK J. "A Chief Standard Work": The Rise and Fall of David Hume's "History of England", 1754 – c. 1900: PhD. Thesis. University College. London. 1997.
28. SMITH A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Eds.: R.H. Campbell, A.S. Skinner, W.B. Todd: In 2 Vols. Oxford. 1976; repr. Indianapolis, IN. 1981.
29. BREWER H. Creating a Common Law of Slavery for England and Its New World Empire. — Law and History Review. 2021. Vol. 39, p. 765–834; SIDDIQUE A.K. Beyond Somerset? Slavery and the Temporality of Law. — Ibid. 2022. Vol. 40, p. 591–595; HULSEBOSCH D. Confiscation Nation: Settler Postcolonialism and the Property Paradox. — Yale Journal of Law & the Humanities. 2022. Vol. 33. URL: https://ssrn.com/abstract=4101307; см. также: DAVIS K. Periodization and Sovereignty: How Ideas of Feudalism and Secularization Govern the Politics of Time. Philadelphia, PA. 2008; REYNOLDS S. Op. cit.; BROWN E. The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe. — American Historical Review. 1974. Vol. 79, p. 1063–1088.
30. О первых см.: MANDLER P. Looking around the World. In: Time Travelers: Victorian Encounters with Time and History / Eds.: A. Buckland, S. Qureshi. Chicago, IL. 2021, p. 24–41; IBID. "Race" and "Nation" in Mid-Victorian Thought. In: History, Religion, and Culture: British Intellectual History, 1750–1950 / Eds.: S. Collini, R. Whatmore, B. Young. Cambridge. 2000, p. 224–244; о вторых см.: MEHTA U.S. Liberalism and Empire: A Study in Nineteenth-Century British Liberal Thought. Chicago, IL. 1999; PITTS J.

A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton, NJ. 2005; MANTENA K. Alibis of Empire: Henry Maine and the Ends of Liberal Imperialism. Princeton, NJ. 2010; O'BRIEN K. Empire, History, and Emigration: From Enlightenment to Liberalism. In: Race, Nation and Empire: Making Histories, 1750 to the Present / Eds.: C. Hall, K. McClelland. Manchester. 2010, p. 15–36; см. также: BURROW J. Evolution and Society: A Study in Victorian Social Theory. Cambridge. 1966; repr. 1970.

31. О скептическом взгляде на идею, что шотландская стадиальная теория, или «гипотетическая история», концептуализирует универсальную систему отсчета времени, см.: GARRETT A. Law, Chronology, and Scottish Conjectural History. In: Time, History, and Political Thought / Ed. J. Robertson. Cambridge. 2023.

32. Предлагая некоторые размышления об этой загадке интерпретации, статья опирается на следующий источник: INCE O.U. Adam Smith, Settler Colonialism, and Limits of Liberal Anti-Imperialism. — Journal of Politics. 2021. Vol. 83, p. 1080–1096; BELL D. Reordering the World: Essays on Liberalism and Empire. Princeton, NJ. 2016.

33. HUME D. The History of Great Britain. Vol. I: Containing the Reigns of James I and Charles I. Edinburgh. 1754. Второй том был опубликован в марте 1757 г. См.: HUME D. The History of Great Britain. Vol. II: Containing the Commonwealth, and the Reigns of Charles II and James II. London. 1757.

34. Hume to William Mure of Caldwell, Feb. 1757. In: The Letters of David Hume. Vol. I…, p. 241–4; Hume to Adam Smith, Feb./Mar. 1757. In: Ibid., p. 245–246.

35. Hume to Andrew Millar, 20 May 1757. In: Ibid., p. 249.

36. Hume to William Strahan, 25 May 1757. In: Ibid., p. 250–251.

37. HUME D. The History of England under the House of Tudor: In 2 Vols. London. 1759.

38. IBID. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Accession of Henry VII: In 2 Vols. London. 1762. Хотя на титульной странице стоит 1762 г., работа была опубликована 17 ноября 1761 г.

39. IBID. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688: In 8 Vols. London. 1762. Здесь и далее все ссылки даются на посмертное издание 1778 г., переизданное лондонским книготорговцем Томасом Каделлом: IBID. The History of England: from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688 / Ed. W. Todd: In 6 Vols. Indianapolis, IN. 1983.

40. IBID. The History of England: From the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. V, p. 14–19, 125–127. Лучшим повествованием о подходе Юма к «древней конституции» Англии остается работа: FORBES D. Hume's Philosophical Politics…, p. 260–308. Об исторических воззрениях Юма в период до написания «Истории» см.: FARIA P. The Structure of Hume's Historical Thought before the History of England. — Intellectual History Review. 2022. DOI: 10.1080/17496977.2022.2154998.

41. HUME D. The History of England: From the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. V…, p. 40, 134–135.

42. Ibid., p. 10–11, 85, 93–95, 211–213, 250–300, 380, 441–443, 459–460; Ibid. Vol. VI. London. 1762, p. 60–64, 73–74. Наилучшее представление о проблематике конфессиональной политики в «Истории» см.: POCOCK J. Barbarism and Religion. Vol. II…, p. 209–215.

43. HUME D. The History of England: From the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. VI…, p. 531.

44. POCOCK J. Barbarism and Religion. Vol. II…, p. 179, 199–222; KIDD C. Subverting Scotland's Past…, p. 210; HARRIS J. Op. cit., p. 321, 328–329, 374, 406; PHILLIPSON N. Op. cit., p. 99–102, 117; FORBES D. Hume's Philosophical Politics…, p. 309–310.

45. POCOCK J. Barbarism and Religion. Vol. II…, p. 247; тома, посвященные Тюдорам и готике, также дали Юму «пищу для размышлений». — PHILLIPSON N. Op. cit., p. 117–118.

46. HUME D. The History of England: From the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. V…, p. 7, 131, 153, 220, 240, 304, 459; Ibid. Vol. VI, p. 75, 142–143, 321, 533.

47. Ibid. Vol. III. London. 1762, p. 81–82.

48. ST JOHN, VISCOUNT BOLINGBROKE H. Op. cit., p. 134. Болингброк был оппозиционным тори и якобитом, но в начале 1730-х гг. начал использовать идеи вигов, чтобы оспорить авторитет администрации Роберта Уолпола. Детали его политики см.: SKJÖNSBERG M. Lord Bolingbroke's Theory of Party and Opposition. — Historical Journal. 2016. Vol. 59, p. 947–973.

49. Литтелтон являлся членом парламента от Окхэмптона и одновременно главой Казначейства. — The Parliamentary History of England. Vol. XIV, col. 48; см. также: Superiorities Display'd..., p. 3, 9; Disquisition into Regalities..., p. 7–10.
50. The Reason of the Progress of Liberty in England. — Daily Gazetteer. No. 30. 1735. August 2; London Journal. No. 24. 1735. July 26; Ibid. No. 768. 1734. March 16.
51. VOLTAIRE. Letters Concerning the English Nation. London. 1733, p. 59–66; GUTHRIE W. A General History of England: From the Invasion of the Romans under Julius Caesar, to the Late Revolution in 1688. Vol. I. London. 1744, p. 80–103; Ibid. Vol. III. London. 1751, p. 1384–1395.
52. Майорат, или последующая плата, был ограничительным видом земельного наделения, используемым землевладельцами для того, чтобы помешать их наследникам разбить, продать или заложить свои поместья. О законодательстве Генриха VII (4 Hen. VII, c. 24) см.: The Statutes at L. Vol. II / Ed. O. Ruffhead. London. 1763, p. 79–80. Истоки утверждений о законодательстве Генриха VII можно найти в исторических трудах английского государственного деятеля Джеймса Харрингтона и более отдаленно – в трудах английского философа Фрэнсиса Бэкона. См.: HARRINGTON J. The Commonwealth of Oceana [1656]. In: The Political Works of James Harrington / Ed. J. Pocock. Cambridge. 1977, p. 192–197; BACON F. The History of the Reign of King Henry VII [1622] / Ed. B. Vickers. Cambridge. 1998, p. 64–68, 182. Об исторических идеях Харрингтона см.: POCOCK J. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, NJ. 1975; repr. 2003, p. 406–430. Об английской налоговой системе см.: BIANCALANA J. The Fee Tail and the Common Recovery in Medieval England, 1176–1502. Cambridge. 2001.
53. HOME H., LORD KAMES. British Antiquities..., p. 1–25. Об идентичных исках как оппозиции (провинциальных вигов), так и правительства (придворных вигов) в Англии см.: ST JOHN, VISCOUNT BOLINGBROKE H. Op. cit., p. 134; London Journal. No. 769. 1734. March 23. Об истоках этого утверждения в английских и шотландских антикварных исследованиях XVII в. см.: POCOCK J. Ancient Constitution..., p. 91–124, 182–228.
54. ST JOHN, VISCOUNT BOLINGBROKE H. Op. cit., p. 136–137.
55. Ibid., p. 138.
56. О перераспределении собственности как «центральной теме» «Истории» см.: FORBES D. Hume's Philosophical Politics..., p. 280–281, 296–297, 312–314; KIDD C. Subverting Scotland's Past..., p. 212; PHILLIPSON N. Op. cit., p. 76–77, 103; HARRIS J. Op. cit., p. 175–179, 319, 329, 345, 384; POCOCK J. Barbarism and Religion. Vol. II..., p. 171, 202–206, 222–223; WOOTTON D. David Hume, "the Historian". In: The Cambridge Companion to Hume / Ed. D.F. Norton. Cambridge. 1993, p. 447–479.
57. HUME D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. I. London. 1762, p. 455–456.
58. MONTESQUIEU. The Spirit of the Laws..., Book 5, Ch. 10–11; Book 30, Ch. 3–5, 8–10, 16–18, 20; Book 28, Ch. 38, 39, 45.
59. Ibid. Book 5, Ch. 11.
60. Ibid., Ch. 9.
61. Ibid. Book 20, Ch. 21. Это заявление вызвало широкую дискуссию в Пруссии и Франции о политике феодальной собственности; см.: ADAM U. Nobility and Modern Monarchy – J.H.G. Justi and the French Debate on Commercial Nobility at the Beginning of the Seven Years War. — History of European Ideas. 2003. Vol. 29, p. 141–157; PIIRIMÄE E. Thomas Abbt's Vom Tode für das Vaterland (1761) and the French Debates on Monarchical Patriotism. — Trames: Journal of Humanities and Social Sciences. 2005. Vol. 9, p. 326–347; VAZSONYI N. Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the "National Spirit Debate" in Germany, 1765–1767. In: German Studies Review. 1999. Vol. 22, p. 225–246.
62. О том, как саксы избегали феодальных владений, см.: HUME D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. I..., p. 181–182. О введении феодальных отношений в Англии см.: Ibid., p. 195–204, 461.
63. Об уравнивании Юмом англосаксонского и англо-нормандского управления см.: Ibid., p. 165–172, 458–462.
64. Ibid., p. 167.
65. Ibid., p. 458–462.
66. Ibid., p. 462–464.
67. Ibid., p. 484.
68. Ibid., p. 484.

69. Ibid, p. 487.
70. Ibid. Vol. II. London. 1762, p. 6–7.
71. Ibid., p. 21.
72. Ibid., p. 43, 64–65, 73.
73. Ibid., p. 99–106.
74. Ibid., p. 107.
75. Ibid., p. 179–180, 471.
76. Ibid., p. 172.
77. Ibid., p. 271–279, 284. О войне Алой и Белой розы см.: Ibid., p. 436–469.
78. Ibid., p. 522.
79. Ibid. Vol. III. London. 1762, p. 81–82.
80. Ibid., p. 81. Эти три изобретения Фрэнсиса Бэкона уже ассоциировались с «современными людьми». См.: ROBERTSON J. The Scottish Enlightenment at the Limits of the Civic Tradition. In: Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment / Eds.: I. Hont, M. Ignatieff. Cambridge. 1983, p. 148; ZAGORIN P. Francis Bacon. Princeton, NJ. 1998, p. 224–227.
81. HUME D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. IV. London. 1762, p. 385; см. также: Ibid. Vol. III, p. 80.
82. Ibid. Vol. III, p. 80–81. Роль восточноазиатского импорта предметов роскоши и колониальных экспортных рынков в индустриализации Великобритании находится в центре оживленных дебатов в мировой экономической истории. См.: MOKYR J. "The Holy Land of Industrialism": Rethinking the Industrial Revolution. — Journal of the British Academy. 2021. Vol. 9, p. 223–247; BERG M., HUDSON P. Slavery, Atlantic Trade, and Skills: A Response to Mokyr's "Holy Land of Industrialism". — Ibid., p. 259–281; BERG M. In Pursuit of Luxury: Global History and British Consumer Goods in the Eighteenth Century. — Past & Present. 2004. Vol. 182, p. 85–142.
83. HUME D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. IV…, p. 385.
84. Ibid. Vol. III, p. 76–77.
85. Ibidem.
86. Ibid. Vol. IV, p. 384.
87. Ibid. Vol. II, p. 522–524.
88. Ibid. Vol. IV, p. 383–384; см. также: Ibid. Vol. III, p. 80.
89. Ibid. Vol. III, p. 76–77.
90. Ibid. Vol. IV, p. 385. Утверждение о том, что английские землевладельцы, а не новый средний класс стали «классом-завоевателем» в английских гражданских войнах, лежит в основе исследования Тома Найрна: NAIRN T. The Twilight of the British State. In: The Break-Up of Britain: Crisis and Neo-Nationalism. 2nd ed. London. 1977, p. 25.
91. Эти королевства не включали Шотландию. См.: HUME D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. III…, p. 24, 117–119.
92. Ibid. Vol. II, p. 523.
93. Ibid., p. 523–524; см. также: Ibid. Vol. III, p. 80.
94. Ibid., p. 80.
95. Ibid., p. 49, 73–74.
96. Ibid., p. 212, 287. О Реформации Генриха см.: Ibid., p. 186–188, 196–209.
97. Ibid. Vol. IV, p. 363.
98. Ibid. Vol. II, p. 524.
99. Ibid. Vol. V. London. 1762, p. 39–40, 134–135.
100. Ibid. Vol. II, p. 523.
101. HUME D. Of National Characters. In: Essays Moral, Political, and Literary / Ed. E.F. Miller. Indianapolis, IN. 1987, p. 208, 629. Данное эссе было впервые опубликовано здесь: Three Essays, Moral and Political. London—Edinburgh. 1748. Юм добавил к нему примечание о естественной неполноценности небелых рас, когда переиздавал это эссе в первом томе своего труда: HUME D. Essays and Treatises on Several Subjects: In 4 Vols. London. 1753–1754. О текстуальных и контекстуальных дискуссиях вокруг указанного примечания см.: GARRETT A., SEBASTIANI S. David Hume on Race. In: The Oxford Handbook of Philosophy and Race / Ed. N. Zack. Oxford. 2017, p. 31–43.
102. HUME D. Essays and Treatises on Several Subjects: In 2 Vols. London—Edinburgh. 1764. См.: Hume to Andrew Millar, 03.09.1764. In: The Letters of David Hume. Vol. I…, p. 465–466.
103. HONT I. The Rhapsody of Public Debt: David Hume and Voluntary State Bankruptcy. In: Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective. Cambridge, MA. 2005, p. 325–354. Об эссе,

которое первоначально было опубликовано в Political Discourses (Edinburgh, 1752), см.: HUME D. Of Public Credit. In: Essays Moral, Political, and Literary…, p. 349–366.
104. STASAVAGE D. Public Debt and the Birth of the Democratic State: France and Great Britain, 1688–1789. Cambridge. 2003.
105. О восприятии межгосударственной политики, скрывающейся за страхами Юма, см.: ROBERTSON J. Universal Monarchy and the Liberties of Europe: David Hume's Critique of an English Whig Doctrine. In: Political Discourse in Early Modern Britain / Eds.: N. Phillipson, Q. Skinner. Cambridge. 1993, p. 349–377.
106. HUME D. Of Public Credit…, p. 365.
107. Ibid., p. 357.
108. FORBES D. Politics and History in David Hume. — Historical Journal. 1963. Vol. 6, p. 281.
109. HONT I. Op. cit. Альтернативное прочтение концепции Юма как иеремиады вигов см.: POCOCK J. Hume and the American Revolution: The Dying Thoughts of a North Briton. In: Virtue, Commerce, and History. Cambridge. 1985, p. 125–142.
110. HUME D. Of Public Credit…, p. 364.
111. IBID. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. IV…, p. 384.
112. IBID. Of Public Credit…, p. 357–358.
113. См. также: Hume to William Strahan, 25.06.1771. In: The Letters of David Hume. Vol. II / Ed. J.Y.T. Grieg. Oxford. 1932, p. 245.
114. Наилучшим описанием «дела Уилкса» и политики Лондона остается: RUDÉ G. Wilkes and Liberty: A Social Study of 1763 to 1774. Oxford. 1962. См.: COLLEY L. Eighteenth-Century English Radicalism before Wilkes. — Transactions of the Royal Historical Society. 1981. Vol. 31, p. 1–19.
115. CASH A. John Wilkes: The Scandalous Father of Civil Liberty. New Haven, CT. 2006, p. 204–266.
116. RUDÉ G. Op. cit., p. 38–56, 104–134.
117. BREWER J. Party Ideology and Popular Politics at the Accession of George III. Cambridge. 1976, p. 240–267.
118. BOURKE R. Empire & Revolution: The Political Life of Edmund Burke. Princeton, NJ. 2015, p. 254–267.
119. BURKE E. Debate on King's Proclamation for Suppressing Riots, 13 May 1768. In: Debates of the House of Commons, during the Thirteenth Parliament of Great Britain. Vol. I / Ed. H. Cavendish. London. 1841, p. 14–15; цит. по: BOURKE R. Op. cit., p. 255.
120. См.: Hume to Anne Robert Jacques Turgot, 16.06.1768; Hume to William Mure of Caldwell, 18.10.1768; Hume to the Comtesse de Boufflers, 23.12.1768; Hume to Hugh Blair, 28.03.1769. In: The Letters of David Hume. Vol. II…, p. 179–181, 187–188, 189–192, 196–198.
121. Hume to William Strahan, 11.03.1771. In: Ibid., p. 237.
122. Hume to William Strahan, 19.08.1771. In: Ibid., p. 248.
123. HUME D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. III…, p. 76–79.
124. Hume to William Strahan, 25.03.1771. In: The Letters of David Hume. Vol. II…, p. 242.
125. Некоторые ответы были собраны в седьмом и восьмом томах издания «Ранние ответы Юму»: Early Responses to Hume: In 10 Vols. / Ed. J. Fieser. Bristol. 1999–2003.
126. MACAULAY C. The History of England from the Accession of James I to That of the Brunswick Line: In 8 Vols. London. 1763–1783; Hume to Catharine Macaulay, 29.03.1764. In: New Letters of David Hume / Ed. R. Klibansky, E.C. Mossner. Oxford. 1954, p. 80–82. Биографию Маколей см.: HILL B. The Republican Virago: the Life and Times of Catharine Macaulay, Historian. Oxford. 1992; O'BRIEN K. Women and Enlightenment in Eighteenth-Century Britain. Cambridge. 2009, p. 152–172.
127. MACAULAY C. Op. cit. Vol. V. London. 1764, p. 384–385; HUME D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Vol. VI. London. 1762, p. 7–17, 29, 43–45, 53–55, 60–64, 73–74.
128. FORBES D. "Scientific" Whiggism…; KIDD C. Subverting Scotland's Past…, p. 208–209, 212; PLASSART A. Op. cit., p. 31.
129. FERGUSON A. An Essay on the History of Civil Society / Ed. F. Oz-Salzberger. Edinburgh—London. 1767; repr. Cambridge. 1995; MILLAR J. Observations Concerning the Distinction of Ranks in Society. London. 1771.
130. FERGUSON A. Op. cit., p. 98–99.
131. Ibid., p. 127.

132. Ibid., p. 66; Иэн Макдэниел показал, что Фергюсон сотрудничал с Монтескье как с историком Рима: MCDANIEL I. Adam Ferguson in the Scottish Enlightenment. Cambridge, MA. 2013, p. 12–64.
133. FERGUSON A. Op. cit., p. 127.
134. Ibid., p. 101–102.
135. Ibid., p. 128.
136. Ibid., p. 128, 247.
137. Ibid., p. 128.
138. Hume to Hugh Blair, 11.02.1766. In: The Letters of David Hume. Vol. II…, p. 12.
139. FERGUSON A. Op. cit., p. 150.
140. Ibid., p. 159. Недавние исследования свидетельствуют, что Фергюсон отдавал предпочтение смешанному, или представительному, управлению. См.: MCDANIEL I. Op;. cit.; ZENG E. Yi-Jia Empire and Liberty in Adam Ferguson's Republicanism. — History of European Ideas. 2022. Vol. 48, p. 909–929.
141. FERGUSON A. Op. cit., p. 249.
142. Ferguson to William Pulteney, 07.11.1769. In: FERGUSON A. The Correspondence of Adam Ferguson. Vol. I / Ed. V. Merolle. London. 1995, p. 81. Пултни был шотландским адвокатом, а с 1768 г. – членом парламента от Кромарти.
143. Ferguson to William Pulteney, 07.11.1769. См. также: Ferguson to Pulteney, 01.12.1769. In: FERGUSON A. The Correspondence of Adam Ferguson. Vol. I…, p. 85–89.
144. Биографию см. в биографическом введении Джона Крейга: CRAIG J. Account of the Life and Writings of John Millar, esq. In: MILLAR J. The Origin of the Distinction of Ranks; or, an Enquiry into the Circumstances which Give Rise to Influence and Authority, in the Different Members of Society. 4th ed. Edinburgh. 1806, p. I–CXXXIV.
145. См. подборку студенческих заметок, сделанных сыном Миллара Джеймсом, на полях «Лекций об управлении»: MILLAR J. Lectures on Government: In 3 Vols. University of Glasgow Special Collections. MS Gen 289–91. Vol. II, fo. 21.
146. MILLAR J. Observations Concerning the Distinction of Ranks in Society…, p. 161; IBID. Lectures on Government… Vol. II, fo. 21.
147. IBID. Observations Concerning the Distinction of Ranks in Society…, p. 162.
148. Ibid., p. 172–173.
149. Ibid., p. 173–174.
150. Ibid., p. 180–191.
151. Ibid., p. 185–187.
152. Ibid., p. 191.
153. IBID. Lectures on Government… Vol. II, fo. 21.
154. IBID. Observations Concerning the Distinction of Ranks in Society…, p. 232–236; BONNOT DE MABLY G. Observations sur l'histoire de France. Geneva. 1765, p. 1–34.
155. MILLAR J. An Historical View of the English Government, from the Settlement of the Saxons in Britain to the Revolution in 1688: In 4 Vols. London. 1803; repr. Indianapolis, IN. 2006. Издание 1803 г., опубликованное посмертно племянником Миллара Джоном Крейгом, включало материалы XVII в., которые отсутствовали в издании, опубликованном самим Милларом: MILLAR J. An Historical View of the English Government, from the Settlement of the Saxons in Britain to the Accession of the House of Stewart. London. 1787. Здесь и далее все ссылки даны на переиздание 1803 г.
156. MILLAR J. An Historical View of the English Government… Vol. II, p. 401, 429.
157. Ibid., p. 401, 410–411.
158. Ibid. Vol. I. London. 1803, p. 108, 141. См. также: Ibid. Vol. III, p. 445; Vol. IV, p. 750.
159. Ibid. Vol. II, p. 237–238, 248–249.
160. IBID. Lectures on Government… Vol. III, fo. 18.
161. Миллар остановился почти на грани поддержки всеобщего избирательного права. См.: Ibid., fo. 44.
162. Описание спорного характера этих границ в западноевропейской мысли XVIII в. см.: POCOCK J. Perceptions of Modernity in Early Modern Historical Thinking. — Intellectual History Review. 2007. Vol. 17, p. 79–92.

163. SMITH A. Lectures on Jurisprudence / Eds.: R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein. Oxford. 1978; repr. Indianapolis, IN. 1982, Report of 1762–1763, p. 244–264 (далее – LJ (A)). О последних годах пребывания Смита на этом посту см.: PHILLIPSON N. Adam Smith: An Enlightened Life. London. 2010, p. 159–180.
164. SMITH A. LJ (A), p. 264. Лекции по истории Рима и ее продолжении варварскими монархиями в V в. см.: POCOCK J. Barbarism and Religion. Vol. II…, p. 319–329; Vol. III, p. 387–399; HONT I. Adam Smith's History of Law and Government as Political Theory. In: Political Judgement: Essays for John Dunn / Eds.: R. Bourke, R. Geuss. Cambridge. 2009, p. 150–171.
165. SMITH A. LJ (A), p. 264.
166. Ibidem.
167. Лучшее обсуждение политических ставок, связанных с трудом «Благосостояние наций» (Wealth of Nations), см.: HONT I., IGNATIEFF M. Needs and Justice in the Wealth of nations. In: Jealousy of Trade…, p. 389–443; см. также: WINCH D. Op. cit.; FLEISCHACKER S. On Adam Smith's Wealth of Nations: A Philosophical Companion. Princeton, NJ. 2004.
168. SMITH A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. II. Book V. Ch. I, paragraphs 1–12.
169. Ibid. Vol. I. Book III. Ch. IV, paragraph 4.
170. Ibid., paragraphs 6–17.
171. FORBES D. "Scientific" Whiggism…, p. 193. См. также редакторские комментарии Роя Кэмпбелла и Эндрю Скиннера: SMITH A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. I. Book III. Ch. IV, paragraph 4n; WINCH D. Adam Smith's "Enduring Particular Result": A Political and Cosmopolitan Perspective. In: Wealth and Virtue…, p. 268.
172. MACAULAY C. Op. cit. Vol. V, p. 380.
173. SMITH A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. I. Book I. Ch. I, paragraph 1–11.
174. HONT I. The "Rich Country-Poor Country" Debate in the Scottish Enlightenment. In: Jealousy of Trade…, p. 267–325.
175. SMITH A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. II. Book IV. Ch. VII(C), paragraph 100–108.
176. MEHTA U.S. Op. cit., p. 40.
177. INCE O.U. Op. cit., p. 1089. Противоречие между взглядами Смита на колонизацию поселенцами и имперским правлением пришельцев также было исследовано здесь: HOPKINS T. Adam Smith on American Economic Development and the Future of European Atlantic Empires. In: The Political Economy of Empire in the Early Modern World / Eds.: S. Reinert, P. Røge. Basingstoke. 2013, p. 53–75.
178. INCE O.U. Colonial Capitalism and the Dilemmas of Liberalism. Oxford. 2018.
179. SMITH A. LJ (A), p. 107.
180. О концептуализации понятия «дикарь» в Европе XVIII в. см.: POCOCK J. Barbarism and Religion. Vol. IV. Cambridge. 2005, p. 157–181.
181. SMITH A. LJ (A), p. 208.
182. IBID. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. II. Book IV. Ch. VII(C), paragraph 100; см. также: INCE O.U. Adam Smith, Settler Colonialism, and Limits of Liberal Anti-Imperialism…, p. 1090–1092.
183. Концепция «первопричины» краха феодализма лежит в основе так называемых «дискуссий о переходном периоде» в послевоенной британской историографии. В качестве отправной точки см.: HILTON R. Feudalism and the Origins of Capitalism. — History Workshop Journal. 1976. No. 1, p. 22–24.
184. SHER R. The Enlightenment and the Book: Scottish Authors and Their Publishers in Eighteenth-Century Britain, Ireland, and America. Chicago, IL. 2006. p. 30, 705–706; CLAIR W.ST. The Reading Nation in the Romantic Period. Cambridge. 2004; HARRIS B. The Enlightenment, Towns, and Urban Society in Scotland, c. 1760–1820. — English Historical Review. 2011. Vol. 126, p. 1097–1136; WINCH. The System of the North. In: Scotland and the British Empire / Eds.: J. MacKenzie, T. Devine. Oxford. 2011.

УДК 93/94
DOI: 10.1017/
S0018246X23000572
Статья поступила в редакцию 07.07.2026
Статья принята в печать 31.07.2026

Представления о тоннеле под Ла-Маншем во Франции после Первой мировой войны

Э. Кэррол

Аннотация. Культурный сдвиг, произошедший во Франции после Первой мировой войны, обычно анализируют через призму отношения к Германии и сохранения предрассудков военного времени в первые послевоенные годы. Однако изучение представлений о будущих отношениях с союзником в завершившейся войне также позволяет выявить широкий спектр предположений и ожиданий, связанных с переходом от войны к миру. В этой статье, посвященной идее строительства тоннеля под Ла-Маншем, размышления о будущем Франции рассматриваются в контексте культуры национализма и представлений о международных связях. В статье используется подборка ответов на экзаменационный вопрос 1919 г., каковы могут быть последствия строительства тоннеля под Ла-Маншем, и анализируются темы, которые возникали у кандидатов, когда они выбирали из множества национальных символов и образов. Таким образом, они представили видение тоннеля, уходящего корнями в прошлое и в военный опыт, но в то же время способствующего укреплению и поддержанию франко-британского партнерства, которое станет залогом будущего Франции. Их эссе, изученные вместе с документами правительств и лоббистских групп, дают представление о том, как простые люди видели французскую нацию и новый международный порядок после 1919 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Европа, Франция, Великобритания, имагология, транспортные проекты, международные отношения, культура национализма, образование, молодежь.

Кэррол Элисон – факультет социальных и политических наук, направление «Политика и история», Лондонский университет Брунеля. Лондон. Великобритания.
E-mail: alison.carrol@brunel.ac.uk.

Imagining a Channel Tunnel in France after the First World War

A. Carrol

Abstract. The cultural shift that France experienced after the First World War has commonly been analysed through the prism of attitudes towards Germany, and the continuation of wartime prejudices in the immediate post-war period. Yet, an exploration of imaginings of future relations with a wartime ally reveals a broad spectrum of assumptions and expectations that span the transition from war to peace. Taking as its focus the prospect of a tunnel under the English Channel, this article situates thinking about France's future within cultures of nationalism and ideas about international connection. It uses a collection of answers to a 1919 exam question which asked what might be the likely consequences of a Channel tunnel, and analyses the themes that emerged as the candidates picked and chose from a variety of different national symbols and images. In so doing, they offered a vision of a tunnel that was rooted in the past and in wartime experiences, but that equally represented a means to strengthen and sustain the Franco-British partnership that would be key to France's future. Read alongside government and lobby group records, their essays afford a glimpse into grassroots imaginings of both the French nation and the new international order after 1919.

Key words: World War I, Europe, France, Great Britain, imagology, transport projects, international relations, nationalist culture, education, young people.

Carrol Alison – Politics and History (Department of Social and Political Sciences), Brunel University London. London. UK.
E-mail: alison.carrol@brunel.ac.uk.

Оригинал статьи:
The Historical Journal. 2024. Vol. 67, p. 82–101
URL: https://www.cambridge.org/core/journals/historical-journal/article/imagining-a-channel-tunnel-in-france-after-the-first-world-war/BF3A8C0769A61AE2BFA6041D6A81EEAA

«Я опасаюсь, что этот тоннель в руках Англии станет мощным инструментом нашего экономического господства. Я боюсь англосаксонской расы, ее проницательности, деловой хватки, ее жадности. Я предвижу [*Sic*], что в ближайшем будущем (и это будущее приблизится из-за войны) наша дорогая и прекрасная страна будет передана вам… Я не сторонник экономического сближения с Англией. Вы слишком сильны, а мы слишком слабы. <…> Строительство тоннеля под Ла-Маншем дало бы вам огромные преимущества. Нам же оно принесло бы только недостатки. Для вас это был бы способ проникнуть во Францию. Для нас же это были бы ворота для вторжения (разумеется, мирного), но от этого не менее опасного» [1].

Этими словами студент и будущий преподаватель Луи Мальи изложил свое видение перспектив сооружения тоннеля под Ла-Маншем летом 1919 г. Мальи сдавал экзамен по английскому языку на аттестат с отличием (*brevet supérieur*), и ему был задан следующий вопрос: «Один из Ваших английских корреспондентов написал Вам, чтобы узнать Ваше мнение о тоннеле под Ла-Маншем. Он хотел бы знать, видите ли Вы какие-либо моральные и экономические преимущества для Франции и Англии в реализации этого проекта. Ответьте ему». Ответ Мальи выделяется на фоне сочинений других кандидатов из департамента Сена, вместе с которыми он сдавал экзамен, поскольку он был единственным, кто выступил против этого предложения. Его соотечественники в подавляющем большинстве положительно отзывались о проекте: Шарль Шарпантье выразил удивление по поводу того, что давнее предложение до сих пор не реализовано; Марсель Лантом высказал уверенность, что работы по строительству тоннеля начнутся в ближайшее время; Реймон Вюйемен назвал тоннель лучшим средством для обеспечения экономического процветания и мира, а Эммануэль Годрийо предсказал медленное, но неизбежное слияние французских и английских обычаев, привычек и нравов [2]. И хотя Мальи, возможно, не соглашался с остальными по поводу последствий строительства тоннеля, он был с ними солидарен в том, что реализация предложенного проекта *неизбежна*.

Идея постоянного сообщения через Ла-Манш действительно витала в воздухе уже давно, но после Первой мировой войны она вновь завладела воображением общественности. Это был бы выдающийся технологический прорыв, за который выступали французские военачальники, утверждавшие, что он сократил бы продолжительность войны, а также премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж во время дискуссий на Версальской мирной конференции [3]. В 1920-е гг. британское и французское правительства, а также международные организации нередко обсуждали строительство тоннеля, который рассматривался как часть масштабной инфраструктурной трансформации, позволяющей пассажирам добираться из Лондона в Дакар или Багдад без пересадок [4]. Сторонники строительства

считали, что тоннель обеспечит экономическое восстановление регионов на севере Франции и в Бельгии, пострадавших во время Первой мировой войны, и укрепит хрупкий послевоенный мир [5].

Однако если в Лиге Наций тоннель обсуждался с точки зрения международных отношений, а во французском Министерстве общественных работ – в плане местных условий, то для кандидатов на получение аттестата (*brevet*) он был прежде всего связующим звеном между двумя национальными государствами, разделенными морской границей. Такая связь между границами и национальной территорией не была чем-то необычным: четкие и обозначенные границы долгое время считались символом единства национальных сообществ, а «инаковость» или «чужеродность» ассоциировались с границей [6]. Наше понимание подобных представлений сформировалось под влиянием растущего количества исследований, посвященных вопросу о том, как происходит «национализация» людей [7]. Ученые задавались вопросом, как обычные люди говорили о нации, как они ее представляли, игнорировали, сопротивлялись ей или отвергали ее [8]. Этот «повседневный национализм» показал, что люди активно участвуют в создании и развитии собственных представлений о нации и национальной принадлежности [9]. Кроме того, стало известно, как границы повлияли на культуру национализма, но в этих примерах часто не упоминаются представления о границах у «простых людей», живущих вдали от них. В результате мы мало знаем о том, как образы, символы и риторика большой политики воспринимались, присваивались или отвергались в повседневной культуре национализма.

Если мы мало знаем о том, какое место границы занимают в воображении простых людей, живущих вдали от них, то еще меньше мы знаем о пограничной инфраструктуре. И это несмотря на растущее осознание ее важности для развития сетей и контактов, которые привели к глобализации мира в XIX и XX вв. [10] В случае с границами инфраструктура позволяет по-новому взглянуть на символическое значение национальных границ. Хотя границы могут казаться вечными и неизменными, на самом деле это не так. Их представляли и переосмысливали по-разному, в зависимости от национального контекста, исторического периода и политического режима. Установление границ требует постоянных переговоров и является процессом, в котором участвуют как государство, так и гражданское общество. Следовательно, то, как люди говорят о своих границах, во многом свидетельствует о внутренней сплоченности и неуверенности в себе, а также об их отношениях с соседями и представлениях о международных связях. По мнению французского парламентария Жана-Батиста Себастьяна Кранца, тоннель под Ла-Маншем сделал бы для союзнических отношений больше, чем бесконечная дипломатия, поскольку «был бы продиктован общими интересами» [11]. Тем не менее в существующей литературе, посвященной тоннелю под Ла-Маншем, основное внимание уделяется технологическим разработкам, которые сделали возможным его сооружение, или внутренней работе правительства, лежавшей

в основе дискуссий о строительстве тоннеля [12]. Эти исследования позволяют понять, как политики, государственные служащие и инженеры представляли себе тоннель, однако историкам еще только предстоит выяснить, какое место он занимал в воображении обычных людей [13].

В своих ответах на экзаменационные вопросы на получение аттестата с отличием Мальи и его соотечественники делились мыслями по поводу того, какое значение будет иметь тоннель для Франции и Великобритании, и рассуждали о том, что более тесные связи будут означать для обоих государств. Эти эссе были написаны под влиянием полученного образования и понимания того, чего от них ожидают экзаменаторы, а также под воздействием националистических настроений, царивших в период между войной и миром, когда они сдавали экзамен. Таким образом, они дают возможность услышать голоса, которые часто не упоминаются в исторических источниках, и узнать тогдашние представления о национальных границах и их роли в установлении мира. В настоящей статье мы анализируем ответы этих кандидатов, рассматривая их представления о будущем как отражение их культурных интересов и политических взглядов. Следуя подходу Роксанн Панчаси, мы также исследуем будущее как категорию анализа [14]. Таким образом, статья находится на стыке исследований в области границ, национализма, войн, образования и технологий и проливает свет на проявления национализма на низовом уровне во Франции в период, непосредственно следующий за Первой мировой войной.

В первом разделе статьи рассказывается о квалификационном экзамене и его месте в системе образования Третьей республики – периода истории Франции с 1871 по 1940 г. Во втором разделе мы рассмотрим, как представления о войне повлияли на отношение кандидатов к строительству тоннеля под Ла-Маншем, а в третьем – проанализируем вопрос, как, по их мнению, упрощение пересечения границы повлияет на национальное сообщество Франции и ее международные отношения. Поразительно: все кандидаты сошлись во мнении, что тоннель – это хорошая идея, и считали его строительство неизбежным и «не за горами». Тем не менее после Первой мировой войны кандидаты демонстрировали не просто массовую поддержку строительства тоннеля под Ла-Маншем. В нашей статье утверждается, что представления кандидатов на получение аттестата о тоннеле (и в более широком смысле – о границах) помогают понять, какими они видели французскую нацию и новый международный порядок, который должен был сложиться после Первой мировой войны. Важно отметить, что в своих эссе они с оптимизмом смотрели в будущее, где франко-британское военное партнерство перерастет в мирное сотрудничество благодаря тоннелю, который будет способствовать дружбе и обмену, а также обеспечит в дальнейшем победу Антанты над Германией. Этот переосмысленный национальный и международный порядок не просто отражал представления о государственных границах, но и основывался на них. Кандидаты опирались на различные националистические образы, почерпнутые из школьной программы и более

широкой культуры национализма, и сами выбирали, как выразить свои представления о влиянии сухопутной границы между Францией и Великобританией.

I. В 1919 г. Мальи и его соотечественники завершили учебу по программе получения аттестата с отличием (*brevet supérieur*). По этой же причине сохранились их ответы, поскольку экзамен сдавался для поступления на должность учителя начальных классов (*instituteurs / institutrices*). Эта профессия открывала перед молодыми людьми из рабочего класса широкие возможности социального продвижения, а также давала шанс формировать мировоззрение будущих поколений [15]. Все учителя начальных классов (*instituteurs*) во времена Третьей французской республики должны были иметь аттестат об окончании начальной школы (*brevet élémentaire*), но некоторые студенты получали аттестат более высокого уровня – аттестат с отличием (*brevet supérieur*) [16]. Обычно обучение длилось два года и включало занятия по основным предметам, а также 20-дневную стажировку в начальной школе [17]. Из тех, кто сдавал экзамен 30 июня 1919 г., самым старшим был Шарль Шарпантье, родившийся в октябре 1901 г., а самым младшим – Морис Бушар, который родился в январе 1905 г. Большинство сдававших экзамен родились в 1902 г., и на момент экзамена им было 16–17 лет [18]. В случае успешной сдачи экзамена аттестат с отличием (*brevet supérieur*) повышал их шансы на занятие должности директора школы, а сдача экзамена в департаменте Сена увеличивала вероятность получения хорошей должности в одной из школ в Париже, где оплата и условия труда были лучше, чем в пригородах [19].

Таким образом, кандидаты заняли необычное положение. С одной стороны, это были студенты, которые в начале XX в. и во время Первой мировой войны изучали французскую историю, географию и нравственное воспитание, что повлияло на их мировоззрение [20]. С другой стороны, они готовились занять новые должности в республиканской системе образования в качестве учителей начальных классов и взять на себя ответственность за воспитание нового поколения. Их сочинения отражают национальные стереотипы, которые они усвоили в школе, а также то, как они адаптировали их под себя, чтобы выразить своими словами. И хотя прямой связи между учителем и учеником не было, сходство формы и содержания ответов наводит на мысль, что мальчики следовали некоему шаблону, хотя и пропущенному через призму более широких культурных и социальных ожиданий.

Школьная система, частью которой они являлись, стала одним из националистических институтов, сыгравших, как пишет Эжен Вебер, ключевую роль в превращении «крестьян во французов» с 1871 по 1914 г. [21] По мнению данного автора, бесплатные и обязательные начальные школы, созданные при Третьей республике, сыграли важнейшую роль в формировании чувства национальной идентичности у детей, живущих в самых разных и удаленных друг от друга частях Франции. В более поздней литературе образ проекта, инициированного Парижем, был дополнен нюансами. Было показано, что представление нации

учителями часто опиралось на местные символы и языки, но это не ставило под сомнение важность образования для формирования граждан-националистов [22]. Напротив, считалось, что начальные школы воспитывают лояльность у детей из разных языковых и культурных групп, которые обретали чувство общности благодаря общему прошлому и институтам. Учителя были признаны движущей силой этого процесса. С помощью таких произведений, как «Тур по Франции для двоих детей» (*Tour de France par deux enfants*) Жоржа Бруно, они знакомили своих учеников с регионами Франции и создавали воображаемую связь между нацией, территорией, границами и самоидентификацией [23]. В частности, уроки истории сыграли важную роль в формировании чувства общности национального прошлого и будущего. В работе Эрнеста Лависса, одного из самых известных авторов учебников времен Третьей республики, Франция предстает страной, сформировавшейся в ходе военных сражений, от побед галлов над римлянами до победы Жанны д'Арк над англичанами и колониальных завоеваний Третьей республики. Ученики узнавали, что этот процесс завершился поражением Франции во Франко-прусской войне 1871 г. и что Германия была их исконным врагом [24].

Во время Первой мировой войны обучение в школах продолжалось, при этом особое внимание уделялось урокам, на которых подчеркивалось величие Франции. Это сочеталось с акцентом на немецком варварстве, которое становилось темой диктантов, уроков нравственного воспитания и тестов по правописанию, а также учебников, таких как «Тур по Европе во время войны» (*Le tour de l'Europe pendant la guerre*) – продолжение «Тур де Франс» Бруно о событиях военного времени [25]. В этой книге рассказывается о раненом солдате, который вернулся домой и делился с семьей историями о зверствах немцев, свидетелями которых он стал [26]. Хотя Стефан Оден-Рузо утверждал, что в условиях тотальной войны мобилизовать детей Франции было невозможно, не стоит недооценивать влияние, которое учителя оказывали на кандидатов на получение аттестата (*brevet*) [27]. Департамент Сена, в котором молодые люди получили образование и надеялись стать учителями, был преимущественно городским департаментом, включавшим 20 парижских округов, а также пригородные районы вокруг столицы. Дети там испытывали меньше тягот, чем те, кто жил вблизи линии фронта или в сельской местности. Более того, Мона Зигель показала, что учителя продолжали оказывать значительное влияние на детей, находившихся на их попечении, не в последнюю очередь потому, что длительное отсутствие их отцов и дополнительные обязанности, которые ложились на их матерей, означали, что дети в своей жизни больше полагались на моральный авторитет других взрослых и особенно своих учителей [28].

За время существования Третьей республики репутация учителей изменилась. В первые годы ее существования учителя (*instituteurs*) считались своего рода миссионерами, которые с необычайным рвением знакомили своих учеников с французским языком, культурой и историей страны [29]. В межвоенный период

отношение к ним изменилось, а когда после вторжения Германии в 1940 г. Франция потерпела сокрушительное и неожиданное поражение, лидер режима Виши маршал Филипп Петен обвинил в поражении «непатриотичных» учителей начальных школ. По мнению Петена, отсутствие боевого духа у офицеров запаса было неудивительно, учитывая, что учителя не смогли привить им любовь к *родине* [30]. Утверждения Петена оказались беспочвенными, но тем не менее они указывают на изменения в системе образования после 1918 г., когда пацифизм стал играть все более важную роль в школьной программе [31].

В 1921 г. в департаменте Сена проживало свыше 4,4 млн чел., в том числе большое количество иммигрантов [32]. Департамент включал космополитичную столицу Франции и ее пригороды. Государственные школы департамента были переполнены: на рубеже XIX и XX вв. в каждой из 400 начальных школ было по несколько сотен учеников, а в 1880 г. в среднем в классе было по 50 учеников [33]. Большинство обучающихся были выходцами из рабочего класса, а средний и низший средний класс пользовался многочисленными частными школами (как светскими, так и религиозными) в столице [34]. Все это способствовало формированию особого отношения к строительству тоннеля под Ла-Маншем. Сена протекала далеко от границ французской территории, где жители приграничных районов могли регулярно контактировать со своими соседями по другую сторону границы и где пересечение границы и миграция были обычным делом. Тем не менее Париж был политическим и культурным центром Франции, и мальчики писали свои эссе через два дня после заключения Версальского мирного договора, всего в нескольких километрах от дворца, где он был подписан. Во время войны культура милитаризма строилась на подчеркивании величия Франции, героической жертвенности и демонизации врага [35]. Для кандидатов на получение аттестата эти идеи преломлялись через призму тоннеля как средства сохранения величия Франции и обеспечения будущей победы над Германией и центральными державами.

Таким образом, хотя ответы студентов воображаемому «английскому корреспонденту» во многом отражали их собственные мысли и предположения, эти идеи формировались под влиянием как республиканской школьной системы, так и националистических настроений, охвативших Францию во время и после войны. Кроме того, они, конечно же, преломлялись сквозь призму понимания учениками требований, предъявляемых к сдаче экзамена. Тем не менее эти ответы дают ценное представление о мировоззрении и национальных особенностях, которые лежали в основе ответов обучающихся, когда они излагали пройденный материал и общие идеи на своем языке и с использованием своей лексики. Более того, эти кандидаты являют собой двойственную картину. С одной стороны, это были ученики из рабочего класса, сдававшие экзамен. С другой – это были будущие учителя начальных классов, которые надеялись взять на себя ответственность за обучение молодежи в департаменте Сена или, возможно, возглавить начальную школу в Париже или его пригороде. Учитывая

репутацию учителей (*instituteurs*) и их республиканскую и патриотическую лояльность, мы можем предположить, что соискатели аттестата (*brevet*) стремились выразить свой патриотизм в ответе о строительстве тоннеля, как это сделал Морис Мэйяр, когда приписал «смелый проект» «достоинству французского гения» [36].

Ответы экзаменующихся почти повсеместно были в пользу тоннеля, один Луи Мальи был категорически против. Действительно, исключительность подхода Мальи подчеркивает единство других работ. Другие студенты писали о том, что более тесные связи принесут Франции множество преимуществ. Среди тем, которые неоднократно поднимались, были практические аспекты строительства тоннеля, такие как предотвращение морской болезни или избавление от необходимости пересаживаться с одного вида транспорта на другой [37]. Когда экзаменующиеся указывали на недостатки проекта, они, как правило, утверждали, что их можно преодолеть, например, используя технические средства, обеспечивающие прокладку тоннеля по морскому дну, или убедив англичан отказаться от своей «великолепной изоляции» (*splendid isolation*) [38]. По мнению Рене Эрве, тоннель лишил бы переправу «большей части ее очарования – уже никогда не будет поэтических восходов солнца… Поэтам и любителям природы придется искать другой маршрут». Однако он считал это прискорбным, но неизбежным исходом, и в большинстве эссе отмечался широкий спектр преимуществ более тесных связей. Говоря словами Гастона Лесендре, «поэтому я считаю, мой дорогой друг по переписке, что реализация этого проекта принесет необозримую пользу двум союзным народам и что после завершения строительства тоннеля он повысит благосостояние обеих стран и укрепит их связи» [40]. Таким образом, тоннель рассматривался как франко-британское предприятие, и его значение интерпретировалось сквозь призму недавних событий, в первую очередь Первой мировой войны.

II. Война занимала важное место в ответах кандидатов. Во многом это неудивительно: конфликт доминировал в их жизни в подростковом возрасте и в последние годы учебы. Более того, родись они чуть раньше, их могли призвать во французскую армию. И, конечно, среди французов и европейцев в целом было широко распространено мнение, что война сильно изменила их. Хотя конфликт закончился в 1918 г., недавние исследования подчеркнули продолжительность «выхода из войны» (*sortie de guerre*) и перехода от норм и культуры войны к культуре мира [41].

Идея тоннеля под Ла-Маншем была тесно связана с историей войны и мира. По некоторым данным, впервые эта идея была высказана во время затишья в конфликте между Францией и Великобританией в 1802 г., когда французский горный инженер Альбер Матье-Фавье представил Наполеону Бонапарту свои планы по созданию конных экипажей для перевозки людей и грузов под Ла-Маншем [42]. В XIX в. подобные предложения неоднократно отклонялись из-за потенциального риска вторжения на Британские острова, но Первая мировая война заставила пересмотреть отношение к идее строительства тоннеля. В конце войны

военные стратеги утверждали, что использование отравляющих газов, водных преград или отключение электричества сведут на нет угрозу вторжения через тоннель, а развитие военно-воздушных сил, казалось, опровергало доводы о ценности Ла-Манша как оборонительного рубежа для Великобритании [43]. Военное министерство в Париже даже указывало на потенциальные военные преимущества, которые давала более быстрая и безопасная транспортировка войск и боеприпасов [44]. По мнению французского маршала и верховного главнокомандующего союзными войсками Фердинанда Фоша, тоннель позволил бы завершить конфликт к 1916 г. [45] Война укрепила франко-британский союз, и казалось, что тоннель поможет еще больше его усилить. В конце 1920-х гг. Ив Ле Трокер, бывший министр общественных работ и президент Комитета по строительству тоннеля под Ла-Маншем, заявил: «Во Франции строительство тоннеля под Ла-Маншем приветствовали бы как один из самых верных признаков доверия и дружбы с Великобританией… Тоннель под Ла-Маншем – это путь к Антанте; тоннель под Ла-Маншем – залог мира во всем мире» [46].

Почти все эссе учеников начинались с упоминания о войне, и некоторые из них перекликались с аргументами сторонников строительства тоннеля и военных стратегов. По мнению Мориса Реневаля, предложения инженеров затопить тоннель сделали бы его бесполезным для вторжения на Британские острова, а Гастон Лесендре подчеркивал, что осознание того, что по тоннелю могут пройти поезда с людьми и снаряжением, поднимало боевой дух солдат [47]. По мнению Гастона Бертрана и Макса Ронни, если бы во время войны существовал тоннель под Ла-Маншем, немецкий флот не стал бы вести подводную войну, что позволило бы избежать потерь кораблей от подводных лодок и мин и спасло бы множество жизней [48]. Подобные предположения отражали не только то, что война заставила по-новому взглянуть на возможность строительства тоннеля под Ла-Маншем, но и то, что она вновь пробудила давние опасения относительно уязвимости границ страны и способов их защиты.

Идеи, связанные с обороной, касались как пограничной инфраструктуры, так и международной системы. Для многих экзаменующихся война укрепила «сердечное согласие» между Великобританией и Францией, а тоннель представлял собой возможность для дальнейшего развития и укрепления этих отношений [49]. По словам Андре Кенеля, «в течение пяти лет солдаты сражались бок о бок. Мы не должны допустить, чтобы договор, скрепленный их кровью, был нарушен, и нам нужно сделать так, чтобы контакты, существовавшие до войны, продолжались и в мирное время». Такие связи, возникшие во время конфликта, привели к тому, что «возможно, многие из тех, кто раньше не был их сторонниками… стали таковыми благодаря войне» [50]. Другие кандидаты размышляли о том, как окончание конфликта повлияет на сотрудничество, сложившееся во время войны: возможно, ветераны отправятся в Ирландию, чтобы встретиться с солдатами, с которыми они сражались бок о бок, или будут возить английских туристов,

желающих посетить поля сражений, тем самым обеспечив «поток посетителей на долгие годы» [51].

Таким образом, ответы отражают более широкие общественные настроения по поводу войны, а также мира и его последствий для национальных государств и нового международного порядка. Для некоторых учеников тоннель стал средством закрепить победу. Андре Ванакер писал: «Победа только что спасла нас от ужасной опасности, и этот тоннель для меня – вторая победа, которую мы одержим над центральными державами» [52]. Однако многие кандидаты рассматривали войну не с точки зрения победителей и проигравших, а сквозь призму самопожертвования, что было центральным элементом французской риторики о конфликте. По мнению Гастона Лесендре, «перед французами стоит огромная задача: наши отцы, братья и друзья пролили свою кровь, защищая Францию. Именно на нас лежит задача восстановления нашей родины, которая так сильно пострадала от зверств немцев; поэтому мы должны приложить все наши силы для обеспечения того, чтобы тоннель под Ла-Маншем принес огромную пользу нашей стране» [53].

В своем описании кровопролития, потерь и страданий Лесендре затронул общие темы пацифистского дискурса после конфликта. И все же примечательно, что его рассказ также был наполнен лексикой патриотизма. Когда речь заходила о тоннеле, многие кандидаты смешивали эти два понятия [54]. Так, они называли тоннель важнейшим элементом восстановления Северной Франции, разрушенной в ходе конфликта, а разрушения, в свою очередь, рассматривались как необходимое условие для достижения прочного мира [55]. В своих утверждениях они вторили сторонникам строительства тоннеля, представлявшим его как средство укрепления «сердечного согласия», которое позволит Франции и Великобритании лучше подготовиться к будущему [56]. По словам Мориса Бушара, «наши две страны, объединившиеся после борьбы, в которой они сражались плечом к плечу, станут еще теснее связаны [в тот день], когда им удастся завершить этот великий мирный проект (*œuvre pacifique*)» [57]. Более тесное сотрудничество преподносилось как положительный фактор, а тоннель рассматривался как средство укрепления союза и предотвращения будущих конфликтов благодаря налаживанию трансграничных связей.

Мысль о том, что война приведет к укреплению франко-британского союза, отражает подход к преподаванию в школах во время войны, когда конфликт рассматривался как нечто, что должно было проявить лучшие качества нации, сделать французский народ «более гордым, сильным и великодушным» [58]. Однако если значимость войны в работах школьников отражает их контекст и систему образования, то это также указывает на более общую воображаемую связь между границами и конфликтами. Границы, через которые на национальную территорию могут проникнуть чужеземцы, издавна ассоциировались с войной и насилием, что, в свою очередь, объясняет их значимость в националистических культурах [59]. Четко обозначенная национальная территория давала чувство защищенности и сопричастности, а нарушение

границ, напротив, могло вызывать ощущение уязвимости. Таким образом, ответы кандидатов показывают, что границы ассоциировались с конфликтами не только из-за угрозы вторжения, но и, что особенно важно, из-за представлений о мире. Рассказывая о войне, эти молодые люди представляли более тесные трансграничные связи как средство примирения, а пограничную инфраструктуру – как мирный инструмент сам по себе.

На фоне того, как кандидаты представляли себе выход Франции из войны и грядущие перемены, в их текстах все отчетливее ощущалось стремление к прогрессу. Для Луи Мальи тоннель символизировал бы победу человечества над природой: «Препятствий больше нет. Гора мешала человеку, и он проложил тоннель в горе. Он боялся моря и его опасных волн, и он прорыл тоннель по дну Атлантического океана. Человек будет господствовать над природой и стихиями. Евротоннель станет символом и уроком, символом “прогресса” и уроком, демонстрирующим силу и гениальность человечества. Он вселит в нас веру в прогресс» [60].

Подобные идеи о том, что человек способен покорить природу, служили источником привлекательности проекта в глазах изобретателей, инженеров и железнодорожников на протяжении всего XIX столетия, а связь между тоннелем и прогрессом, технологиями и современностью была давней темой в пропаганде строительства тоннеля [61]. После войны морское дно Ла-Манша рассматривалось как одна из последних сохранившихся европейских границ. В 1921 г., во время празднования 50-летия альпийского тоннеля Мон-Сени (*Mont Cenis*), в звучавших там речах будущий тоннель под Ла-Маншем называли «продолжением программы строительства тоннелей, по которым движутся великие и братские идеи народов» [62]. Этот акцент на технологическом прогрессе шел рука об руку с предположениями о различных типах прогресса; кандидаты на получение аттестата представляли, что движение к более гладким границам и более легкому прохождению представляет собой шаг вперед в новом послевоенном мире. Андре Кенель даже предполагал, что строительство тоннеля может привести к отмене таможенных пошлин на товары, импортируемые из Великобритании [63].

Этот акцент на прогрессе и движении к миру без границ был пронизан ассоциацией с цивилизацией, возникшей в результате разрушений, причиненных войной [64]. По мнению Пьера Данжу, тоннель открывал перспективы вторжения немецкой армии в Великобританию. Но, писал он, немцы никогда бы не вторглись, потому что это поставило бы их «против всего человечества» [65]. Между тем, по мнению Макса Ронни, «наконец-то этот тоннель сблизит англичан и французов и, я надеюсь, послужит объединению лучших качеств французов и англичан, превратит две наши нации в цивилизационную модель для всего мира» [66]. Акцент на «цивилизации приграничных территорий» был очевиден в дискуссиях на мирных конференциях, и страны, образовавшиеся после Версальского мирного договора, применяли понятия «цивилизации» к интеграции своих восточных приграничных территорий [67]. Кандидаты, вероятно, были знакомы с более широкими дискуссиями о прогрессе и цивилизации и, включив их

в свои эссе, по-своему выразили идеи о более широком международном порядке.

Примечательно, что вопрос касался будущего тоннеля под Ла-Маншем, однако эссе молодых людей были тесно связаны с культурой памяти и траура, которая была распространена во Франции после Первой мировой войны, и наводили на мысль о том, что связь между прошлым, настоящим и будущим может быть многовекторной. Размышления о будущем тоннеле под Ла-Маншем включали мысли о прошлом, а будущее, которое воображали себе студенты, отражало как их тревоги по поводу настоящего, так и представления о прошлом. Джон Хорн утверждал, что период, наступивший сразу после окончания Первой мировой войны, во Франции характеризовался сохранением предрассудков и страстей, вспыхнувших во время конфликта, и что только во второй половине 1920-х гг. началась «культурная демобилизация» [68]. Мона Зигель отмечает аналогичный переломный момент в сфере начального образования, когда акцент сместился с героических сражений и ненависти к врагу на уроки, пронизанные пацифистским духом [69]. Эссе на получение аттестата позволяют по-новому взглянуть на преемственность и разрывы в подобных представлениях, смещая фокус нашего внимания на предположения о франко-британском союзе, которые были актуальны как во время войны, так и в послевоенные годы, когда речь шла о безопасности и мире во Франции [70]. Если бы с трудом завоеванная победа 1918 г. превратила Францию в международный оплот мира, французская нация создала бы этот мир вместе с Великобританией. Для кандидатов тоннель под Ла-Маншем имел решающее значение в этом процессе; по словам Клемана Легро, тоннель стал бы «общей артерией, которая бьется в унисон с двумя сердцами» [71].

III. Основой для взаимодействия, которое кандидаты представляли себе между французскими и английскими пограничниками, пересекающими границу через тоннель под Ла-Маншем, были политические отношения между их национальными государствами. Их представления о тоннеле перекликались с некоторыми аргументами политиков о том, что он станет средством укрепления «сердечного согласия», однако их ответы также позволяют увидеть, как они понимали динамику этого соглашения. Важно отметить, что, по мнению большинства кандидатов, франко-британский союз укрепился бы, если бы два народа лучше узнали друг друга. Морис Леклер назвал этот процесс «сближением наших сердец и умов» [72]. В результате вопрос о том, стоит ли строить тоннель, оказался в центре дискуссии о границах и их связи с национальным сообществом: будет ли упрощение пересечения границ благом? Для большинства кандидатов ответы на этот вопрос были далеки от описаний в романах конца XIX в., где солдаты, переодетые туристами, использовали тоннель для вторжения [73]. По их мнению, упрощение пересечения границ открыло бы возможности для новых дружеских связей и расширения торговли.

В 1919 г. Министерство общественных работ Франции провело исследование, которое показало, что тоннель сократит время в пути между Лондоном и Парижем до четырех с половиной

часов и избавит от необходимости пересаживаться с поезда на пароход, а затем снова на поезд. Сторонники строительства тоннеля утверждали, что благодаря ему между Великобританией и европейским континентом будет курсировать гораздо больше поездов и что в результате увеличится объем торговли [74]. Эти прогнозы подхватили кандидаты, которые вторили аргументам, что тоннель принесет целый ряд экономических и культурных выгод, обеспечив более быстрое и безопасное сообщение и способствуя перевозке как пассажиров, так и грузов [75]. Некоторые утверждали, что тоннель полностью устранит все разногласия; Морис Бушар писал: «Таким образом, две наши страны, ранее разделенные политически, объединятся в одну» [76].

Для большинства кандидатов встречи в тоннеле были основаны на стереотипах об англичанах и французах [77]. Рэймон Вюйемен противопоставлял «веселый и беззаботный» характер французов «холодному и методичному» характеру англичан, утверждая, что и те, и другие находят много привлекательного друг у друга, о чем свидетельствуют «трогательные дружеские отношения, сложившиеся между солдатами и матросами (*poilus*) на фронте» [78]. По мнению Эммануэля Годрийо, французы слишком склонны пребывать в состоянии «порочного и опасного сна, но английская живость и энергия вернули бы их к жизни» [79]. Таким образом, они могли бы извлечь выгоду из медленного, но неизбежного смешения английских и французских манер и обычаев, которое стало бы результатом строительства тоннеля.

Рауль Бушар считал, что французам есть чему поучиться у своих соседей: «Француз будет чаще ездить в Великобританию, выучит язык и, самое главное, изучит английские привычки. Вскоре он узнает о ваших достоинствах и слабостях… и вернется во Францию, вооружившись вашими знаниями, чтобы не пускаться в безумные бизнес-проекты, а действовать методично и точно, быть пунктуальным и ответственным. Пожив среди вас, француз поймет, что такое настоящая семейная жизнь, и в результате, закончив работу, не пойдет в кабаре. Вместо этого он вернется домой, как это делает лондонец. Он будет жить в пригороде и возделывать свой сад, а зимой сидеть у камина, держа на коленях детей. Но самое главное, чему научится француз, – это чистоплотности. Привыкнув в Британии ежедневно принимать ванну, он сохранит эту прекрасную привычку и по возвращении домой, и все эти новоприобретенные привычки пойдут на пользу Франции» [80].

Противопоставление домовитости англичанина и привычки француза захаживать в кабаре и пренебрегать купанием было навеяно уроками нравственного воспитания, в которых личная гигиена связывалась с национальной мощью, а также распространенными в довоенное время опасениями по поводу упадка Франции по сравнению с ее европейскими соседями [81]. Однако Бушар не считал, что Франция отстает от Британии: по его мнению, тоннель должен был способствовать развитию французской культуры.

По мнению Рене Гриетта, тоннель помог бы развеять бесполезные стереотипы: «Несмотря на то, что мы соседи, англичане и французы плохо знают друг друга. Мы представляем англичан

высокими и худощавыми, большими любителями поесть… и отличными бизнесменами». Далее он рассказал о том, как, по его мнению, выглядят англичане на самом деле, и о том, что продемонстрирует тоннель: «Мы, французы, были бы шокированы, если бы узнали, что англичане – откровенные, приятные и даже знакомые нам люди, в то время как мы считали их лицемерными, холодными, гордыми… Вы, англичане, удивились бы, узнав, что французы с нарастающим рвением пытаются исправить последствия войны, в то время как вы считали их неспособными на серьезные действия и упорный труд… Более того, мы привнесли бы в Англию нашу привычку к пунктуальности, привычку думать, прежде чем действовать, и тот семейный дух, которого так не хватает в ваших городах. А вы бы научили нас ценить красоту. И чем лучше мы будем узнавать друг друга, тем больше будем нравиться друг другу» [82].

Стереотипы, лежащие в основе всех ответов, дают представление о том, как кандидаты воспринимали своих соседей по другую сторону Ла-Манша, а противопоставление французов и англичан позволяет понять, как они представляли себе свое национальное сообщество. В конце концов, представления о том, кто *не* принадлежит к сообществу, являются ключевым компонентом чувства сопричастности, или, как утверждает Дэниел Пик, ссылаясь на Бенедикта Андерсона, «"воображаемые сообщества" ограничены мощными образами других сообществ» [83]. Если это представление возникло на границе, то тоннель стал символом разрушения стереотипов.

Хотя тоннель создал бы новую сухопутную границу Франции, примечательно, что в рассуждениях кандидатов о пересечении границ не упоминается о существующих сухопутных границах страны. На границах Франции на севере, юге и востоке трансграничные отношения часто были мирными и взаимовыгодными. Сравнительные исследования приграничных регионов в межвоенный период показали, что ближайшие соседи, с которыми поддерживались тесные трансграничные связи, занимали особое положение в иерархии воображаемой чужеродности по сравнению с другими иностранцами [84]. В экзаменационных эссе также мало внимания уделяется безопасности этих границ, несмотря на то что военные лидеры уделяли особое внимание восточной границе. Усилия по предотвращению будущего вторжения с востока в конечном итоге завершились строительством Линии Мажино – системы постоянных укреплений протяженностью в сотни километров, которая должна была стать важным культурным символом неприступности, «Великой стеной Франции» [85].

Хотя безопасность франко-германской границы не была темой очерков, франко-британское партнерство трактовалось на фоне продолжавшегося соперничества с Германией. Предполагалось, что эти отношения будут скорее взаимодополняющими, чем конкурентными, и позволят Франции избавиться от экономической зависимости от Германии. По мнению Рене Гриетта, промышленно развитая экономика Великобритании выиграет от поставок «сливочного масла, яиц и сыра из Нормандии, лука из Роскофа и Сен-Поль-де-Леона, одежды из Парижа, вин из Шампани и Бургундии»,

в то время как Франция могла бы закупать в Великобритании уголь, машины и химическую продукцию, которые в противном случае ей пришлось бы импортировать из Германии [86]. Таким образом, тоннель позволил бы создать франко-британский торговый союз, который бы положил конец мечтам Германии об экономической победе в послевоенном мире [87].

Исключением из общего ряда, подчеркивавшего преимущества тоннеля, был Луи Мальи, с ответа которого начиналась эта статья. Многие из замечаний Мальи совпадают с высказываниями других кандидатов, например его описание английской деловой хватки: «Я боюсь англосаксонской расы, ее проницательности, деловой хватки, ее жадности». По мнению Мальи, это была не положительная черта, которой французам стоило бы поучиться, а скорее угроза будущему французского народа. Он не уставал подчеркивать свою любовь к Англии, ее политическому прошлому, истории и поддержке Франции во время войны, а также восхищался английским деловым гением и коммерческим мастерством, но при этом отдавал предпочтение «прекрасной, пылкой, щедрой» Франции, для которой строительство тоннеля под Ла-Маншем стало бы «новой причиной обнищания». Он действительно называл Великобританию главным соперником Франции и утверждал, что Британия будет импортировать товары, а также «победив нас на внешних рынках, вы начнете конкурировать с нами на наших внутренних рынках» [88].

Мальи рассматривал франко-британские отношения в контексте более широких международных связей, которыми пользовались обе страны. Он утверждал, что англичане уже закрепились в Аргентине, Бразилии и Китае, и выражал опасения, что следующей целью станет Франция, которую вследствие ее промышленной и торговой слабости англичане рассматривают как «прекрасное поле для колонизации». Примечательно, однако, что он не был категорически против строительства тоннеля. Вместо этого он утверждал, что его сооружение следует отложить до тех пор, пока не завершатся работы по послевоенному восстановлению и Франция не сможет противостоять английской колонизации, хотя полагал, что к тому времени англичане больше не захотят строить тоннель, так как он станет для них бесполезным [89].

Мальи выделялся тем, что был единственным кандидатом, который подчеркивал недостатки тоннеля и поднимал вопросы франко-британских отношений, бросая вызов духу вопроса, а также, скорее всего, игнорируя уроки своих учителей. Своим ответом он как бы иллюстрирует единообразие других ответов, в которых подчеркиваются как преимущества тоннеля, так и необходимость укрепления франко-британского союза. Это позволяет по-новому взглянуть на культуру национализма во Франции, где мы многое знаем об отношении французов к врагу, но гораздо меньше – об их отношении к союзникам [90]. Акцент, который ученики делали на франко-британском партнерстве и на том, как много обе страны могли бы перенять друг у друга, являлся важным продолжением представлений о патриотизме военного периода, сохранившихся и в мирное время. Это предположение

могло стать таким же серьезным препятствием на пути к культурной демобилизации, как и дегуманизация Германии на данном этапе, но тем не менее оно подчеркивает преемственность политики, проводившейся со второй половины 1920-х гг., когда французские политики и военачальники подчеркивали важность франко-британского партнерства. Таким образом, эссе демонстрируют множество идей и предположений, которые циркулировали во Франции в период между войной и миром и взаимодействовали друг с другом. Они показывают, как по-разному кандидаты выбирали культурные мотивы, и позволяют проследить несколько этапов процесса демобилизации умов и настроений после Первой мировой войны, а также низовые формы национализма, которые были тесно связаны с этим процессом.

IV. В многочисленных работах подчеркиваются многоплановость влияния Первой мировой войны на все аспекты жизни Франции после 1918 г. [91] Пока французский народ пытался оправиться после физических разрушений, человеческих жертв и психологических травм, полученных в ходе конфликта, война влияла практически на все аспекты социальной, политической, экономической и культурной жизни. Это также создало условия, необходимые для выражения новых идей о международном порядке и национальном сообществе. Норман Ингрэм метко назвал 1920-е гг. десятилетием того, что «могло бы быть» [92]. Хотя идея сооружения тоннеля под Ла-Маншем не была новой в 1919 г., ответы кандидатов показывают, что она обрела новые формы и силу, когда ее переосмыслили как способ установления мира и утверждении роли Франции в послевоенное время. Об этом говорили, спорили и размышляли во французском Министерстве иностранных дел на набережной Орсе и в Высшем военном совете в Венсене, а также в местах, удаленных от этих центров власти. Отойдя от лоббистских публикаций Французского комитета по строительству тоннеля под Ла-Маншем, обратимся к эссе, написанным кандидатами на получение аттестата с отличием в департаменте Сена в 1919 г. Эти эссе помогают понять, каким виделся тоннель «обычным людям» во Франции в конце Первой мировой войны, а также то, как на низовом уровне менялись представления о Франции, ее границах и новом международном порядке, который должен был сложиться после окончания конфликта.

Эссе кандидатов, как и воображаемый ими тоннель, образуют некое связующее звено. Во-первых, эти ученики, получившие образование в начале Третьей республики, достигшие совершеннолетия во время войны и затем преподававшие в конце существования Третьей республики, демонстрируют формировавшиеся ценности поколения учителей, которые в течение двух десятилетий перед Второй мировой войной знакомили студентов с историей, культурой и ценностями Франции. Во-вторых, они связывают представления Франции о врагах и союзниках военного времени с многосторонней политикой безопасности конца 1920-х гг., основанной на взаимопомощи и верховенстве международного права и, как отмечал Питер Джексон, по-прежнему придававшей решающее значение британской мощи [93].

Если кандидаты и представляли себе мир без тарифов и пограничного контроля, то это был мир, в котором франко-британский альянс укреплялся благодаря новым достижениям (в первую очередь строительству тоннеля) и в котором народы обеих стран жили в дружбе. Однако такая свобода передвижения и торговли не распространялась на восточного соседа Франции, и Германия оставалась скорее явным соперником, чем потенциальным партнером, каким она могла бы стать благодаря политике Аристида Бриана и Густава Штреземана во второй половине 1920-х гг. Таким образом, ответы кандидатов отражают множество представлений, которые формировали повседневную культуру национализма в эпоху Первой мировой войны, а также многочисленные переломные моменты и точки невозврата в период выхода из войны (*sortie de guerre*).

Роксанн Панчаси убедительно доказывает, что представления о будущем, сложившиеся в определенный момент, позволяют понять тревоги и заботы настоящего, которые и порождают эти представления [94]. В нашем случае представление о тоннеле как о чем-то неизбежном отражало более широкие надежды Запада на мир, который должен был наступить после войны, в которой, как считалось, сражались из самых благородных побуждений. Эти надежды достигли апогея летом 1919 г., когда были подписаны мирные договоры и молодые люди сдавали экзамены. Ученики знали, какого ответа от них ждут, и все, кроме Луи Мальи, перечислили положительные стороны строительства тоннеля под Ла-Маншем. Единодушие в их ответах свидетельствует о том, какое огромное влияние оказала на них война. Но это также показывает, насколько важную роль в их образовании играл франко-британский союз и насколько широко в обществе были распространены ожидания, что этот союз и дальше будет важен для Франции в ее попытках переосмыслить свою роль в послевоенном мире и в построении мира, в который кандидаты внесут свой вклад, когда сами станут учителями. И их уроки, и массовая культура национализма нашли отражение в их ответах, пронизанных представлениями о нации, национальной безопасности и национальном сообществе. Таким образом, их размышления о границах показывают, что идеи государственности редко, если вообще когда-либо, существуют изолированно. Напротив, они проливают свет на целый ряд различных соображений, из которых складывались представления о нации. Тоннель под Ла-Маншем был не просто тоннелем – он стал воплощением надежд, тревог, страхов и ожиданий, связанных с Францией и ее местом в мире после разрушительной Первой мировой войны.

Благодарности. Мы хотели бы поблагодарить Мону Зигель, которая летом 2020 г., в разгар локдауна вследствие пандемии COVID-19, написала нам об экзаменационных работах, на которых основана эта статья, и весной 2022 г. прислала нам их копии. Эта научная щедрость стала отправной точкой для написания этой статьи. Мы также благодарны анонимным рецензентам журнала The Historical Journal за чрезвычайно конструктивные и содержательные комментарии, а также слушателям конференции Общества французских исторических исследований в Детройте (штат

Мичиган) и Европейской конференции по истории социальных наук в Гетеборге за их отзывы об исследованиях, основанных на первоначальных идеях, лежащих в основе настоящей статьи.

Информация о финансировании. Мы благодарны за финансовую поддержку, оказанную в рамках программы малых грантов Британской академии / Леверхалма (SRG21\210294) и фонда Герды Хенкель (стипендия AZ 45/F/21), которые помогли провести это исследование.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Пер. с англ. П.А. Искендеров

Примечания

1. Paris, Archives de Paris (AdP), D2T1 (14) Académie de Paris, Enseignement an XII–1943 (1803–1943), Aspirants Brevet Supérieur (Seine), Louis Malhis.
2. Ibid., Marcel Lanteaume; Raymond Gaston Vuillemen; Charles Albert Charpentier; Emmanuel Gaudriot.
3. Хотя многие исследователи расценивают предложение Ллойда Джорджа как попытку подкупить французского премьер-министра Жоржа Клемансо, чтобы добиться уступок в Рейнской области, сам факт того, что этот вопрос поднимался в контексте более широких дискуссий о европейских границах, говорит о том, что строительство тоннеля было связано с более масштабными геополитическими и стратегическими вопросами. См.: LENTIN A. Lloyd George and the Lost Peace: From Versailles to Hitler, 1919–1940. Basingstoke. 2001, p. 53; MCMILLAN M. Paris 1919. London. 2002, p. 174; JACKSON P. Beyond the Balance of Power: France and the Politics of National Security in the Era of the First World War. Cambridge. 2013.
4. Paris, Archives nationales (AN), F/15/12599, Président du conseil de Ministère de la guerre à M. le Ministre des travaux publics et des transports, Conseil supérieur des travaux publics, 10.03.1919; Geneva, UN Archives (UNA), R1097/14/11907/11907, B. Attolico to M. Millerand, Président de la République Française; UNA, R1097/14/11907/11907, “De l’Europe à l’Afrique et à l’Amérique par l’Espagne”, par M. N. Snss, ancien directeur, ingénieur; UNA, R1097/14/11907/11907, “Rapport de M. Bressler sur le tunnel sous le Detroit de Gibraltar”; UNA, R1097/14/11907/11907, “Paris – Dakar en 3 jours”, Projet Henri Bressler, pamphlet (Paris, 1920); UNA, S484/3/2, Chambre de commerce internationale / Railway Transport Committee, 13.11.1922.
5. AN, F/14/1260 Minutes of the Conseil supérieur des travaux publics 1919–20; UNA, R1134/14/21691/21691, Chambre de commerce internationale, Comité de groupe des transports et des communications, “Le Tunnel conseil sous la Manche. Note rédigée par M. Gustave Bortin, Secrétaire du Comité Français du Tunnel sous la Manche, d’association ‘Franco-Grande Bretagne’”; UNA, R1134/14/21691/21691, Chambre de commerce internationale, Comité des trains de marchandises internationaux, 06.10.1922.
6. SAHLINS P. Natural Frontiers Revisited: France’s Boundaries since the Seventeenth Century. — American Historical Review. 1990. Vol. 95, p. 1423–1451. См. также: IBID. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley, CA. 1989; COLLEY L. Britishness and Otherness: An Argument. — Journal of British Studies. 1992. Vol. 31, p. 309–329.
7. BJORK J.E. Neither German Nor Pole: Catholicism and National Indifference in a Central European borderland. Ann Arbor, MI. 2008; Sovereignty, Nationalism and the Quest for Homogeneity in Interwar Europe / Eds.: E.D. Mulle, D. Rodogno, M. Bieling. London. 2023; FORD C. Creating the Nation in Provincial France: Religion and Political Identity in Brittany. Princeton, NJ. 1993; WEBER E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford, CA. 1976; ZAHRA T. Kidnapped Souls: National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian lands, 1900–1948. Ithaca, NY. 2008.

8. Introduction: Everyday Nationalism's Evidence Problem / Eds.: J. Fox, M. van Ginderachter. — Nations and Nationalism. 2018. No. 24, p. 546–552.
9. VAN GINDERACHTER M. The Everyday Nationalism of Workers: A Social History of Modern Belgium. Stanford, CA. 2019.
10. HÖGSELIUS P., KAIJSER A., VAN DER VLEUTEN E. Europe's Infrastructure Transition: Economy, War, Nature. Basingstoke. 2018. На тему интернационализма см.: SLUGA G. Internationalism in the Age of Nationalism. Philadelphia, PA. 2013; Internationalists in European History: Rethinking the Twentieth Century / Eds.: D. Brydan, J. Reinisch. London. 2021; Internationalisms: A Twentieth-Century History / Eds.: P. Clavin, G. Sluga. Cambridge. 2016.
11. Une petite Angleterre: Catalogue et contributions inedités. Departement de Pas-de-Calais, direction des archives. 2004.
12. NAVAILLES J.-P. Le tunnel sous la Manche. Deux siècles pour sauter le pas, 1802–1987. Mâcon. 1987; PRESTWICH P.E. French Businessmen and the Channel Tunnel Project of 1913. — French Historical Studies. 1976. Vol. 9, p. 690–715; VIELLE E.E. Le tunnel sous la Manche. Paris. 1970; WILSON K. Channel Tunnel Visions, 1850–1945: Dreams and Nightmares. London. 1994; DARIAN-SMITH E. Bridging Divides: The Channel Tunnel and English Legal Identity in the New Europe. Berkeley, CA. 1999; LEMOINE B. Le tunnel sous la Manche. Paris. 1990; SPICK J. Le tunnel sous la Manche. Vendôme. 1995; REDFORD D. Opposition to the Channel Tunnel, 1882–1975: Identity, Island Status and Security. — History. 2014. Vol. 99, p. 100–120.
13. GOURVISH T. The Official History of Britain and the Channel Tunnel. London. 2006; GRAYSON R.S. The British Government and the Channel Tunnel, 1919–1939. — Journal of Contemporary History. 1996. Vol. 31, p. 125–144.
14. PANCHASI R. Future Tense: The Culture of Anticipation in France between the Wars. NY. 2009, p. 4.
15. Эта мобильность была ограниченной, и существовали различия между детьми буржуазии, которые учились в лицее, и детьми из рабочего класса, которые учились в старшей начальной школе (école primaire supérieure) или учительской семинарии (école normale) и получали квалификацию, необходимую для работы учителями начальных классов. См: GRANDIÈRE M. La formation des maîtres en France, 1792–1914. Lyon. 2006.
16. Аттестат (brevet) во французских начальных школах имел долгую историю и пережил множество смен режимов в XIX в. Аттестат с отличием (brevet de capacité) был введен в качестве обязательного квалификационного требования для учителей начальных классов (instituteurs) в феврале 1816 г., и на протяжении XIX в. требования к нему постепенно ужесточались. См.: PROST A. Histoire de l'enseignement en France, 1800–1967. Paris. 1968, p. 135–136; SIMON R. Le brevet supérieur et les écoles primaires supérieures. — L'Information universitaire. Vol. 550. 20.05.1933; La circulaire du 4 août 1926 relative à la préparation du brevet supérieur dans les écoles primaires supérieures et les écoles normales. — Bulletin administratif du Ministère de l'instruction publique. 1926. No. 2573, p. 24. В начале XX в. диплом об окончании педагогического института был одним из способов получить должность учителя начальной школы. Об усилиях по реформированию этой системы в межвоенный период см.: GRANDIÈRE M. Les élèves instituteurs et institutrices au lycée: Un projet de l'entre-deux-guerres. — Histoire de l'éducation. 2012. Vol. 133, p. 65–94.
17. Обычно на это уходило два года, но иногда процесс мог затянуться до четырех лет. Также можно было получить аттестат с отличием (brevet supérieur) уже после назначения на должность, хотя это случалось редко. См.: CHAPOULIE J.-M. L'école d'état conquiert la France. Rennes. 2010. После 1923 г. на сдачу этого экзамена у студентов могло уйти до семи лет.
18. AdP, 1271W 205, Brevet d'enseignement primaire supérieure, 1919, Mabillon et écoles, procès-verbaux.
19. KROP J., LEMERCIER C., SCHERMUTZKI P. Relations sociales et désignation des directeurs d'école dans le département de la Seine, 1870–1914. — Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2010. Vol. 57, p. 91.
20. В рамках программы на получение аттестата с отличием (brevet supérieur) учащиеся сдавали экзамены по французскому языку, математике, естественным наукам, современным языкам, истории, географии, нравственному воспитанию и искусству. См.: AdP, 1271W 205, Brevet d'enseignement primaire supérieure, 1919, Mabillon et écoles, procès-verbaux.
21. WEBER E. Op. cit.
22. CHANET J.-F. L'école républicaine et les petits patries. Paris. 1996; THIESSE A.M. Ils apprenaient la France: L'exaltation des régions dans le discours patriotique. Paris. 1997.

23. STRACHAN J. Romance, Religion and the Republic: Bruno's "Le tour de France par deux enfants". — French History. 2004. Vol. 18, p. 96–118.
24. См.: NORA P. Lavisse, instituteur national: Le "Petit Lavisse", évangile de la République. In: Les lieux de mémoire: In 3 Vols. / Ed. P. Nora. Paris. 1984–1992.
25. Согласно М. Зигель: SIEGEL M. The Moral Disarmament of France: Education, Pacifism and Patriotism, 1914–1940. Cambridge. 2004, p. 20–38. Большинство учителей по всей Франции адаптировали свои уроки таким образом, чтобы привить ученикам культуру войны, основанную на преданности Франции и ненависти к врагу.
26. BRUNO G. Le tour de l'Europe pendant la guerre. Paris. 1916.
27. AUDOIN-ROUZEAU S. La guerre des enfants, 1914–1918: Essai d'histoire Culturelle. Paris. 1993.
28. SIEGEL M. Op. cit., p. 41.
29. PÉGUY CH. L'argent. Paris. 1913.
30. SIEGEL M. Op. cit., p. 1.
31. Ibidem.
32. Ibid., p. 15.
33. KROP J., LEMERCIER C., SCHERMUTZKI P. Op. cit., p. 80.
34. Ibidem.
35. HORNE J. Introduction. In: State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / Ed. J. Horne. Cambridge. 1997, p. 1–17.
36. AdP, D2T1 (14), Maurice Maillard.
37. Ibid., André Georges Quesnel; René Hervé.
38. Ibid., René Louis Jevais.
39. Ibid., Hervé.
40. Ibid., Gaston Lecendreux.
41. AUDOIN-ROUZEAU S., PROCHASSON CH. Sortir de la Grande guerre. Le monde après 1918. Paris. 2008; CABANES B. La victoire endeuillée. La sortie de guerre des soldats français, 1918–1920. Paris. 2004; HORNE J. Demobilizing the Mind: France and the Legacy of the Great War, 1919–1939. — French History and Civilization: Papers from the Georges Rude Seminar. 2009. No. 2, p. 101–119.
42. PETROSKI H. Engineering: The Channel Tunnel. — American Scientist. 1994. Vol. 82, p. 408–411.
43. AN, F/14/1260, Comité du tunnel sous la manche entre la France et l'Angleterre, Projet de rapport, 29.03.1919.
44. Le Manche et son tunnel: Discours de M. le Trocquer. — Rotary Magazine. 20.01.1930; AN, F/15/12599, Président du conseil de Ministère de la guerre à M. le Ministre des travaux publics et des transports, Conseil supérieur des travaux publics, 10.03.1919.
45. Ibidem.
46. Ibidem. См. также: UNA, R1097/14/11907/11907, B. Attolico to M. Millerand.
47. AdP, D2T1 (14), Maurice Roger François Raingeval; Lecendreux.
48. Ibid., Gaston Bertrand; Max Ronny.
49. Ibid., Raingeval; Clément Joseph Legros; Jevais.
50. Ibid., Quesnel.
51. Ibid., Ronny; Quesnel.
52. Ibid., André Vanacker.
53. Ibid., Lecendreux.
54. Эта связь между патриотизмом (а также республиканизмом) и пацифизмом, вероятно, повлияла на решение Лесендре стать учителем. Мона Зигель подчеркивала решающую роль этих взаимосвязанных понятий в формировании ценностей и убеждений, которые французские учителя начальных классов пытались привить своим ученикам в период между двумя мировыми войнами. См.: SIEGEL M. Op. cit.
55. AdP, D2T1 (14), André Bougat.
56. Ibid., Maurice Kahn; Hervé; Bertrand; René Griette; Vuillemen; Charpentier.
57. Ibid., Maurice Bouchard; Vuillemen. О тоннеле как о творении мира см.: UNA, S484/3/2, Chambre de commerce internationale / Railway Transport Committee, 13.11.1922.
58. BIGOT CH. Le petit français. Paris. 1884, p. 171; цитируется здесь: SIEGEL M. Op. cit., p. 24.
59. AKBARI S.C., JÜTTE D., NIGHTINGALE C., RANKIN W., WEITZBERG K. AHR Conversation: Walls, Borders, and Boundaries in World History. — American Historical Review. 2017. Vol. 122, p. 1529; MAIER CH.S. Once within Borders: Territories of Power, Wealth and Belonging since 1500. Cambridge, MA. 2016.

60. AdP, D2T1 (14), Malhis.
61. SARTIAUX A. Le tunnel sous-marin entre la France et l'Angleterre. Paris. 1914, p. 38.
62. Le Manche et son tunnel…
63. AdP, D2T1 (14), Quesnel.
64. Ibid., Legros.
65. Ibid., Pierre Prosper Danjou.
66. Ibid., Ronny.
67. CIANCIA K. On Civilization's Edge: A Polish Borderland in the Interwar World. Oxford. 2021.
68. HORNE J. Demobilizing the Mind…
69. SIEGEL M. Op. cit.
70. JACKSON P. Great Britain in French Policy Conceptions at the Paris Peace Conference, 1919. — Diplomacy and Statecraft. 2019. Vol. 30, p. 358–397.
71. AdP, D2T1 (14), Legros.
72. Ibid., Maurice Leclaire.
73. FORTH C. The Surprise of the Channel Tunnel: A Sensational Story of the Future. Liverpool. 1883, p. 22; Grip. — How John Bull Lost London, or The Capture of the Channel Tunnel. London. 1882, p. 38.
74. AN, F/14/1260, Comité du tunnel sous la manche entre la France et l'Angleterre, Projet de rapport, 29.03.1919 (подпись: le président et rapporteur général).
75. AdP, D2T1 (14), Hervé; Bouchard.
76. Ibid., AdP, D2T1 (14), Bouchard.
77. Ibid., Charpentier.
78. Ibid., Vuillemen.
79. Ibid., Gaudriot.
80. Ibid., Bouchard.
81. SWAART K.W. The Sense of Decadence in Nineteenth-Century France. Hague. 1964.
82. AdP, D2T1 (14), Griette.
83. PICK D. Pro Patria: Blocking the Tunnel. — Ecumene: A Geographical Journal of Environment, Culture and Meaning. 1994. No. 1, p. 78–79; ANDERSON B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London. 1983.
84. LAWRENCE P., BAYCROFT T., GROHMANN C. "Degrees of Foreignness" and the Construction of Identity in French Border Regions. — Contemporary European History. 2001. Vol. 10, p. 51–71.
85. PASSMORE K. Organizing the Terrain: The Maginot Line, 1919–1939. — Environmental History. 2024. Vol. 29. No. 1.
86. AdP, D2T1 (14), Griette. Об этом же написали: Vuillemen, René Raymond Romac, Marc Koven, Hervé, Bougat, and Lecendreux.
87. Ibid., Kahn; Raingeval.
88. Ibid., Malhis.
89. Ibidem.
90. AUDOIN-ROUZEAU S., BECKER A. Retrouver la guerre. Paris. 2000, p. 14–18.
91. В качестве небольшого примера см.: FELL A. Women as Veterans in France and Britain after the First World War. Cambridge. 2018; Twisted Paths: Europe, 1914–1945 / Ed. R. Gerwath. Oxford. 2007; Beyond the Great War: Making Peace in a Disordered World / Eds.: N. Ingram, C. Bouchard. Toronto. 2022; MANELA E. The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. Oxford. 2007; MILLINGTON CH. From Victory to Vichy: Veterans in Interwar France. Manchester. 2012; SHERMAN D. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago, IL. 1999; WINTER J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural Memory. Cambridge. 1995.
92. INGRAM N. The War Guilt Problem and the Ligue des Droits de L'Homme, 1914–1944. Oxford. 2019, p. 264.
93. JACKSON P. Beyond the Balance of Power…, p. 427–522.
94. PANCHASI R. Op. cit.

УДК 93/94
DOI: https://doi.org/10.31577/histcaso.2025.73.1.1
Статья поступила в редакцию 20.07.2026
Статья принята в печать 14.08.2026

Словацкая историография после 1989 г. в международном контексте: теоретико-методологические аспекты

Д. Ковач

Аннотация. В статье представлен авторский анализ историографии посткоммунистического периода через 10 лет после опубликования работы под названием «Парадоксы и дилеммы посткоммунистической историографии». Если в первое десятилетие в исторических исследованиях доминировали социально-политические аспекты, то спустя 30 лет актуальность приобрели теоретико-методологические вопросы. После политических изменений 1989 г. феномен исследовательской свободы имел преимущественно социополитическое измерение. Однако спустя время стало ясно, что свобода исследования – не то же самое, что свобода высказывания как гражданское право, поскольку она ограничена, с одной стороны, научной методологией, а с другой – национальными и европейскими схемами предоставления грантов. Историография Словакии страдает от недостаточной разработанности собственной истории. В первые годы после изменений 1989 г. основной упор делался на свободу от так называемой марксистско-ленинской идеологии, которую насаждали власти. Однако идеология в исторической науке может принимать разнообразные формы.

Ключевые слова: историография, идеология, Словакия, марксизм, национализм.

Ковач Душан – доктор философии, доктор наук, Институт истории Словацкой академии наук. Братислава. Словацкая Республика.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1267-3179.
E-mail: dusan.kovac@savba.sk.

Slovak historiography after 1989 in the international context: theoretical-methodological aspects

D. Kováč

Abstract. The article follows the author's analysis of post-communist historiography after ten years, which he published under the title Paradoxes and dilemmas of post-communist historiography. While in the first decade socio-political aspects were dominant in historical research, after thirty years theoretical methodological aspects are more topical. After the political change in 1989, the phenomenon of freedom of research had primarily a socio-political dimension. Over time, however, it became clear that freedom of research is not the same as civil right of free speech, because it is limited on the one hand by the methodology of scientific work and on the other hand by national and European grant schemes. Slovak historiography suffers from insufficient development of the history of Slovak historiography. In the first years after the socio-political change in 1989, emphasis was placed on freedom from the so-called Marxist-Leninist ideology imposed by political power. However, ideology in historical science takes various forms.

Key words: historiography, ideology, Slovakia, Marxizm, nationalism.

Kováč Dušan – PhDr., DrSc. Institute of History, Slovak Academy of Sciences. Bratislava. Slovak Republic.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1267-3179.
E-mail: dusan.kovac@savba.sk.

Оригинал статьи:
Historický časopis. 2025. Vol. 73. No. 1, p. 3–22.
URL: https://www.historickycasopis.sk/index.php?id=hc12025-kovac-dusan-slovenska-historiografia-po-roku-1989-v-medzinarodnom-kontexte-teoreticko-metodologicke-aspekty

Несомненно, 1989 г. стал важной вехой в развитии словацкой историографии, в том числе так называемой посткоммунистической. В определенном смысле изменилась и мировая историография. После 1989 г. в результате распада СССР и социалистического блока изменилась международная ситуация и возник другой мир. Не случилось никакого «конца истории», как его на неогегельянский манер именовал Фрэнсис Фукуяма [1], однако закончилась эра международного равновесия, основанная на соперничестве и сосуществовании двух сверхдержав. Это равновесие уже с 1980-х гг. в некоторой степени нарушали изменения в странах так называемого третьего мира: экономический, а затем и политический подъем Китая и процессы в арабском мире. Одновременно с этими политическими изменениями мир проходил другую важную трансформацию: общество постмодерна превращалось в постреальное, виртуальное общество. Распад Советского Союза как тоталитарной державы вызвал в начале 1990-х гг. оптимизм, даже эйфорию в либерально-демократическом мире, на этом фоне уже появлялись опасения относительно дальнейшего плохо прогнозируемого развития событий.

Политические изменения в мире оказали влияние и на историографию. До 1989 г. в мировой историографии наблюдалось своеобразное сосуществование – прежде всего организационное, в меньшей степени тематическое. Мировая организация исторической науки – Международный комитет по историческим наукам (Comité international des sciences historiques, CISH) – регулярно проводила конгрессы, участие в которых принимали и ученые из стран социалистического лагеря [2]. Тоталитарные режимы разрешали участвовать в мировых конгрессах только «одобренным» властями историкам. В Чехословакии решения об участии в подобных мероприятиях принимал Чехословацкий народный комитет историков, который состоял из действительных членов коммунистической партии. Только в исключительных случаях чешские и словацкие историки могли внести свой вклад в обсуждение тем конгрессов, которые устраивали их западные коллеги. Сосуществование историков и исторических тем в большинстве случаев имело форму параллельно ведущихся дискуссий, и лишь изредка дело доходило до более плодотворных контактов. Первым международным мероприятием, где смогли принять участие словацкие историки, которых уже не «фильтровали» органы коммунистической партии, стал конгресс 1990 г. в Мадриде. Для детальной подготовки словацкого участия в программе конгресса времени уже не оставалось, однако словацкие историки могли лично встретиться с коллегами, чьи имена встречали в научной литературе, и ознакомиться с темами, актуальными в мировом историческом сообществе.

Через 10 лет после падения коммунистического режима уже можно было анализировать и комментировать перемены, произошедшие в словацкой историографии, а также в историографии других так называемых посткоммунистических стран. Можно было констатировать, что многие изменения являлись одинаковыми для всех этих стран, но в то же время были и особенности, которые вытекали как из характера отдельных режимов, так и из всего предшествующего развития историографии той или иной страны [3].

Свобода исследования и ее границы. Понятием, которое после 1989 г. чаще всего встречалось в историографии стран бывшего социалистического блока, была «свобода исследования». Феномен свободы вообще всегда возникает на исторических поворотах и вехах. Он преобладал во время Французской революции 1789 г. и революций 1848 г. Особенностью революции в Венгрии 1848 г. было то, что под свободой политические элиты понимали прежде всего «национальную» свободу, тогда как народ подразумевал освобождение от барщины и налогов. Опыт революций показывает, что восприятие свободы простое для несвободных и становится сложным для освобожденных.

Подобные процессы восприятия свободы (свободы исследования) проходили и в историографии стран, которые избавились от тоталитаризма в 1989 г. Свобода исследования понималась сообществом историков двояко. Речь шла и о свободе в выборе темы, и о свободе в области методологии и интерпретации. В Чехословакии тоталитарный режим строго контролировал сферу общественных и гуманитарных наук с начала периода так называемой нормализации, то есть с конца 1960-х гг., и этот контроль не был ослаблен даже в эпоху горбачевской перестройки. Компартия, ее институты и функционеры определяли не только темы, разрешенные и категорически запрещенные к исследованию, но и результаты, к которым должен был прийти ученый. В области интерпретации результатов в качестве единственно возможного насаждался марксистский метод. В Словакии идеологический надзор и толкование, что является и что не является марксистским, осуществляли партийные и академические функционеры, которые были недостаточно образованы, прежде всего в области историографии, и о марксизме знали из кратких руководств, разработанных для партийного обучения. В Советском Союзе возник гибридный и неподдающийся пониманию термин «марксизм-ленинизм». Целью внедрения этого понятия было объявить, что Ленин является последователем и дальнейшим разработчиком теории Маркса, хотя в действительности взгляды Маркса на многие вопросы, и в первую очередь на проблему социалистической революции, Ленин фундаментально пересмотрел. Когда идеологический надзор пал, свобода интерпретации многими стала восприниматься волюнтаристически либо как свобода слова в общегражданском смысле, без обязательного подкрепления аргументами выводов и утверждений.

Свобода исследования в исторической науке, как и в любой другой научной области, имеет свои границы, определяемые в том числе методологией дисциплины. В первые месяцы после падения тоталитаризма свобода исследования в целом понималась как нечто позитивное, как одно из завоеваний «бархатной революции». Однако очень скоро оказалось, что тоталитарный режим за долгие годы своей диктатуры воспитал особый подвид историка, приспособившегося к несвободе. Историк этого типа привык, что у него есть определенная тема, знал, что в своей работе должен цитировать только классиков марксизма-ленинизма, видных отечественных и прежде всего советских фигур, и, наконец, сформулировать требуемое заключение в духе псевдомарксистского исторического материализма. Такая система работы была удобна, не требовала интеллектуального напряжения и позволяла выжить. Научная же свобода предъявляет к исследователю определенные требования. Он должен соблюдать методологические принципы дисциплины, что требует от него постоянного теоретического совершенствования и навыков интеллектуальной работы. Многие историки этими

навыками после 1989 г. не овладели. Выходом из ситуации стал уход из специальности либо переориентация на национализм, не требующий умственных усилий.

Уже в 1990-е гг. свобода исследования в словацкой историографии получила новое европейское и мировое измерение. Представление об историке как ученом, который работает в тиши кабинета над «своей» темой, довольно распространено среди общественности, но в целом неверно. Этого не было даже в Средневековье. В наши дни поддержка науки строится на проектно-грантовой основе. Профессиональная историография институционализирована и реализуется в академических заведениях. В Словакии поддержка науки государством – одна из самых слабых в Европе и по большей части основана на грантах. Академические институты не выживут без национальных или международных грантов. Крупные гранты можно получить от Европейского союза. Однако темы этих грантов также даются «сверху» и в большинстве случаев – по актуальным проблемам, где размах для историка минимален. На национальном уровне существует и общественный запрос на ту или иную тему, которую подает сам ученый. При таких схемах независимые исследователи имеют мало шансов на успех. Практически всегда необходимым условием является работа в команде. Это, безусловно, имеет свои преимущества, но одновременно создает ограничения. В то же время средства для исследования в учреждениях по грантам выделяют на основании экспертной оценки (peer review). Ясно, что иначе нельзя, но это тоже в своем роде ограничение. Мы могли бы вспомнить широко известный и часто приводимый пример: если бы Альберт Эйнштейн был занят в проекте, мир никогда бы не узнал о теории относительности. В европейской и общемировой конкурентной среде историки вынуждены формулировать темы так, чтобы они звучали привлекательно и современно, поскольку в мировой историографии также существуют «модные тенденции», а в международном сообществе историков существует нечто вроде общественного мнения. Нужны яркие заголовки, новые выводы, которые ставят под сомнение общепринятые тезисы. Так было и с упомянутым выше «концом истории», и со взваливанием вины за развязывание Первой мировой войны на лунатиков [4], и с утверждением авторитетных британских ученых, что Первая мировая не закончилась в 1918 г., а шла как минимум до 1923 г. [5] Эти проблемы эпохи постреальности уже в полной мере почувствовала на себе словацкая историография: начали проводиться научные мероприятия, а затем и выходить публикации на модные темы инклюзии / эксклюзии, центра и периферии либо на не всегда адекватно понимаемые темы «мы и они», мест памяти и т.п.

История словацкой историографии: долгосрочная и нерешенная (нерешаемая?) проблема. Можно было бы ожидать, что принципиальные общественные изменения и новые обстоятельства, в которых оказалась словацкая историография, вызовут саморефлексию и дискуссию в историческом сообществе. Это позволило бы проанализировать ситуацию, в которой находилась историография предшествующего периода, показать ее реальные возможности и достигнутые результаты, работу и «отработку» отдельных представителей словацкого сообщества историков. Более глубокого осмысления и саморефлексии, однако, не произошло, что удивительно в сравнении с Чехией, где уже с 1990 г. шли жаркие споры об историографии, особенно периода «нормализации». В 1999 г. вышла оценочная публикация Йозефа Ганзала [6], вызвавшая новую волну споров. По словам Денисы Нечасовой, «в рамках чешской

историографии эти спорные вопросы привели к многолетним дискуссиям о тоталитарной и ревизионистской интерпретации государственного социализма» [7]. Дискуссий такого рода в словацкой историографии не было, как будто бы за периодом нормализации закрылся занавес. Констатировали, что историография находилась под контролем партии, коммунистический режим навязал всем гуманитарным и общественным наукам марксистский или, скорее, так называемый марксистско-ленинский метод, однако все это не могло заменить собой подробный анализ.

Определенным выходом из этого вакуума мог стать, конечно же, вдумчивый и сбалансированный пересмотр предшествующего развития словацкой историографии. Однако и в этом плане Словакия оказалась в незавидном положении. Историография уже долгое время является здесь вторичной дисциплиной [8]. История физики исследована в Словакии лучше, чем историография. На рубеже XX и XXI вв. в Прешовском университете под руководством Михала Отченаша стала формироваться группа историков, программа которой была посвящена вопросам развития словацкой историографии и истории. К сожалению, группа распалась прежде, чем достигла каких-либо значимых результатов. В Институте истории Словацкой академии наук были два специалиста по развитию словацкой историографии, сегодня остался один, Адам Гудек, который занимался словацкой историографией 1948–1968 гг. [9] Период «нормализации» пока ждет своего исследователя. Именно чтобы заполнить этот существенный пробел в словацкой историографии, следует признать, что это – пробел и в словацкой культурной сфере, и исследовать словацкую историографию необходимо профессионально. Речь идет не только о новейшей словацкой истории, но и об историографии Средних веков и Нового времени. Желательно перевести и сделать доступными для общественности и работы историографов XVIII в. – Юрая Папанека, Юрая Скленарика и др. Применительно к более ранним периодам в распоряжении ученых есть обзор Франтишека Кутнара и Ярослава Марека [10]. Недостаточным представляется и обучение в области историографии (в том числе мировой), исторического мышления, философии и методологии истории. На наш взгляд, так слабо, как в словацких университетах, этим дисциплинам не учат ни в одной цивилизованной стране.

«Ненавижу и люблю»: историография и идеология. После ноября 1989 г. повсюду *в унисон* зазвучали голоса о необходимости деидеологизации науки. Это касалось науки в целом, но особенно актуальным представлялось именно для гуманитарных и общественных наук. Тогда, в ноябрьские дни, как, впрочем, и в последующие годы, под деидеологизацией подразумевалось освобождение исследовательского анализа от брони так называемого марксизма-ленинизма.

В историографии существовал запрос на освобождение научного познания от телеологической схемы исторического развития в виде исторического материализма Маркса: от бесклассового (первоначального) общества через различные фазы классового общества до высшей фазы развития – экономически, технологически и социально зрелого нового бесклассового коммунистического общества. Двигателем такого исторического развития были производственные силы (прежде всего, их управление), вытекающие из них производственные отношения и классовая борьба. Провозглашать себя сторонником данной телеологической схемы было обязательным, и таким образом идеологический контроль со стороны компартии устанавливал ограничения на свободу исследования.

Между тем Маркс на основе этой концепции, в значительной мере вдохновленной диалектикой Гегеля и философией истории, выработал научный метод, который для некоторых периодов и отдельных тем был продуктивен. Многие работы Маркса, посвященные XIX в., представляли собой подробный и понятный анализ тогдашнего капиталистического общества. Многие знаменитые историки объявляли и объявляют себя последователями марксизма (например, Эрик Хобсбаум).

Однако в Словакии марксизм в историографии, да и в историческом сознании представлял собой проблему. Марксистское понимание истории стало в качестве обязательного вводиться здесь еще с начала 1950-х гг. До этого в Словакии (в отличие от Чехии) не были известны знаменитые исторические труды Маркса и не было историков, знакомых с марксизмом как с исторической концепцией и методологией. Так случилось, что марксизм внедрялся в историческое знание и историческое сознание насильно, наскоро и неквалифицированно, в форме упрощенного «марксизма-ленинизма». Многие историки, взращенные на историческом позитивизме, просто добавили во вводные и заключительные части своих работ цитаты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина или Готвальда и, таким образом, презентовали себя как марксистов. Марксистская историческая концепция в крайне упрощенном виде вошла и в историческое образование, начиная с общеобразовательных школ и заканчивая вузами. Исторический материализм и история международного рабочего движения изучались и в вузах естественнонаучного и технического направлений. Через такое обучение истории прошло несколько поколений, которые в 1989 г. составляли бóльшую часть населения.

Избавиться от идеологических ограничений марксизма было непросто, поскольку не только обыватели, но и специалисты не сталкивались с какой-либо другой концепцией. Студенты-историки, ставшие учителями истории, были воспитаны на этой упрощенной и однобокой теории исторического развития и несли ее дальше. Ноябрь 1989 г. не мог изменить ситуацию, которая складывалась десятилетиями, и главное – не мог это сделать быстро. Перемены, которые принято называть «бархатной революцией», были, в сущности, «бархатными» потому, что были достигнуты путем договоренностей между новыми политическими силами и так называемыми старыми структурами. В обществе же остались не только реформированные определенным образом, в основном внешне, старые структуры, но и деформированное историческое сознание. Даже многие политики, которые иногда приводили исторические аргументы, причем на вполне законных основаниях, сами того не понимая, распространяли дальше эти годами проверенные схемы и концепции. И даже сегодня в словацком обществе весьма живуче негативное отношение, навязанное еще коммунистическим режимом, к Томашу Гаррригу Масарику, Эдварду Бенешу и многим другим «буржуазным» словацким политикам, так же как и непонимание значения создания Чехословацкой республики в 1918 г. для национального развития словаков. И подобных дефектов в словацком историческом сознании много. Для преодоления реликтов, унаследованных вследствие деформации исторического сознания словацкого общества, необходимо не только проводить новые исследования по новым и старым темам, но и прежде всего изучить теорию и методологию исторического исследования. В этой области словацкая историография обладает значительными резервами. А чем больше резервов в области теории, тем больше пространства остается для идеологии.

В Словакии преодоление деформаций, вызванных упрощенной марксистской идеологией, представляет трудность еще и потому, что период «нормализации» в Чехословакии привел в 1970-х и 1980-х гг. к новой фазе догматизма, тогда как в некоторых других странах социалистического блока (Польша, Венгрия) уже в то время историческая наука все больше открывалась навстречу методологическим дискуссиям. В Словакии в этом плане ситуация была хуже даже по сравнению с Чехией, где марксистки ориентированная историография существовала еще до Второй мировой войны и эта традиция до определенной меры ставила преграды для примитивного «тоже марксизма».

На первом этапе изменений после ноября 1989 г. усилия по избавлению от панциря марксизма затмили собою полностью очевидный факт, что идеология не равна марксизму. С отрицанием марксизма открылся простор для других идеологических течений. Так, стала насаждаться телеолого-теологическая концепция, но, к слову, закрепился и национализм, который уже существовал в Словакии в оболочке марксизма.

Идеология в историографии – проблема, однако, более глубокая, тесно связанная с эпистемологией и методологией работы историка. В плоскости эпистемологии ключевой вопрос состоит в том, способна ли историческая наука познать и объяснить предмет своего исследования – исторические события [11]. Историография не может охватить все события в их тотальности. Поэтому историк из всего комплекса событий должен выбирать, решать, какие важны, а какие можно отбросить. Выбор историка должен при этом определяться его опытом и умудренностью, а не приверженностью идеологии. Аналогичным образом дело обстоит с проблемой «переписывания истории». Переписывание неизбежно, и это знал еще Иоганн Вольфганг фон Гете, один из последних мыслителей XIX в. вселенского масштаба. Но это переписывание тоже происходит в результате получения нового опыта, а значит, и умудренности историка [12]. Разница между естественными науками и историографией (и другими гуманитарными и общественными науками) обычно понимается как разное положение исследующего субъекта и исследуемого объекта. Если в естественных науках субъект исследования – ученый – находится вне объекта исследования, то историк как исследующий субъект является составной частью своего объекта исследования. Когда речь идет об историке, этот субъективизм кажется бесспорным. Применительно к природоведческим наукам Эдмунд Гуссерль и его последователи от феноменологии оспаривали абсолютную изолированность субъекта от исследуемого объекта [13]. В области размышлений об истории эта эпистемологическая проблема имеет и другую форму. Если мы признаем, что творцами истории выступают люди, то люди могут и понять ее, в отличие от природы, которая творением людей не является. С этой идеей мы сталкиваемся в начале XVIII в. у Джамбаттисты Вико [14] и Вольтера, а позднее и у Вильгельма Дильтея, который, однако, говорит о понимании (verstehen) применительно к историографии, тогда как естественные науки занимаются познанием (erkennen). Историки и представители наук об обществе являются частью исследуемого объекта (нации, общества, государства, местности) и не могут находиться «полностью вне его». Это было главным аргументом для Вильгельма Дильтея, который выступал за то, чтобы историк проникал в сознание творцов истории. Эмпатия при этом не означает отождествления. В сознании познающего субъекта внешний мир переплавляется в осмысленное понимание [15]. И именно историческая герменевтика

является тем инструментом, который защищает историческую науку от скепсиса, с одной стороны, и от полного своеволия – с другой [16]. Таким образом, в наши дни в оживленные дискуссии вступают классики – историки и философы. Дискуссии с 1960-х – 1980-х гг. заново открыли мыслителей рубежа столетий, особенно Вильгельма Дильтея и Якоба Буркхардта. В предшествующей литературе о словацкой историографии мы не находим подробных сведений о том, как словацкие историки воспринимали европейские теоретические дискуссии. В наглядной работе Франтишека Кутнара о развитии чешской и словацкой историографии часто встречаются мнения о влиянии на чешских историков дискуссий и публикаций известных мировых авторов. Словацкие интеллигенты не жили в Венгрии в духовной изоляции, они осваивали латынь, а в Новое время – другие языки мировой культуры, путешествовали по Европе, и их не могли обойти стороной основные идеи европейской историографии и рассуждений об истории. Однако это тема, которая еще только ожидает своего исследователя.

С точки зрения методологии оказывается, что идеология потенциально скрывается в любом телеологическом понимании истории. При толковании истории всегда ставился заодно и вопрос о ее конечной цели и смысле. Исторический скептицизм появился уже в досовременную эпоху. В XVII в. Спиноза в своей онтологии в связи с пониманием Бога как безличного существа приравнивал бога к природе и отрицал подчинение его деятельности каким-либо целям: «Не нужно лишних слов, чтобы доказать, что природа не имеет никаких заранее поставленных целей и что любое наделение ее целеполаганием есть не что иное, как человеческие измышления» [17].

В XIX в. размышлениями об истории на долгое время овладела «мировая душа» Гегеля, стремящаяся во всем дойти до сути. И если Карл Маркс позаимствовал у Гегеля не только его диалектику, но и телеологическое толкование исторического процесса, причем в неидеалистической, материальной форме, не стоит удивляться, что этот принцип проник и в словацкое историческое мышление. Идеи Гердера и особенно Гегеля в Словакию принесли словацкие студенты из немецкой академической среды. Гегельянцем был, прежде всего, Людовит Штур (словацкий общественный и политический деятель, один из идеологов словацкого национального возрождения XIX в., поэт, филолог и журналист. — *Прим. пер.*), который не смирился с тем, что «мировая душа» должна почить в Пруссии, и видел ее продолжение в славянском мире.

И поскольку историческая теория Маркса в 1950-х гг. систематически навязывалась властями словацким историографам, наследие телеологического мышления и тесно связанная с ним концепция прогресса благополучно пережили и 1989 г., зачастую принимая националистическое обличье. Идеология в истории не должна иметь всегда лишь простую, исконную форму. В этом плане историография принципиально отличается от естественных наук, и ее деидеологизация – сложный процесс. Процесс познания и понимания в историографии и других общественных науках трудоемкий. Историография как научная специальность считается критической дисциплиной, о чем бы следовало неустанно напоминать словацким историкам.

Национализм: престолонаследник марксизма? Проблема идеологии национализма в Словакии (и не только там) в историографии в первые годы после ноября 1989 г. состояла и в том, что после политических изменений национализм очень настойчиво добивался

того, чтобы занять место коммунистической идеологии. Националисты это провозглашали открыто и без опаски: коммунизм пал, пришло наше время.

Словацкий национализм сразу же, в первые месяцы, проявился наиболее отчетливо в защите словацкого государства военного периода и его лидера Йозефа Тисо. Главными его защитниками стали прежде всего историки и историки-любители, вернувшиеся в Словакию из эмиграции. Оживили старую народную идею 1939 г., что словацкое государство (и, на удивление, чаще всего использовали термин «Словацкая республика») являлось кульминацией тысячелетней борьбы словаков за свою государственность. Йозеф Тисо был возведен в ранг национального мученика, речь шла не только о его реабилитации, но и о беатификации, о чем Ватикан, конечно же, даже не думал. Следует отметить, что эта апология у части общества еще наблюдается, однако в профессиональной (академической) историографии данная тема перестала доминировать.

В историографии, и прежде всего в исторической публицистике, национализм проявился также в оживлении (и создании) национальных мифов. Моравский князь Святополк был объявлен королем «старых» словаков, у этрусков и других древних народов обнаруживали славянское происхождение, а словаки определялись как миролюбивый и работящий народ, народ-созидатель, который никогда не вел войн, и т.п. [18] В XXI в. и эта националистическая мифология существенно сдала позиции.

Сегодня национализм проявляется – и не только в Словакии, это общемировая проблема – при создании национальной истории. Сам по себе основной национальный нарратив (master narrative) таит в себе националистические риски. Он непрерывно отслеживает историческое развитие национального общества, и автор часто является членом этого общества, что может давать простор для некритического восприятия его исторического развития. Национальная история сопряжена с развитием историографии в Европе. Геродот, которого принято считать «отцом» историографии, писал не «национальную», а мировую историю, то есть историю современного ему и знакомого его читателям мира. Похожим образом свой предмет воспринимали и другие античные историки, и эта тенденция в определенной мере дошла до современной эпохи. Такой универсализм постепенно замещался европоцентризмом, писалась история крупных европейских монархий и войн. С XIX в., в связи с появлением современного национализма, на европейском континенте стали продвигать историю народов, соответственно, коренных государств [19]. Это был период, когда историография становилась профессией, отделялась от других гуманитарных специальностей и как таковая появилась в университетах. Это сильно повлияло на ее характер. И многие современные попытки «написать европейскую историю» являются ничем иным, как мозаикой истории европейских, главным образом крупных, народов. Иногда национальные исторические сюжеты переплетаются, иногда просто существуют бок о бок.

Национальная история возникала одновременно с тем, что в политической сфере начинала насаждаться идеология национального государства. Многие национальные сюжеты в историографии брали начало в Средневековье. Средневековые государства представлялись как национальные, что является ничем иным, как национальным мифотворчеством. Стали издаваться серии источников к этой национальной истории. С 1826 г. в Германии начала выходить

действительно монументальная Monumenta Germaniae historica, и практически все другие нации стали постепенно издавать документы по «своей» государственности. В специальной литературе в меньшей степени, но в историческом сознании средневековые государства понимаются именно как национальные (немецкое, венгерское, чешское), и эта историчность еще со времен Средневековья является частью мифологического исторического сознания. Поскольку у Словакии не было такого «национального» государственного образования, национальная мифология, начиная еще с княжества Прибины, или так называемой Великой Моравии, стала здесь своего рода заменой исторической государственности; на крайний случай для этого моравского государства придумали название «Великая Словакия». Средневековые «национальные государства», таким образом, в том числе с помощью научной литературы и в том числе в современности, героизировали. Однако сегодня концепции национальных государств вошли в конфликт друг с другом, а это проблема уже не историографии, а общества.

Историография как повествование в жанре нон-фикшн. Таким образом, национализм может проникать в историографию через историю (в первую очередь, национальную). Однако история – это не национализм. Национализм привносит в историю историк, то есть субъект, который составляет историю. Представление, что так называемая аналитическая историография, основанная на анализе социальных явлений, может быть фильтром, который не пропустит национализм, – иллюзия. Если историку, то есть субъекту, пишущему научную статью, присущ национализм, он проникнет из его сознания в каждую его работу. И отказ от исторического сюжета – это отказ от той же историографии. История делается и должна делаться.

Прошлое как мертвый феномен не представляет интереса и действительно мертво, история же – живой поток, который течет в человеческом сознании и в нашем познании мира. Повествование – это то, что связывает нас с прошлым и открывает дверь в будущее. Наше присутствие во времени и пространстве всегда имеет историческое измерение, хотим мы этого или нет. Согласно французскому философу Полю Рикеру, повествование, нарратив важны не только для понимания собственной идентичности, но и для постижения истории [20]. Очень точно эту мысль сформулировала немецкий историк Виола Шрадер, по мнению которой, повествовательность – организационный принцип исторического свидетельства и инструмент понимания истории [21]. Согласно немецкому теоретику Йорну Рюзену, повествовательность – главный принцип исторического мышления, на котором базируется существование историографии как самостоятельного научного направления [22]. Процесс исторического познания завершается уже после того, как историк, который вычленил информацию из источников, придаст ей форму «истории», то есть сделает из нее текст (нарратив) [23]. Чтобы это не было совсем просто, Освальд Шпенглер в своем главном труде «Закат Европы» говорил о необходимости придания написанной истории также философского измерения [24]. Тенденция отрицать повествовательность не нова. Уже в конце XIX в. основоположник современной социологии Эмиль Дюркгейм считал историографию в той или иной степени вспомогательной социологической наукой.

В то же время историографии угрожает другая опасность: превращение ее из профессиональной научной дисциплины в чистой воды литературный вымысел, который надо исследовать прежде всего литературоведческими и лингвистическими методами. Рассуждения на эту тему впервые появились у американского историка и литературоведа Хейдена Уайта в его книге «Метаистория» [25]. В Словакии

Уайту посвятил свои работы Юрай Шух [26]. Уайтовское «освобождение» историографии от трудного поиска метода научного исследования вызвало в сообществе историков широкий отклик, преимущественно негативный. Если историческая литература должна оцениваться по литературным критериям и отрицается какая-либо норма научной объективности, историография перестает быть научной дисциплиной, что вызывает серьезные этические возражения.

Возникла дискуссия о том, могут ли и преступления нацистов, включая Холокост, свободно интерпретироваться на основании воображения автора, как и любой другой литературный вымысел [27]. В ходе дискуссии подчеркивалось, что историческое познание имеет также этическую сторону, которая, как правило, не характерна для естественных наук. Хейден Уайт шаг за шагом корректировал свои радикальные утверждения, но до сих пор остается открытым вопрос об отрицании повествования в историографии, с одной стороны, и о понимании историографии как литературного вымысла – с другой. Историки противостоят обеим тенденциям, причем нередко весьма выразительно. Австралийский историк Кейт Уиндсчаттл писал буквально об убийстве истории [28]. На защиту историографии как специальной дисциплины решительно встал историк из Кембриджа Ричард Дж. Эванс [29]. Эти постмодернистские дискуссии в Словакии велись мало и затронули, как ни странно, в большей степени философов, нежели историков.

Историк как единственный в своем роде субъект познания. Реальные отправные точки, но не в области теоретических рассуждений, а в области изучения и интерпретации исторического процесса должны искать, прежде всего, сами историки.

Если проблема национализма в историографии – не только идеологическая, но и теоретико-методологическая, это предъявляет дополнительные требования к личности и уровню образования историка как субъекта исследования. Историк должен полностью осознавать свое положение как части исследуемого объекта, что, со своей стороны, требует определенной степени свободы. Леопольд Ранке назвал это самозабвением. Вильгельм Дильтей определял это как способность освободиться от себя как от исторической сущности, которая, как правило, преследует собственные утилитарные цели [30]. Методы обезличивания должны стать составной частью процесса специального образования историка. Учебный план по специальности «история» должен в значительной мере быть ориентирован на обучение по направлениям методологии и техники научной работы, чем на получение энциклопедических знаний. Именно так делается в лучших университетах.

Важной частью исторического процесса должны стать сравнение и контекстуализация. Это относится не только к национальной истории, но и к любой другой. Потому что только так различные национальные сюжеты войдут в продуктивный конфликт друг с другом. В словацко-венгерском контексте, помимо иного, актуален вопрос, как мог гегельянец Людовит Штур войти в неразрешимый конфликт с гегельянцем Лайошом Кошутом (венгерский государственный деятель, журналист, юрист, один из лидеров Венгерской революции 1848–1849 гг. — *Прим. пер.*). Сравнение и контекстуализация сегодня является путем к пересмотру структуры европейской истории. Европейской истории не как мозаики сюжетов национальной истории государств, а как истории европейской цивилизации.

В связи с этим было бы полезно вернуться к почти забытому сегодня Арнольду Тойнби. В межвоенной Чехословакии его работа

была маргинализирована в той или иной степени по политическим соображениям, так как он принадлежал к той части образованных британских кругов, которые явно симпатизировали движению судетских немцев. В связи с историей национальных государств продуктивной может быть его концепция истории как истории цивилизации и его теория об осмысленной области исторического исследования (intelligible field of historical study). Во введении к своему монументальному труду «Постижение истории» он упоминает непосредственно историю Словакии как пример национальной истории, которая сама по себе не имеет никакого смысла: «...не только невозможно написать словакоцентричную или хорватоцентричную историю Запада, но даже словакоцентричную историю Словакии или хорватоцентричную историю Хорватии... В этих случаях нельзя отделить их внутреннюю историю, которая иногда имела свои специфические черты, от внешних отношений...» [31]

На наш взгляд, эту концепцию Тойнби не всегда правильно понимают. Он не говорит, что, например, нельзя написать словацкую национальную историю, или, допустим, историю местности, региона или завода. Речь идет о том, что историю такого рода можно постигнуть в рамках пространства смыслов. Об этом его концепция цивилизаций. Частную историю можно целиком постигнуть, только если о ней говорят во всех ее контекстах.

Если мы в случае со Словакией посмотрим на возникновение Словацкого государства в 1939 г. в узком словацком национальном контексте, то упустим главное: возникновение этого государства было частью нацистской агрессии, имевшей целью достижение Германией мирового господства. Ключевой задачей того периода была борьба против этой нацистской угрозы. И оценка исторических поступков и отношений зависит от того, где, на какой позиции стояли целые народы и индивиды. Поэтому нельзя понять саму по себе историю Великобритании или Франции. Пространство, в котором разворачивается история Словакии, как и история Великобритании, – это, по мнению Тойнби, западная цивилизация. Интересно, хотя и спорно, что Тойнби считает восточную, конфессионально ортодоксальную область Европы самостоятельной восточной цивилизацией.

Новые темы. После ноября 1989 г. в словацкой историографии начались кардинальные изменения в плане тематической ориентации. В первые месяцы после смены режима больше всего говорилось о так называемых белых пятнах, то есть о темах, которые были прямо запрещены или нежелательны. Это относилось к истории конфессий, религиозных орденов, а также холокоста в отношении евреев и цыган, истории первой республики, особенно ее основных создателей – Томаша Гаррига Масарика и Милана Растислава Штефаника, коммунистического террора, сфабрикованных дел в начале 1950-х гг. и т.п. Правда, помимо «белых пятен», необходимо было «обесцветить» множество тем, которые в предыдущие годы были раскрашены в разные цвета, главным образом в красный и розовый. Речь идет о навязанной мантре из серии «без Великой Октябрьской социалистической революции не было бы свободной Чехословакии», а также о деформации социальной истории, суженной до истории революционного рабочего движения и истории коммунистических стран, и т.п. [32]

В 1960-х гг. в мировой историографии обозначились заметные подвижки в теоретической и методологической областях. Наметился переход от политической к социальной истории, вырабатывались исследовательские методы так называемой новой социальной истории (new social history). Во многих отношениях новые течения

на самом деле возвращались назад, например к Вольтеру, который уже с XVIII в. выразил пожелание, чтобы перестали писать историю королей, а писали историю народа, чтобы исследовали демографические изменения, экономическую историю и историю цивилизаций. К этому с 1960-х гг. добавились направления количественного исторического исследования (клиометрия) и лингвистического анализа. Центрами этих новых исследований были прежде всего университеты США. И идолы европейского гуманитарного и социального исследования, такие как Жак Деррида и Мишель Фуко, утвердились в Европе и на своей родине уже потом, после того как их «открыла» миру Америка. Все эти тенденции мировой историографии проникли в словацкое сообщество историков уже после 1989 г. Во времена тоталитаризма сведения о них были скупы и в основном имели форму «критики буржуазной историографии и философии». Был некий парадокс в том, что словацкие гуманитарные и социальные науки открывали для себя инновации последних десятилетий XX в. тогда, когда на Западе они уже переживали закат. Этих новшеств оказалось в одночасье слишком много для словацких историков, и овладевать ими было тяжелее без солидной теоретической базы, создание которой являлось задачей словацких университетов, но для ее выполнения им недоставало кадров.

Важной вехой в приближении словацкой историографии по тематической пестроте к мировой стал, как уже упоминалось выше, 17-й Конгресс мировой историографии, организованный Международным комитетом по историческим наукам в конце августа 1990 г. в Мадриде. В нем могло участвовать большее количество словацких историков без «дозволения» компартии и без контроля со стороны органов госбезопасности [33]. С точки зрения содержания конгресс был подготовлен на три года вперед, и это, безусловно, повлияло на его программу. Руководство Комитета, стараясь придерживаться организационного единства мирового исторического сообщества, приспособилось к условиям «разделенного» мира. Темы предлагались и представителями так называемого социалистического блока, и странами «третьего мира». В Мадриде таким компромиссом стала одна из трех главных тем – «Революция и реформа», которую представил бывший председатель народного комитета историков ГДР Йоахим Херрман с Карлом Деглером (США). Вопреки этим исторически обусловленным компромиссам мадридский конгресс представлял собой пестрый массив тем и тематических кругов, которые для словацких историков являлись абсолютно непознанными. В Мадриде уже отгремел хит прошлых лет – тема «Центр и периферия», которая позднее в историографии посткоммунистических стран на долгие годы закрепилась как благодатная и «долгоиграющая». Исключительно интересной и хорошо подготовленной была тема о роли мегаполисов в историческом процессе. Ее подготовил для конгресса историк из Лондона Теодор С. Бейкер, избранный председателем Комитета. Большой интерес вызвала также тема о понятии времени в различных культурах и исторических периодах; много внимания было уделено темам исторической антропологии и социальной истории, достаточно хорошо была разработана гендерная история, обсуждались вопросы методологии, где наблюдался значительный отход от европоцентризма. В любом случае конгресс в Мадриде оказал на словацкую историографию эффект точно направленного зеркала и стал для нее вдохновляющим началом.

В последующие десятилетия круг тем словацкой историографии существенно расширился, и можно сказать, что сегодня она

в целом идет в ногу с мировой историографией. Применительно к Средневековью научное исследование продвинулось от средневековой архивистики к полноценной исторической медиевистике. Наиболее значительно исследователи продвинулись в области социальной истории, поскольку в эпоху тоталитаризма она была ограничена историей рабочего движения, забастовок, восстаний и историей коммунистических партий. Заметные результаты были достигнуты в области гендерной истории (gender history), в исследовании детства и маргинализированных групп населения. Также уделялось внимание дворянству и его образу жизни. В то же время более скромные успехи показали специалисты по социальной истории XX в., так как в данной области и до того было достигнуто мало. В расширении тематического спектра словацкой историографии и ее стремлении охватить темы, актуальные в международной историографии, сыграл роль и Словацкий национальный комитет историков, подготовив для последующих мероприятий публикацию с перечислением материалов словацких историков по темам конгрессов.

Парадоксально, но на сегодняшний день в словацкой историографии отсутствует какое-либо серьезное исследование истории компартии. И это вполне можно понять, поскольку подобное исследование скомпрометировано предшествующим периодом и по этой теме существует большое количество практически бесполезной литературы. Исследование, обнажающее беззакония и оплошности коммунистического режима, было необходимо, однако оно не может полностью заменить политический, социальный и культурно-исторический анализ. Наблюдая за словацкой историографической тематикой последних десятилетий, нельзя не отметить довольно заметный отход от всеобщей истории, и прежде всего от истории международных отношений и истории дипломатии. Эта тенденция имеет свои причины, однако наблюдение за сегодняшним мировым развитием демонстрирует, что возврат к истории международных отношений, как и переоценка предшествующей литературы по теме империализма, необходимы.

Новые темы нередко требуют новых методов. С 1990-х гг. навязанный спекулятивный марксизм, или марксизм-ленинизм, исчез. Поскольку среди словацких историков теоретические дискуссии, которые бы отражали мировое развитие историографической методологии, не велись, историки более или менее стихийно работали со своего рода реформированным марксизмом, элементарным неопозитивизмом или элементарным феноменологическим подходом. Историческая наука сегодня до определенной степени социологизирована и антропологизирована.

Для будущего развития историографии обязательным представляется изучение ее теории и методологии. Для понимания процесса, в котором не только слова, тексты, но и другие знаки подвержены изменениям в историческом времени, требуются знание семиотики, изучение столь модного сейчас менталитета, знания из области социальной психологии, то есть расширение образования историка, с одной стороны, и плодотворное междисциплинарное сотрудничество – с другой. Традиционная работа исключительно с письменными источниками уже недостаточна для современного исторического исследования. С началом использования телефона (так в оригинале. Скорее всего, имеется в виду мобильный интернет. — *Прим. пер.*) значение письменных источников стало ослабевать. В сегодняшней виртуальной реальности это уже полностью очевидно. Историк должен работать с разными видами источников, и толкование и критика

нетекстовых источников требуют новой, нетекстовой, герменевтики. Историческая наука, таким образом, становится чрезвычайно трудоемкой. Это должно быть отражено и в концепции изучения истории.

Глобальное развитие современного мира влияет и на восприятие истории. Историки и философы второй половины XIX в., находившиеся под влиянием эволюционистской концепции, понимали ход истории как процесс развития человека и человеческого общества на основе естественного отбора. Ницшеанская концепция сверхчеловека видела исторический путь в формировании нового человека, человека самостоятельного, не зависящего от стада и его вожаков. Общество, состоящее из этих новых людей, должно было быть *телосом* истории. Ужасные войны и зверства XX в. в значительной степени оспорили эту теорию, но только в начале XXI столетия эта концепция исторического развития утратила основания для существования и была заменена скепсисом и отрицанием рассуждений об осознанном развитии исторического процесса. Со всеми этими обстоятельствами сталкивается и современная словацкая историография.

В заключение следует констатировать, что признаем ли мы это или нет, но эпистемологические проблемы современной словацкой историографии проистекают в значительной мере из ее развития до 1989 г. Разнообразные мировоззренческие концепции и связанные с ними оживленные споры в западной историографии с 1960-х гг. о возможностях и ограничениях познания в гуманитарных науках, которые часто возвращались к эпистемологическим дискурсам прошлых веков (и прежде всего к чрезвычайно плодовитому в этом отношении XIX столетию), не нашли отклика в словацкой историографии (в отличие, например, от историографии соседней Польши). Наоборот, с релятивизмом знания систематически боролись подчеркиванием «единственно верного метода познания». Это повлияло на восприятие истории и после 1989 г. Здесь отсутствовало представление о том, что разнообразие взглядов и методов может вместе создавать совокупность, которая способна сдвинуть с мертвой точки и углубить понимание исторического процесса. Так это видел Ганс-Георг Гадамер: «Чтобы спорящие стороны, каждая со своим взглядом, сошлись – как уже много раз было – на том, что их противоположные позиции составляют ясное и связное целое (это, очевидно, потребует от обеих сторон готовности задуматься об относительности своих взглядов), каждая из них должна полностью осознать пристрастность своего взгляда. Никто сегодня уже не сможет избежать рефлексивности, которая характеризует современный дух» [34].

Этот современный дух, осознающий относительность познания и в то же время принимающий тот факт, что историк, как субъект познания, сам является исторической сущностью, дает отправную точку, с которой в XXI в. должно начаться открытие новых горизонтов в словацкой историографии.

Пер.: редакция журнала «Вопросы истории»

Примечания

Статья подготовлена в рамках проекта APVV-22-0205 «Проблемы истории историографии и размышлений об истории в Словакии». Статья является расширенной и дополненной версией доклада, прочитанного на съезде Словацкого историографического общества в 2022 г. в г. Банска-Бистрица.

1. FUKUYAMA F. The End of History and the Last Man. NY. 1992.
2. ERDMANN K.D. Toward a Global Community of Historians. The International Historical Congresses and the International Committee of Historical Sciences, 1898–2000. New York 2005; The Oxford History of Historical Writing. Vol. 4. 1800–1945 / Gen. ed.: D. Woolf; Eds.: S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. Oxford. 2011.
3. См.: KOVÁČ D. Paradoxa und Dilemmata der postkomunistischer Geschichtsschreibung. In: Klio ohne Fesseln? Historiographie im östlichen Europa nach dem Zusammenbruch des Kommunismus / Eds.: A. Ivanišević, A. Kappeler, W. Lukan, A. Suppan. Wien—Frankfurt a. M.—Berlin—Bern—Bruxelles—NY—Oxford. 2002, S. 15–42 (пер. на словацкий язык см.: Paradoxy a dilemy postkomunistickej historiografie. In: KOVÁČ D. O historiografii a spoločnosti. Bratislava. 2010, s. 105–126).
4. CLARK C. The Sleepwalkers: How Europe went to War 1914. London. 2012.
5. War in Peace: Paramilitarism in Europe after the Great War 1917–1919 / Eds.: R. Gerewarth, J. Horne. Oxford. 2012; WINTER J. The Day the Great War Ended, 24. July 1923. The Civilianization of War. Oxford. 2022.
6. HANZAL J. Cesty české historiografie 1945–1989. Praha. 1999. Sv. I.
7. NEČASOVÁ D. Několik (o)bludných cest české historiografie posledních třiceti let. In: Soudobé dějiny. 2023. Roč. 31. Č. 1, s. 169.
8. См.: KOVÁČ D. Popoluška slovenskej historiografie – vlastné dejiny. In: Historický časopis. 2004. Roč. 52. Č. 2, s. 233–237.
9. HUDEK A. Najpolitickejšia veda: Slovenská historiografia v rokoch 1848–1968. Bratislava. 2010.
10. KUTNAR F., MAREK J. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Od počátků národní kultury až do sklonku třicátých let 20. století. Praha. 1997.
11. В немецких теоретических источниках это отношение между событием (действием) и историей (Geschehen und Geschichte).
12. GOETHE J.W. VON. Werke. Bd. 14. München. 1981, S. 93. См. также: MEINECKE F. Goethe und Geschichte. München 1949.
13. RICOER P. Temps et récit, 3. Le temps raconté. Paris. 1991. См. также: STEINBACH T.-F. Gelebte Geschichte, narrative Identität: Zur Hermeneutik zwischen Rhetorik und Poetik bei Hans Blumenberg und Paul Ricoer. Freiburg—München. 2020.
14. В своем произведении Scienza nuova (1725) создал первую современную философию истории, в которой исходил из предпосылки, что законы исторического мира созданы людьми, поэтому должны быть легче доступны человеческому уму.
15. „Mein Bewusstsein ist der Ort, welcher diese ganze scheinbar so unermessliche Außenwelt einschließt, der Stoff, aus welchem alle Objekte, die sich in ihr stoßen, gewoben sind". — DILTHEY W. Texte zur Kritik der historischen Vernunft. Göttingen. 1983, S. 93.
16. „Heute tritt nun die Hermeneutik in einen Zusammenhang, der den Geisteswissenschaften eine neue bedeutsame Aufgabe zuweist. Sie hat immer die Sicherheit des Verstehensgegenüber der historischen Skepsis und der subjektiven Willkür verteidigt". — Ibid., S. 198.
17. SPINOZA B. Etika / Transl. J. Špaňár. Bratislava. 1986, s. 92.
18. См.: KREKOVIČ E. Mýty naše slovenské / Eds.: E. Mannová, E. Krekovičová. Bratislava. 2005.
19. Ср.: KOVÁČ D. Moderná európska historiografia medzi národným príbehom, europocentrizmom a univerzalizmom. In: IBID. O historiografii a spoločnosti..., s. 17–30.
20. STEINBACH T.-F. Op. cit., S. 351, etc.
21. SCHRADER V. Geschichte als narrative Konstruktion: Eine funktional-linguistische Analyse von Darstellungstexten in Geschichtsschulbüchern. Berlin. 2013, S. 38.
22. RÜSEN J. Geschichte im Kulturprozeß. Köln—Weimar—Wien. 2002, S. 102.
23. Ibid., s. 131.
24. „Jede echte Geschichtsbetrachtung ist echte Philosophie – oder bloße Ameisenarbeit". — SPENGLER O. Der Untergang des Abendlandes. Bd. 1. München. 1923, S. 54.
25. WHITE H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore—London. 1973 (пер. на чешский язык: WHITE H. Metahistorie. Brno. 2011).
26. ŠUCH J. Naratívny konštruktivizmus Haydena Whita a Franka Ankersmita. Ostrava. 2010.
27. См.: Den Holocaust erzählen. Göttingen. 2007.

28. WINDSCHUTTLE K. The Killing of History: How Literary Critics and Social Theorists are Mordering Our Past. San Francisco. 1996.
29. EVANS R.J. In Defense of History. London. 1997 (пер. на чешский язык: EVANS R.J. Na obranu historie. Praha. 2019).
30. GADAMER H.-G. Problém dějinného vědomí. Praha. 2019, s. 29.
31. "Indeed, short of writing a Slovako-centric or a Croato-centric history of the West, we should find it impossible to write even a Slovako-centric history of Slovakia or a Croato-centric history of Croatia... It would be impossible, in their case, to distinguish from their external relations an internal history which was something specifically their own". — TOYNBEE A.J. A Study of History. Vol. 1. London—NY—Toronto. 1962, p. 13. Книга впервые вышла в 1934 г. В переводе на чешский язык есть предисловие Тойнби к своему произведению: TOYNBEE A.J. Studium dějin / Transl., intr.: V. Faktor. Praha. 1995.
32. См.: KOVÁČ D. Paradoxy a dilemy postkomunistickej historiografie..., s. 121, etc.
33. Ограничением выступали финансовые сложности, связанные с участием.
34. GADAMER H.-G. Op. cit., s. 12.

Contents

Articles: **P.A. Iskenderov.** Historical process: there are still more questions than answers. Chronicle of the Great Victory: **M.B. Shaveleva, N.A. Kuznetsova.** The role of the Gorky State Defense Committee in organizing the work of the rear during the Great Patriotic War. People. Events. Facts: **I.M. Afonasenko.** Noble title, coat of arms, and genealogy of Boris Vasilyevich Kene, the creator of the State Coat of Arms of the Russian Empire; **S.V. Aristov.** Between "public health" and corporate silence: German doctors in the 1933 – 1960s. Contributions: **Yu.B. Nadtochiy.** Vladimir Grigorievich Shukhov: portrait of the outstanding person and the recognized engineer, inventor, scientist (pre-revolutionary period). Historiography: **A.D. Shcheglov.** The review of the book: AGISHEV S.YU. Rech' protiv episkopov. Teksty. Perevod. Kommentarii. Srednevekovaya Norvegiya mezhdu korolevskoy vlastyu i tserkovyu: trudny dialog (Sergey Yu. Agishev. A discourse against the bishops. Texts, translation, comments. Medieval Norway between the royal power and the church). Moscow: MTSMNO, 2025. 272 pages. History of Culture: **D.L. Chavchanidze.** On prose as understood by masters of poetry (a novel). Foreign Colleagues Tell: **T. Pye.** The Scottish Enlightenment and the remaking of modern history; **A. Carrol.** Imagining a Channel Tunnel in France after the First World War; **D. Kováč.** Slovak historiography after 1989 in the international context: theoretical-methodological aspects.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:
М.Ц. Арзаканян, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова

Над выпуском работали:
П.А. Искендеров, К.А. Пахомова, А.И. Петрушина

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Редакция не несет ответственности за достоверность публикуемых авторами сведений
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 9, 2026
Адрес: Журнал «Вопросы истории»
Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.
Телефоны: (499) 973-32-75, (499) 973-36-95. E-mail: 095history@mail.ru
Сайт: https://voprosy-istorii.ru
Оригинал-макет номера подготовлен в редакции
Подписано в печать 21.09.2026. Формат 70x108 1/16.
Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,0. Уч-изд. л. 16,36. Тираж 280. Заказ 3924–2026. Индекс 70145.
Цена свободная.
ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09,
(495) 941-34-72,
(495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
http://www.redstarprint.ru